

СМЕРТЬ И ЛЕТО

Елена Колесник
Андрей Федорив

МОСКВА
2008

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 60

Художественное оформление Марии Басиповой

В оформлении переплета использована фотография А. Федорива

Колесник Е., Федорив А.

К 60 Смерть и лето / Елена Колесник, Андрей Федорив. — М. :
Бослен, 2008. — 384 с.

ISBN 978-5-91187-062-1

Если стирается грань между тем, что есть и что может быть,
И исчезает различие между тем, что может быть и чего
быть не может,
Когда то, чего не может быть, становится тобой,
Кем становишься ты?

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-91187-062-1

© Колесник Е., 2008
© Федорив А., 2008
© Оформление. ООО «Бослен», 2008

В этой книге вы найдете оригинальный текст рукописи, автором которой является один из участников описываемых в ней событий. Параллельно тексту рукописи публикуются дневники, имеющие непосредственное отношение к случившемуся. Отрывки из дневников вставлены в рукопись без каких бы то ни было изменений. Некоторые несовпадения в текстах рукописи и дневников при описании одних и тех же событий оставлены и не исправлены намеренно, дабы донести до читателя непредвзятое, более полное и объемное представление о произошедшем.

Он начал себя забывать.
Потому что ему понравилось
Быть другим.
Он полюбил форму
И свое отражение
Во времени.
Он втянулся в игру
И ошалело нажимал на кнопки.
Он заболел.
Жизнью.
Мысль укоротилась
И уже не дотягивалась.
Она слабела и теряла силу в
Ограничении.
Ограничение манило.
И он ограничил себя
Смертью...
Он придумал смерть.
И забыл.

Глава 1

Когда ныряешь,
В себя вмещаешь,
Что было скрыто.
Воспринимаешь
И понимаешь —
Теперь открыто.
И изучаешь,
И погружаешь
Свое сознание.
Себя теряешь
И забываешь,
Что ты ныряешь.

Временной промежуток отсутствия Кириного внимания в этом мире и, возможно, присутствия его где-то в другом равнялся трем дням, по прошествии которых Кира открыла глаза и увидела Кирилла. Она слабо улыбнулась и снова закрыла глаза. Желудок танцевал шаманский танец, в голове гудело и иногда щелкало, тело вздрагивало и автоматически отсчитывало мелкие мышечные судороги. Все это было не очень приятно, но в целом вполне терпимо и означало, что она жива и находится в том мире, где жив Кирилл, ну а остальное, собственно, не так уж и важно. После пережитого ею за это время обнаружить себя в целостности и сохранности, в человеческом облике, да еще и рядом с Кириллом явилось бесспорным везением и несказанной удачей. Несколько дней отсутствия ее сознания в теле представлялись, с одной стороны, вечностью — с точки зрения осознания и охвата

новых ощущений, переживаний и полученной информации; с другой — мгновением, мизерной точкой во временном пространстве, поскольку увиденное и прочувствованное помещалось в сознании не как протяженные во времени события, которые подолгу потом вспоминаются, притягивая различные эмоциональные состояния, а как вдруг появившийся или всегда находившийся в голове, только, возможно, вне зоны доступа, блок голой информации типа математических формул.

— Ты здесь? — Услышала она спокойный голос Кирилла.

— Угу...

— Я скучал по тебе.

— Сколько?

Она попыталась открыть глаза и поймать в фокус лицо Кирилла. Попытка удалась, по щеке скатилась слеза, потом другая — то ли от радости, то ли от ярко-го света. Кира провела ладонью по лицу, вытерла непрошеную влагу, попробовала на вкус и широко заулыбалась.

— Три дня. — Кирилл помог ей сесть, нежно обнял и слизнул остатки слез.

— Я была без сознания?

— Не сказал бы... Какое-то сознание в тебе определено было.

— И оно продержалось здесь так долго?

— Как видишь.

— И что?

— И ничего. Получи себя в целостности и сохранности. Проверь рабочее состояние всех механизмов прямо на месте — потом претензии не приму. — Кирилл светился и веселился.

— И кто здесь был?

— Честно?

— Все равно как. Ты ведь не честно не умеешь.

— В самом деле? Надо срочно учиться...

— Не увиливай.

— Даже и не думал. — Он вдруг сделался серьезным. — Было то существо... Только я не знаю, кто оно. Сначала я думал, что это твоя сила, потом, что это Тень, которая, прорываясь, прорвалась. Но Тень жестокая и агрессивная, а существо, с которым я жил, милое, ласковое и любопытное. А главное — любящее. Если это Тень, то она все забыла, упав в твое тело...

— Забыла что?

— Ну, как пробиралась в этот мир, используя все средства, в том числе и тяжелую артиллерию под названием Давид. Забыла, кто она, откуда, да и зачем она здесь. Если бы ты только могла видеть, с каким удовольствием ест она мандарины...

— Если бы ты мог видеть с какой нежностью ты о ней говоришь... Уже по ней скупаешь?

Кирилл пропустил это замечание мимо ушей, вернее, мимо искушения на него ответить, поскольку ему было совершенно очевидно, что у Киры функционирует все, как прежде, а следовательно, лучше не вступать с ней в пререкания.

— Так вот, — продолжал он. — Исходя из моих наблюдений, я не могу сказать ничего определенного по поводу того, кто это был. Но это было вполне дружеское, сообразительное, нежное и чуткое создание, разбирающееся в математике гораздо лучше, чем в чем-либо другом и чем кто-либо другой... Как ты себя чувствуешь?

— Так себе... В общем, нормально. Кофе хочу. Нет. Сока. Апельсинового. Или кофе?

— В чем вопрос? И кофе, и сока. И много еще чего. Живем! — Кирилл встал и направился на кухню. — Я мигом.

Пока Кира поочередно гипнотизировала то чашку с кофе, то стакан с соком, как будто не решаясь, с чего-то все-таки начать, Кирилл изучал свою Киру и вяло удивлялся, насколько не похожа она на то существо, которое замещало ее все это время, и насколько она, несмотря на это, одно целое с этим неизвестным существом. Вопросы кружили и извивались в его голове, даже не пытаясь найти себе ответы. В противном случае он давно бы сошел с ума. Кира, внутренне, видимо, на что-то решившись, придвинула к себе стакан с соком.

— А ты себя как-то ощущала в это время?

— Ощущала... Только вот себя ли?

— Расскажешь?

— Конечно, только рассказывать особенно и нечего. Мне кажется, я жила бесконечно долго в разных мирах и обличьях или вообще без какого-либо обличьа, а теперь просто об этом вспомнила, но вспомнила с пробелами, неточностями, провалами и полным отсутствием оценок. Информация просто появилась в моей голове... Лучше всего я помню место, которое я условно назвала переходом. Не знаю почему. Может, потому, что мои ощущения пребывания там совпали с впечатлениями, получаемыми в обычном подземном переходе под какой-нибудь широкой магистралью типа Ленинского проспекта, — в общем, в длинном переходе, обложенном дешевым кафелем и скользкой плиткой, со специфическим запахом или легким зловонием — в непопулярные поздние или ранние часы, когда переход безлюден. И если кто и встречается в нем, так это обкуренная молодежь или согнанный с теплого наеста сонный бомж. — Она криво улыбнулась. — Переход населяют сущности, или голоса. Я, по крайней мере, их не видела, только слышала. Но не всегда. Чаще переход оставался безмолвным, и я бродила по нему,

ища выход. Иногда эти скитания казались бесконечными. И тогда я пыталась найти им конец. О том, что я провела в поисках и блужданиях много времени, я знала только из движения своей мысли, — постоянного внутреннего диалога, поскольку не было никаких внешних признаков течения времени, кроме голосов или существ, воспринимаемых мною как голоса. Но они проходили мимо очень редко. И в основном я слушала только свои мысли. И для того чтобы остановить время, мне стоило лишь остановить свой внутренний диалог. Звучит просто, но сделать это было почти невозможно. Не знаю, сколько тысяч лет ушло на это. Но в конце концов я научилась.

— А о чем с тобой говорили голоса?

— Скорее, они говорили между собой. Иногда обо мне. Я плохо помню. Бред какой-то несли.

— Как это?

— Ну, слышу я вдруг какой-то шум, как будто кто-то возится. Потом кто-то говорит:

«— Смотри, и она здесь.

— Бедная... Я ее раньше заметил. Она уже давно здесь.

— Врешь. Что же не сказал?

— А ты не спрашивал.

— Но я же тебе сейчас сказал, хоть ты не спрашивал!

— Мог бы и не говорить... Она красивая...

— Ты ее видишь?

— Знаю.

— Опять врешь! Чтобы узнать, нужно ее съесть...

— Не обязательно... Существуют и другие способы постижения знания.

— Может, и существуют. Но не для тебя. Ты подмножественный.

— От подмножественного слышу.

— Ладно тебе. Лучше вместе — она нас пытается услышать.

— Да ну? Думаешь, слышит?

— Думаю, да.

— Ну и пусть слушает. Как бы ни силилась, не зафиксирует. Она множественная. Никогда себя не соберет.

— Интересно все-таки, что она думает, если нас слышит.

— Да ничего не думает. Она не умеет думать. Мысли просто проходят мимо. И самое большое, что она может сделать, это отследить их.

— А если она сольется?

— Сольется, не сольется — не наше дело. Мы сторона».

Ну и дальше в этом роде. Они часто между собой бранились или играли в какие-то непонятные игры. Они возникали по двое, по трое, иногда кучей и перебивали друг друга, и трудно было разобрать, о чем спор. Вообще переход — неприятное место. Темное и жуткое...

Кира медленно выпила сок.

— Для нее сок? Это не апельсиновый, а мандариновый.

— Какая разница? Разве не вкусно?

— Очень вкусно. Только мандариновый надо еще поискать. Раньше ты никогда не покупал мандариновый... Хорошо. Развиваешься... — Она сделала глоток кофе и замерла, тщательно его дегустируя.

— Скажи, что и кофе мандариновый...

— Не скажу. Кофе хороший. Она пьет кофе?

— Терпеть его не может. А когда я пью, отворачивается. — Он засмеялся. Кира опустила голову. — Кир, поверь мне, здесь нет места ревности. Знаешь, когда я

понял, что потерял тебя, думал, что умру, даже плакал...

Она подняла глаза.

— Еще я помню мир, светлый, очаровательный и приятный. Очень красивый и расцвеченный. В отличие от перехода, в нем присутствовали формы, но они постоянно менялись, переливаясь цветом, светом, пространством и временем. Похоже, там трехмерное время. Можно было путешествовать по времени назад, вниз, вверх, в сторону...

— Как это?

— Не знаю, как. Это просто есть в моей голове. И еще я видела тебя, только не человеком, а пульсирующей гравитацией...

— А это как?

— Не знаю. Думаю, в моем теперешнем состоянии сознания бесполезно пытаться об этом рассказать. Все, что я говорю, все равно не имеет ничего общего с тем, что я видела. Но по-другому сказать я не могу. Я не хочу об этом вспоминать. Мне тяжело. Вот-вот взорвусь.

— Хорошо, не надо вспоминать. Не надо взрываться.

Времени больше не существовало. Вместо него была пружина металлической ленты, выброшенная неизвестной силой из старого будильника. При попытке построить события в логической последовательности, она скрипела жестью, не желая растягиваться, и завязывалась в узлы.

Я потерял самое дорогое. Безвозвратно. И снова нашел его.

Душа стала телом. Тело — душой. Но уже другой.

Но было легко. Легко и хорошо. Несмотря ни на что. Наверное, потому, что со мной была Кира.

Январь 2005 года. Зима в Москве была снежной и мягкой. Охотники за Кирой разбежались кто куда. Слежки не было, впрочем, возможно, мы ее не замечали. Писем от Муслима я не получал больше месяца. Мы с Кирой решили, что он умер и даже как-то вечером выпили за упокой. Жили, наслаждаясь друг другом, и только минимально задумывались о будущем. Кира хотела, чтобы мы поехали куда-нибудь отдохнуть, я же пока не решался, сомневаясь, сможет ли фирма просуществовать без меня. Такое непривычное спокойствие радовало и успокаивало, и все было бы хорошо, но...

Я часто думал о Тени, о том существе, которое жило за дверью видимого мира, ключ от которой мне дал Муслим. Я допускал, что, возможно, это существо и не было Тенью... непримиримым врагом Киры, а наоборот, являлось ее защитником — Силой. Не знаю. Понять, кто есть кто, можно было, только вызвав ее снова. И хотя я решил больше никогда не делать этого, тем не менее в мыслях я возвращался к такой возможности все чаще. Я понимал, что нарушаю свое, еще совсем недавно твердое решение, но главным было то, что я скучал по этому существу. Существу, которое приходило по моему желанию в тело Киры. Хотя я не уверен, что только по моему желанию, все очень непросто, и я допускаю, что я тоже только пешка в какой-то странной игре. Но, по мере того, как нарастало мое желание, мне становилось все менее важно, кого я вызову — Тень или Силу. Это было странное ощущение, которому я не сразу начал отдавать отчет. Без сомнений, я очень любил Киру,

но во мне помещалось еще и чувство к той, которая приходила по зову ключа. Промаявшись около месяца, я завел разговор с Кирой. Кира отнеслась к моему рассказу спокойно. Впрочем, она всегда была легкомысленной в серьезных вопросах.

— Ты же мне не говоришь, как ты вызываешь Силу, но если ты можешь тем же способом возвращать ее обратно, а меня сюда, тогда проблем нет, зови своего чудо-ребенка, тем более если тебе очень хочется. Муслим — твой друг, — это было сказано с небольшой долей сарказма, — писал же тебе, что ты должен больше себе доверять.

И я позвал. С двойным адреналином в крови. За два месяца, которые прошли от последнего перевоплощения, я успел позабыть эти ощущения, когда Кира берет шар, каждый раз разглядывая его, задает один и тот же вопрос: «Что это за народное творчество?», потом по моей просьбе дует в него, застывает и теряет сознание...

Глаза открыла не Кира. Глаза открыл мой милый ребенок. Это было заметно по совсем другому выражению лица. Она, не шевелясь, обвела глазами комнату, нашла меня. И улыбнулась так радостно и так беззаботно, как, я уверен, никто на земле улыбаться не умеет.

— Привееееет.

Она бросилась мне на шею и прижалась к небритой щеке. Потом отстранилась и стала меня рассматривать, то приближаясь ко мне, то отдаляясь. Затем она как-то неестественно повернула голову, заглядывая в мой левый глаз, заулыбалась, как будто увидела там кого-то знакомого, и приветственно замахала рукой. Не мне, а тому, кто находился, по всей видимости, во мне.

— Привет. Я здесь. Ты меня видишь? Я здесь.

Потом, сместив внимание на мою недоуменную улыбку, обратилась и ко мне тоже. Это выглядело так, как будто она сменила фокус. Теперь она обращалась не к глазу, а к моему лицу в целом.

— Ты — Го, ты — Го, ты — Го. Я знаю, я вижу, я сразу все вспомнила. Вот я какая, я же говорила тебе, что я вспомню, и вспомнила.

Она опять заглянула мне в левый глаз, как будто пыталась в него влезть, вытянула шею и помахала рукой.

— Я здесь. — Потом снова ко мне в целом. — Ты сделал этот мир, чтобы меня развлечь? Чтобы дать возможность мне поиграть? Да? Правда? Ты хороший в этом мире. Красивый и добрый... — Она отстранилась и задумалась. — Только вот... Почему ты мне не веришь, когда я рассказываю тебе, что была в мире, где ты состоишь из поверхностей, где говорят словами и где есть мандарины? Вот как так? Ты же здесь, и я здесь. Почему ты не признаешься, что тоже со мной в этом странном мире. Почему говоришь, чтобы я меньше фантазировала? — Не-Кира надула губки. — Как так?

Что я мог на это ответить?

— Ну, не обижайся. Хочешь мандарин?

Разберемся позже, чему это я не верю. Дорогому гостю его любимое кушанье.

— А есть? Можно? Течет? Мандарин течет. Я умею есть мандарин.

Мы самозабвенно скушали мандарин, попробовали еще что-то из холодильника, полюбовались на себя в зеркало, побрызгались водой в ванной и после всего этого умиротворенно улеглись на диван поболтать о наших делах.

— Ну, красавица, рассказывай, что ты вспомнила? Кто ты и откуда?

— А ты точно не знаешь? Ты же Го. Ты должен все знать. Не притворяешься?

— Нет, я не знаю. Я забыл. Рассказывай, пожалуйста.

Не-Кира внимательно посмотрела на меня.

— Ладно, слушай, почему ты не помнишь себя, потом выясним... Меня зовут Сенка. Я — Сенка Эя, запомни. А ты — Го. Ты госеп. Ты главный в нашем мире. А я с тобой, мы вместе. Ты меня очень любишь. Ты очень большой и все время что-то делаешь. У тебя много лабораторий. А я тебе помогаю.

Я привык изображать свои мысли графически. У меня всегда и дома, и в офисе валяются несколько планшетов, где я что-то зарисовываю, чтобы лучше разобраться в предмете. Я подал Сенке планшет с бумагой и стакан с карандашами. Сенка осмотрела карандаши, выбрала необходимые и нарисовала что-то очень похожее на веник — сверху скрученные в жгут волокна, постепенно утончающиеся в объеме, снизу резко расширяющаяся часть. Среди черных, темно-синих и зеленых волокон выделялось одно еле заметное тонкое волокно оранжевого цвета.

Рисунок получился красивым. Темный, угрожающего вида вихрь выглядел объемным и даже завораживающим. Вплетенный в него тонкий красный торнадо придавал большому вихрю черту характера, некую историю, которая делала его не столь безнадежно опасным.

— Вот видишь, это ты такой большой, а я розовая, вот эта тонкая линия. Только я еще меньше, но у тебя эта палочка тоньше не рисует. Разрешение этой палочки...

— Карандаша.

— Ну да, разрешение карандаша недостаточно для такой площади бумаги. Но схематически, примерно, мы с тобой так и выглядим.

— А в чем ты мне помогаешь?
— Ты мне даешь разные задания.
— Какие, например?
— Ты без меня не можешь. Ты слишком большой, чтобы делать многие вещи. Это все я для тебя делаю. Это как у вас, как... как будто... — Она покрутила головой, озираясь, задумалась, видимо, подбирая сравнения, остановила свой взгляд на мне. Критически оглядела меня с ног до головы. — У тебя ладонь и пальцы большие, и ты не можешь ухватить и вставить маленькие детали в дырочки, а я могу, потому что у меня маленькие ручки. Поэтому ты меня просишь то выделить для тебя энергию одного спектра из большого пучка, то, наоборот, сплести, или узнать, что в каком-то месте пространства находится и из чего состоит, или структурировать какое-нибудь сознание.

— Как интересно. А что за мир, где мы живем?

— Наш мир — Гесе. Он так называется потому, что в нем живут гесепы, которые в своих лабораториях создают разные миры... Ты сделал много миров. Как и другие гесепы. Иногда и отличить трудно ваши миры от тех, которые всегда были в бесконечности...

— А ты видела другие миры?

— Конечно. Я же Сенка! — сказала она и так на меня посмотрела, что я почувствовал некоторое неудобство от того, что не знал, кто такая Сенка и почему для нее так естественно видеть другие миры. — Я могу ходить между мирами. Не все могут, а я могу, потому что я Сенка. — Она осеклась и растерялась... — Но я ни разу не попадала в твои миры. Сама. — Потом опять заулыбалась. — Ты все-таки его сделал, чтобы развлечь меня? Да?

— Наверно. Я не помню... Но, скорее всего, да. Зачем же еще он нужен? А ты уверена, что это я там с тобой в том мире, где ты Сенка?

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Ну конечно! Какой глупый вопрос. Я же вижу! — Она постучала по моей голове, потом погладила свою. — Впрочем, ты там у нас тоже все время тупишь. Но это потому, что ты большой. Тебе трудно собрать себя.

— Ладно, не обижайся. Я же большой и поэтому медлительный, тут ничего не поделаешь. Но почему я главный в вашем мире? Мне кажется, у меня нет таких стремлений, как быть главным или руководить кем-то, особенно целым обществом.

— Ну а как же, ты самый большой, самый сильный, самый умный, самый развитый. Вот ты и главный. Разве здесь не так?

— Нет, здесь не так. Как же узнать, кто самый развитый?

— И узнавать незачем. Все и так видят. Твое число. У тебя самое высокое число. У каждого есть как бы цифра. Вообще-то, это совсем не цифра, скорее даже цвет... Но это неважно. У кого число самое большое, тот первый, то есть главный. Хочет он или не хочет, у него такая обязанность — быть главным. И все его слушаются, если что случается, просят совета. Если кто-то другой станет первым, тогда он будет главным.

— А у нас главный — самый хитрый. А уровень его развития совершенно неважен, чаще всего у самых хитрых он... сама понимаешь, невысок.

— Ну и мир ты сделал. Как же так?

Я слушал Сенку как в тумане, поскольку то, что она говорила, с трудом укладывалось у меня в голове, кроме того, я немного нервничал, смогу ли я вернуть Силу — теперь уже ясно, что Силу, которая звала себя Сенкой — обратно в ее мир без проблем. Не мог избавиться от этой мысли. А то, что рассказывала мне Сенка, надо было воспринимать без мешанины мелькаю-

щих мыслей и захватывающих эмоций, без каких бы то ни было посторонних, тем более тревожных мыслей. Поэтому наша встреча продолжалась не более часа. Но возвращение прошло обычным путем и без затруднений. Мы встали, обнявшись, я мысленно нарисовал вокруг нас круг и резко выдернул Сенку из круга. Тело повисло у меня на руках, мышцы Киры были полностью расслаблены. Положив Киру на диван, я начал массировать ладони. Несколько минут волнений, и Кира открыла глаза.

— Привет. Все нормально? Выражение лица, речь были совсем другие.

— Да, все нормально.

Я обнял Киру. Так как несколько минут назад обнимал Сенку. Или нет, наверно, немного по-другому.

— Тебе привет от Сенки. Пойдем на кухню, сварим кофе, и я расскажу тебе много интересного. Про тебя и про меня. Кстати, ты как себя чувствуешь?

— Я бодрa и весела. Очень хорошо себя чувствую. Похоже, визит твоей подружки хорошо влияет на тело.

За кофе я рассказал Кире о Сенке и Го. Об их мире.

— Как интересно. Значит, мы и там вместе. Кстати, ты не спросил, давно ли они вместе и как это случилось?

— Нет, увы. Я немного растерялся от того, что говорила Сенка, да и от нее самой. Спрошу в следующий раз. Действительно, очень интересно. Она рассказала много странных вещей. Когда слушал, был не в состоянии анализировать. Просто воспринимал. Записывал на диск. А теперь даже боязно этот диск читать.

— А ты не бойся. Давай считывай и излагай, что за странности.

— Она, в смысле ты, — Сенка. Сенки не бывают разных полов — она просто Сенка. Я — Го, госеп, кото-

рый тоже просто госеп, не мальчик, не девочка. Но госеп с Сенкой могут жить вместе. А еще у них есть Сидх, Гром и Кей. Все они равноправные существа их мира, хотя, впрочем, то, что равноправные, я не очень уверен, но они одного уровня. В том смысле, что они могут между собой общаться, понимать друг друга, иметь общие интересы и жить вместе... У них пять полов.

Кира молчала и смотрела на меня с любовью, в которой, как мне показалось, я заметил жалость.

— Только ты не сходи с ума, пожалуйста. Все великие мистики в конце концов сошли с ума. Считай, что это просто мой бред. Ничего нет, есть только один мир, в котором мы живем, а все остальное только мои фантазии или галлюцинации. Относись к этому так. Жаль, твой друг Муслим умер, вот он бы тебе все объяснил. — Слово «друг» все-таки было сказано с небольшой натянутостью.

Но Муслим не умер. Вечером следующего дня, после двухмесячного молчания, я получил от него письмо.

«Здравствуй, милый мальчик! Сделали срочную операцию, после которой только-только прихожу в себя. Ты уж, наверно, подумал, что все, вышел Муслим весь. Ан нет, здесь я, с вами. Чувствую, что будет еще интересно и я смогу быть еще полезен. Возможно, я вернулся, только чтобы еще немного помочь вам. Помочь. Пока я очень слаб. Напишу, когда получу от тебя почту.

Муслим».

Конечно, я обрадовался. Я обрадовался и тому, что Муслим жив, и тому, что есть хоть один человек, который может, пускай не все, но хоть что-то объяснить.

После обеда мы с Кирой поехали в Храм Христа Спасителя слушать музыку. Со стороны, противоположной центральному входу, обращенной к набережной Москвы-реки, находится концертный зал с красивым интерьером и плохой акустикой. Но если занять места поближе к сцене, то слушать музыку вполне сносно. Я очень люблю водить Киру по концертам, особенно классики. Она слушает музыку активно, полностью погружаясь в нее и растворяясь в ней, реагирует каждой частичкой своего непростого существа на вибрации звука, а потом после концерта на какое-то время оживает и проясняется. Наверное, если бы я был в состоянии водить ее на концерты каждый день, у нас не было бы и половины наших проблем.

Играли Стравинского — отрывки из балета «Петрушка». Возможно, именно с этого произведения начался русский авангард. Музыка идеально подошла под наше состояние. Было в этих звуках что-то, что так же рвалось за пределы привычного, как и наши мысли за грань познанного.

После концерта мы прогулялись по старой Москве, обсуждая, как могла такая радикальная музыка быть написана и исполнена в начале прошлого века. Дошли до Арбата и зашли в работающий допоздна книжный магазин. Мой взгляд случайно выхватил название книги — Стравинский «Хроника моей жизни». Взяв книгу с полки, я наугад открыл ее и прочел Кире: «Я не живу ни в прошлом, ни в будущем. Я — в настоящем. Я не знаю, что будет завтра. Для меня существует только истина сегодняшнего дня. Этой истине я призван служить и служу ей с полным сознанием».

На следующий день я снова позвал того, кто называл себя Сенкой. Купил для нее клубнику, и мы провели время на диване, болтая. Сенка была такая

милая и кроткая! А как она рассматривала клубнику перед тем, как съесть! Вертела ее в руках и разглядывала со всех сторон, подмечая детали, на которые я никогда не обращал внимания, показала мне все оттенки цветов и цветовых переходов, все изгибы, малейшие впадинки, точки, различные формы и рисунки. Никогда не подумал бы, что это все имеется в клубнике. Она нюхала ее, не решаясь надкусить. И так происходило с каждой ягодой. Я не подозревал, что можно быть таким внимательным. Надкусив первую, она долго сидела с закрытыми глазами, наслаждаясь.

— Ну как, вкусно, Сеночка?

Она открыла глаза, сама еще находясь где-то там, далеко, в новых ощущениях.

— Ты не понимаешь, — наконец сказала она, — что значит вкус клубники для того, кто никогда не знал, что такое вкус и что он вообще бывает, для кого даже невкусное — вкусно. А тут клубника...

Мне же было интересно узнать все о ней, об их мире, обо всем. И в перерывах между восхвалением клубники она удовлетворяла мое любопытство. Она говорила, и я видел, как сложно ей подбирать слова. В нашем общении слова играли не совсем привычную роль. Лучшее, что они могли сделать, это подтолкнуть меня на пути самостоятельного поиска и указать примерное направление движения. Слова основываются на понятиях, а у нас, судя по всему, не было одинаковых понятий. Я старался не анализировать, а только воспринимать то, о чем рассказывала Сенка. Хотя я и подготовил некоторые уточняющие вопросы по полученной от нее в прошлый раз информации.

— Создавать что-либо из себя способны только госепы, поскольку они извлекают из себя первый

элемент создания, то есть часть самих себя. Ни одно другое существо не обладает такой возможностью — генерировать первичный элемент из своего вещества, оставаясь при этом неизменным. И неважно, сколько требуется вещества на начальном этапе, — Го остается таким же, как был... Го расширяется и выделяет из себя требуемую мысль... — Она посмотрела на меня с сомнением. — Что-то типа ваших чертежей и рисунков... И удерживает ее в состоянии покоя, структурируя ее определенным образом в зависимости от целей дальнейшего развития и целей создания данного творения, готовя ее для дальнейшего изменения. Продолжая удерживать структурированную мысль, Го извлекает из себя нужную эмоцию и пропитывает ей мысль. Мысль расширяется до вибрационной частоты света. Потом Го замедляет свет, и он становится уже не светом, а полем, которое может потом коагулироваться в более грубые структуры и формы. — Она опять скосила на меня глаза.

— Я внимательно слушаю, Сеночка, продолжай. — Я был не в состоянии задавать уточняющие вопросы. Я лишь воспринимал и запоминал. Надо купить диктофон...

— Го в равной степени вдыхает жизнь и осознанность во все свои создания, поддерживая этим их форму. Но создания имеют различные структуры мысленного и жизненного вещества и поэтому в разной степени ограничены. Структура накладывает ограничения на жизнь и на осознанность...

— И что же, это все потом живет?

— У Го много ошибок. Часто получаются всякие нелепости, странные существа, живые и полуживые, которые ни для чего не годятся. Некоторых он уничтожает, некоторых отпускает. Они сначала где-то у нас

крутятся, потом многие к чему-то прибаваются. Некоторые даже начинают развиваться. И если они наделены мыслительными способностями, потом, наверное, думают, зачем они были созданы. В чем их смысл жизни? А они просто ошибка. — Сенка грустно улыбнулась.

— Да уж. Интересная мысль. Только какая-то неоптимистическая. Я над этим потом поразмыслю. Обязательно. А каким образом Го уничтожает то, что ему больше не нужно?

— Засасывает. — Сенка передернула плечами. — Он же госеп, воронка. Вот он и засасывает все ненужное в свою воронку. Засосал — и все. — Сенка замерла на очередной ягоде.

— Ты мне в прошлый раз говорила, что в вашем мире живут пять типов существ, которые общаются между собой. Это очень интересно, Сеночка. А как соотносятся сознания этих пяти типов существ? Чем они отличаются?

— Из пяти типов два как бы главные, а три вспомогательные. Главные — это Госеп и Сенка, а неглавные — это Сидх, Гром и Кей. Самое расширенное сознание у госепа. — Она подняла на меня глаза, как бы оценивая широту моего сознания. — У тебя оно активное. У Сенок сознание уже. Я твой инструмент, или нет, я твои чувства. Или не знаю... — Она закрыла глаза и начала гонять во рту клубнику. — Я, как и ты, тоже обладаю сознанием, но мне не подвластны многие вещи, которые подвластны тебе. У меня как бы отсутствуют некоторые органы. Зато есть другие, которых нет у тебя. Мы с тобой дополняем друг друга. У нас очень близкие сознания, но у тебя более широкое. У Сидха сознание типа моего, он может делать очень хорошо, но только определенные вещи. Представь, — Сенка задумалась, — ты — мысль, я — орга-

ны чувств, а Сидх — инструмент... Или. Ты — мысль, я — то, как эта мысль чувствует окружающий мир, а Сидх — это то, чем она себя в мире проявляет. А Гром с Кеем — это... — Сенка снова задумалась, — это... Вот какие у вас есть инструменты?

Я взял с журнального столика линейку.

— Линейка, например.

— Гром — это деления на линейке, а Кей — цифры. Но деления и цифры сознательные, живые и способные самовыражаться и жить своей жизнью. — Она как-то неудовлетворенно запнулась. — Только все это не так. Но как сказать по-другому, я не знаю.

— Я понимаю, о чем ты. Язык — инструмент мышления, а мышление в свою очередь — инструмент сознания.

— А сознания у нас непохожие, а общие понятия вообще отсутствуют. У нас нет ни времени, ни пространства, по крайней мере в той степени, в какой воспринимаете их вы. У нас, если ты хочешь куда-то пойти, ты уже сразу там. А у вас совсем не так... Вот ты говоришь, пойдём на кухню, я тебе дам клубнику или мандарин. И это совсем не значит, что его можно сразу есть, а значит, что надо вставать, идти куда-то, при том что путь может быть длиннее или короче в зависимости от того, где ты находишься и как идешь. А у нас сразу попадаешь туда, куда хочешь, независимо от того, где ты был... Так что ты смотри не на слова, а на то, что за ними.

— Я так и делаю, Сенка. То, что ты рассказываешь, безумно интересно. Может быть, ты знаешь и мне скажешь, почему Кира так плохо, разрушительно вибрирует, особенно в последнее время?

— Она, как я. Очень чувствительный прибор. Она связана с нашим миром и со всеми остальными мирами, она имеет проход в любой из миров. Но это озна-

чает, что она чувствует все перемещения миров, все эти перемещения на ней отражаются... Ты, то есть Го, меня для этого используешь, я очень чувствительная. Ты зовешь меня «счетчик миров». Я все-все чувствую... — Она вздохнула и посмотрела на меня с нежностью, которой я никогда не видел в Кире. — Кроме того, структура ее нарушена, как и моя...

— Это как?

— До Го я была Сенкой Зорика. Зорик — тоже госеп. Я не хотела быть его Сенкой. Но он застал меня врасплох и изменил мою структуру так, что я постоянно с ним находилась — не могла от него уйти, он как бы поймал меня в ловушку... Внутри меня появилась структура, которая притягивала меня к Зорику, — семя Зорика. Ну а когда Го освободил меня, он вырвал семя Зорика... И структура моя опять изменилась.

— Как интересно. Похоже, мы с Го сделали одно и то же. Го освободил тебя, а я — Киру. Только я называл это не семенем, а цветком. Это уж больно смахивало на цветок. И было в нем что-то опасное для Киры, точно не известно, что именно, но я решил не рисковать, не хочу я рисковать Кирой... И вырвал этот «цветочек».

— А чей это был «цветочек»?

— Не знаю, чей. Только он в Кире сидел и, похоже, хорошо себя чувствовал, а Кира загибалась.

— Что-что?

— Ну, чувствовала себя плохо. Я и освободил Киру от этого... Не знаю чего... А за ней все равно продолжают охотиться, либо не верят и не видят, что в Кире этого уже нет, или их устраивает Кира и без этого «цветочка»...

— Конечно, устраивает. Главное — структура, в которой «цветочек» сидел... Она нарушена, но она

есть! — с гордостью сказала Сенка. — А кого это «их»? Кого устраивает?

— В нашем мире есть люди... Они называют себя магами. Ты правильно сказала, что это те, кто использует законы других миров. Но это не самое главное их отличие. У магов особенные цели и жизненные устремления, хотя они живут со всеми вместе и часто их не отличить от остальных. Но они живут своей жизнью, у них свои группировки, кланы, общества, есть и маги-одиночки. Их не интересует то, чем заняты другие люди...

— А чем заняты другие люди?

— Семей, работой, добыванием денег, достижением успеха, даже славы... Маги хотят познать истину и подняться над этим миром, над этой реальностью. Самые продвинутые, а мы сейчас именно о таких и говорим — о тех, кто охотится за Кирой, — понимают, что недостаточно пробудиться от гипноза этого мира. Поскольку при этом ты тут же автоматически попадаешь под гипноз другого. И так будет вечно. Переползти своим восприятием в другой мир безумно сложно для человека, он же не Сенка, — мы оба улыбнулись, — но они хотят стать над мирами, поскольку считают, что только таким образом можно увидеть настоящую реальность. Многомерную квантовую Вселенную. Это все равно как блуждать по большому зданию, переходя с этажа на этаж, когда нужно просто из него выйти. А карта или инструкция, объясняющая, как выйти, по их мнению, находится в Кире... или в «цветке»...

— А на самом деле где она, эта карта?

— Не знаю...

— Да и вообще, зачем она нужна? Зачем освобождаться? У вас хорошая реальность. С мандаринами...

— У нас и кроме мандаринов много чего есть.

— Ну, я знаю. Клубника.

— А еще страдание, боль, смерть...

— А вы не ходите туда, где страдание и смерть. Ходите к мандаринам.

Я засмеялся.

— Я думаю, им мандарины тоже неинтересны.

— Как же могут быть мандарины неинтересны? — Сенкиному негодованию не было предела.

Она вскочила и начала ходить взад-вперед по комнате, повторяя:

— Мандарины неинтересны... А что же им интересно?

— Мир духовных книг, эзотерических учений, путешествий по святым и таинственным местам и встреч с такими же, как они, — мир магии, истины, просветления, мистических переживаний и прозрений. Обычный мир с мандаринами и со всей своей суетой остается далеко позади... Но я все больше думаю, считаю, что это им только кажется. Они заблуждаются. Заблуждаются, что они обрели смысл и направление. На самом деле это все то же самое, только вид сбоку. В их новом мире все так же иллюзорно, как и в старом. Их новый мир построен по тем же самым законам. В нем так же присутствуют те же зависть, алчность, жадность, соперничество, желание управлять другими и подчинять себе других, только на более высоком уровне. Ложь, лицемерие и прямой обман.

Вот они и воюют друг с другом, гоняются за Кирой, чтобы получить из нее квинтэссенцию прямого знания. И это — только для себя. Только для личного пользования. Хотя это, может быть, и правильно, поскольку обычным людям, не ищущим, вообще ничего не нужно. И при этом Кира для них, для магов, только инструмент для получения желаемого. Коробочка с философским камнем внутри. Они разобьют ее, не задумываясь.

— Бедная Кира... Какой у вас злобный мир... — Она вздохнула и опустила голову. — Но у вас есть мандарины! А Киру ты защитишь. — Она вновь улыбалась.

— Надеюсь, что так. А эти странные, разрушительные вибрации Киры, оказывается, еще из-за того, что я нарушил ее структуру, когда убирал «цветок»?

— А то. В ней теперь дырка, которая осталась от семени, или от цветка, как ты говоришь. И не надо ругать ее из-за этих вибраций. Они недостаточно сильны, чтобы разрушить ваш мир. Они могут только немножечко его повредить. — Она лукаво улыбалась. — А у вас и так много всего, что вибрирует очень плохо. Ты можешь ее, когда она так вибрирует, отводить в те места, где много всего нехорошего, и ее вибрации будут те негативные и злые вибрации уничтожать. Она освободится от избытка плохой энергии и вокруг все порушит. Будешь мусорщиком.

— Спасибо, мусорщиком, наверное, тоже интересно. Я не против. Особенно если это поможет Кире.

— Да и Кире нельзя перестать вибрировать таким образом. Эти вибрации, как бы тебе объяснить, они лечат ту дырку, которую ты сделал, вырвав семя. Вот представь дерево, по которому кто-то ударил, и образовалась рана. Из этой раны течет сок, чтобы вылечить дерево. Сок смывает и губит всяких живых существ, которые живут на коре дерева, букашек и жучков. Дерево не может остановить течение своего сока, иначе оно погибнет. Я все правильно понимаю про ваши деревья?

— Абсолютно.

— Так и Кирина структура. Она должна именно так вибрировать. Так она лечит свою рану.

— Ясно. Ты хорошо объяснила. Значит, с Кириным теперешним состоянием не только ничего нельзя

сделать, но даже вредно и пытаться. Ладно, будем принимать профилактические меры, лечить симптомы. Нам бы только не умереть... за время восстановления. Кстати, Кира интересуется, как вы с Го встретились?

— Я была тогда с Зориком. С тем самым, о котором я рассказывала. Я не могла от него уйти... Потом пришел Го и была война.

— Как это, война? Разве у вас бывают войны?

— Конечно, бывают. Войны — это очень полезно. Войны стимулируют к развитию, к работе. — Она задумалась. — Должны стимулировать. Но, по-моему, у нас все равно никто ничего делать не хочет — война, не война... Если все хорошо и долго нет войны, нужно ее придумать. Так интереснее. Но я подозреваю, что наши войны сильно отличаются от ваших. У нас все заранее знают, что будет война, и кто не хочет, может уйти из этой области и не воевать. Кто не хочет или кому лень воевать. Ну так вот, вы с Зориком начали поглощать миры друг друга. Так воюют госепы. Это как... снимать друг с друга одежду, чтобы получить доступ к телу. Ты первый поглотил все его миры, и Зорик сдался.

— А с мирами что случилось?

— Ну... — Сенка задумалась, мне показалось, она немного замялась, перед тем как ответить. — Они не обязательно погибли, они могут существовать и в тебе. Когда ты победил Зорика, ты меня освободил. Ты сказал, что я свободна и могу идти куда захочу, но ты будешь рад, если я останусь с тобой. И тогда я сразу тебя полюбила. С того времени мы вместе.

— А Зорика почему я не убил или не взял в плен? Он ведь может снова на меня напасть.

— Госепа нельзя убить. Я не вижу примера в вашем мире. — Она закатила глаза. — У вас ничего по-

хожего нет. Госеп вечен. Единственное, что его может разрушить, — это большая ночь. Но большая ночь разрушает все. Хотя я точно не знаю, это по преданиям. У нас есть такие предания, в которые все верят, но никто их не проверял. А Зорику на тебя нападать никакого смысла нет, он сейчас намного слабее тебя. А в плен брать? Зачем он нужен?

Глава 2

Кто-то проснулся.
Чего-то захотел
И уже не смог...
У кого-то зачесалось,
И он почесался.
Перевернулся на другой бок,
Открылся и задумался.
Кто-то закричал.
Кто-то внутри меня.

В воскресенье с самого утра с Кирой опять стало происходить что-то неладное. Головная боль, тошнота, а самое главное, злость не проходили, несмотря на наши старания. Она сама, чтобы не поругаться со мной, попросила поменять ее на Сенку. Я не возражал. И мы с Сенкой пошли гулять в парк.

Сенке нравились тихие, безлюдные места с хорошими вибрациями. А в парке было спокойно, только изредка встречались лыжники и люди, выгуливающие собак. Самое подходящее место для выгула Сенки! Сенке нравилось гулять, ей все было интересно. Она спрашивала у меня то об одном, то о другом. Объяснения требовали огромных умственных затрат и эмоционального напряжения. Нет ничего сложнее, чем объяснять самые очевидные вещи, которые давно лежат в голове безо всяких определений. Мы просто знаем, что это так, потому что по-другому быть не может. А для Сенки может быть все что угодно... Намного сложнее, чем объяснять ребенку, поскольку

Сенка — это сверхгениальный ребенок. Кроме того, я чувствовал большую ответственность за свои слова, так как доверие ко мне было безграничным и неправильно сформулированное определение исправить будет или очень сложно, или невозможно. Иногда спрашивал я, а Сенка в этом случае объясняла, что она чувствует.

— В парке хорошо. Здесь здорово гулять, потому что эти существа, — она показала на деревья, — поглощают вибрации людей. Нет, они не могут поглотить все плохие вибрации, но в парке их намного меньше... этих жестких вибраций, которые люди сами вырабатывают и которые потом разрушают ваши тела. Поэтому здесь хорошо, спокойно.

Как только мы повернули на главную аллею, на нас с елки свалился большой ком снега. Оказалось, что его сбросила ворона, сидевшая на ветке. Сенка присела от неожиданности и, не распрямляясь и не отряхиваясь, похожая на грациозное животное, подняла голову вверх, при этом выгнув спину, нашла глазами ворону и прошептала:

— Кто это?

— Ворона. Самая хитрая, сообразительная и независимая городская птица.

Сенка выпрямилась, подпрыгнула и замахала руками в сторону вороны.

— Здравствуй, ворона! Ты так меня приветствуешь в своем мире, да? Привет! Привет, ворона!

Ворона запрыгала по веткам, каркнув несколько раз. Сенка закаркала в ответ. Надо признать, очень похоже у нее получалось. Я сделал снежок, и ворона, увидев это, улетела. Мы спокойно гуляли, разговаривали, когда я заметил какое-то шевеление в нависших над тропинкой ветвях дерева, к которому мы приближались. Пригляделся — там опять сидела ворона,

вполне вероятно, выжидая момент, чтобы сбросить на нас снег.

— Сенка, смотри, вон еще одна ворона в ветвях, кажется, тоже хочет сбросить на нас снег.

Сенка присмотрелась, потом вытянула руки в сторону вороны.

— Нет, это все та же. Она так со мной играет, — по-детски радостно подытожила Сенка и издала какие-то звуки в сторону вороны, которая, слетев с дерева на дорожку, побежала перед нами, оглядываясь и каркая Сенке в ответ. В течение всей нашей прогулки ворона то пролетала над нами, задевая крылом заснеженные деревья и сбрасывая снег, то шла перед нами, маня поиграть с ней в салки, то шелестела где-то сбоку в кустах. Это доставляло массу удовольствия Сенке и удивляло меня. Но я был рад, что в этом непонятном и чуждом ей мире Сенка обзавелась другом, пусть и столь странным. Я же казался себе большим, тяжелым, твердым молотком, который может взаимодействовать только с себе подобными сверхтвердыми объектами. Которые, собственно, и не являются предметами этого мира, а именно молотками своего собственного тупого и очень жесткого мира.

И я все больше осознавал, что люблю это существо, которое в нашем мире не имеет даже собственного тела. Бред конечно, но это часть моей жизни, и этот бред я не вычеркну. Именно этот бред определяет правду моей жизни в сто раз больше, чем то, что остальные люди, или, вернее, существа, населяющие этот мир, считают правдой. Я видел, насколько плохо Сенка ориентируется у нас. Она путает все и вся и для выяснения, что же все-таки перед ней на самом деле, выставляет перед собой руки, улавливая ими энергии, а потом делает ставившие меня в тупик заключения. Или, если интересующий ее предмет находится в зоне

достижимости, она дотрагивается до него напряженным указательным пальцем, как исследовательским щупом, после чего следуют еще более точное и детальное описание исследуемого предмета и соответствующее умозаключение, которое зачастую она сама не может интерпретировать. Это говорит о том, что мало что-то знать, необходимо привести это знание в соответствие с остальными знаниями о мире, встроить в общую систему.

Дома я налил нам горячего чая. Не обошлось и без ставшего уже культовым мандарина. От печенья Сенка отказалась с детской непосредственностью.

— Я не понимаю, зачем печенье нужно. Оно же не течет. Вкусно может быть только то, что течет. Зачем это? — Она указала на упаковку печенья. — Зачем тебе? Только место занимает.

— Хорошо, Сеночка, я уберу печенье, вот к чаю мандарин.

Видимо, первое, что попробовала Сенка в нашем мире, обрело для нее какую-то особую значимость. Ведь именно мандарин в первый раз дал возможность ощутить вкус, а сок внутри — одно из свойств, которое было приписано этому особому вкусу первого мандарина.

Когда мандарин был съеден, чай выпит, я, желая еще как-то развлечь Сенку, показал ей фотографии на экране монитора. Компьютер у меня стоит на кухне, прямо на столе. Мы смотрели все фотографии подряд. Сенка спрашивала, я объяснял и тихо удивлялся, насколько вещи, которые я считал само собой разумеющимися, на самом деле оказывались совсем не убедительными, а зачастую глупыми.

Очередь дошла до фотографии Муслима.

— А это человек, который нам здесь помогает. Он очень много знает и умеет, намного больше, чем я.

Вот он и учит нас понемногу, говорит, как защищаться от охотников на Киру. Это он сказал мне, как вызвать тебя.

Сенка провела руками вдоль экрана. Глаза ее расширились, ее красивое детское лицо, выражение которого так сильно отличалось от взрослого выражения лица Киры, почти мгновенно переполнилось чувством любви и одновременно слезами жалости.

— Это Си! Он здесь? Си здесь? Давай пойдём к нему! Давай? Прямо сейчас. Ну давай пойдём к нему.

Видя столь нежное проявление чувств, я немного растерялся.

— Я не знал, что Муслим есть и в вашем мире. Хотя, впрочем, можно было догадаться, что тот, кто сделал что-то важное для нас, должен существовать и у вас.

— Что с ним случилось? Он так плохо вибрирует... Пойдем к нему?

— Сеночка, милая, он очень далеко, к нему так просто не дойдешь.

— Давай пойдём не просто. Пойдем так, как нужно, чтобы дойти до Си. Бедный Си. Он болен. Ему плохо. — Она опять наложила на экран руки.

— До Муслима нельзя дойти и даже доехать. Он далеко, чтобы к нему добраться, необходимо лететь.

— Давай полетим. В чем же дело? Прямо сейчас и полетим. У нас есть крылья? Где они? О-о-о, здорово! Мы умеем летать и полетим к Си.

Она завела руку за спину, пытаясь там что-то нащупать. — Я сначала не понял, что она ищет.

— Да, у меня что-то там есть. Это крылья? У нас есть крылья, и мы полетим к Си. Ну давай полетим к Си прямо сейчас. Что нужно делать?

— Это лифчик, Сеночка. То, что ты нащупала, это не крылья, это бретельки лифчика.

— Лифчик — это что? Зачем он нужен? Чтобы держать крылья?

— Нет, он держит грудь. Вот посмотри — у тебя спереди грудь, ее держит лифчик.

— Зачем ее держать? Чтобы она не отвалилась?

— Отвалиться она, наверное, не может, но может растянуться и будет некрасивой. С грудью и лифчиком проще, а к Муслиму мы так просто полететь не можем. Необходим самолет, это такая большая машина с крыльями. И всякие договоренности на бумаге типа билетов, паспортов и виз. Ну, это тебе знать не надо, достаточно знать, что это сложно, а прямо сегодня невозможно. Расскажи мне лучше о Си.

— Ладно, ты главный. Если ты считаешь, что не пойдем сейчас к Си, я сделаю, как ты хочешь. Давай я тебе о Си расскажу. — Она села на стул и положила ладони на колени. — Си госеп, но он необычный госеп, он не может засасывать. Си очень большой, он больше тебя, но он не плотный, он очень разрежен. Он мудрец в нашем мире. Если что-то нужно решить, то спрашивают у тебя, а если что-то узнать, тогда спрашивают у Си. И еще, у него нет Сенки, он живет с Кеем.

— А Кея как зовут?

— У Кея нет имени. Он просто Кей...

Когда пришла Кира, я заметил, что ее что-то смущает. Проскакивала в ней какая-то недоброжелательность по отношению к Силе—Сенке. Вроде как ревность к моему интересу, который отвлекает меня от самой Киры. Но надо признать, что и Сенка не столь доброжелательно, как я ожидал, если я вообще чего-нибудь ожидал, относилась к Кире. Сенка не упускала возможности заметить, что Она, так Сенка называла Киру, неправильно себя ведет, недостаточно заботится

обо мне и помогает мне в работе. Она часто просила оставить ее здесь навсегда. Нет, не просила — требовала: или оставить ее здесь, или звать как можно чаще. Удерживало ее, по-моему, только то, что она еще не все умела и не совсем хорошо здесь ориентировалась. Но когда она особо начинала настаивать, я обычно очень мягко говорил:

— Ну хорошо... Вот представь, оставлю я тебя здесь... И как ты будешь мне помогать, если тебе самой все время помощь нужна? Чем ты будешь мне помогать? Что делать? Мандарины откусывать?

— Да, — отвечала она гордо. — Я умею мандарины откусывать. — Она загибала один палец. — Умею по лестнице ходить. — Загибала другой. — Умею куртку надевать, еще умею в парке гулять... — Пальцев было явно больше чем умений. — Да, самое главное, я умею писать. Это очень сложно. Я долго не могла, помнишь? Но теперь, когда я научилась, считай, почти все уже умею. Правда? Можно меня уже оставлять, да? Я же лучше, чем Она? Я буду тебе помогать. Я очень быстро учусь, и хотя я почти все уже умею, если надо, я могу еще чему-нибудь научиться. Чтобы тебе помогать. А еще я хочу плавать. Я очень хочу плавать. Я знаю, Она очень любит плавать, плавать приятно. А плавать сложнее, чем писать?

Это действительно были два самых актуальных вопроса. Первый мы решили, хотя и с большим трудом. Сенка научилась писать. Никогда и не подумал бы, что это умение такое непростое, и что практически невозможно объяснить, как это нужно делать. Мы прошли через огромные сложности, потратили много сил, но сделали это. Еще бы не сделать. Те три дня, которые Сенка провела в нашем мире, многому ее научили... Это умение она неизменно считала теперь своей главной заслугой.

Второй вопрос с плаванием с самого начала не поддавался разрешению. Я вспомнил, как Сенка, подсмотрев в голове у Киры, что плавание — одно из самых приятных занятий, просила меня, чтобы я предоставил ей такую возможность. Это случилось еще до того, как она научилась смеяться. Тогда я еще звал ее Силой...

— Ты мне покажешь, как плавать?

— Это не просто сделать в квартире. Я тебе пока расскажу. — Я набрал воды в широкий стакан. — Вот, смотри. В стакане вода, люди плавают в воде.

Она засунула в стакан пальцы и сначала медленно, потом быстрее задвигала ими туда-сюда.

— Я плыву? — Подняла на меня вопросительно-восхищенный взгляд.

— Нет. Для того чтобы плыть, нужно больше воды, пойдем в ванную. — Я повел ее в ванную, не особо соображая, зачем я это делаю. Но ей все было интересно, поэтому мое бессилие в объяснениях как-то компенсировалось ее новыми впечатлениями. — Смотри, эта емкость называется ванной и в нее можно набрать уже больше воды. Вот, становись сюда. — Я помог ей залезть в ванну, включил душ и начал поливать ее ноги.

— Так плавают? — восхищенно спросила она, топая ногами и разбрызгивая воду.

Буквально через несколько секунд, когда мне удалось уговорить ее перестать это делать, со всего, что было в ванной, включая нас, уже ручьями стекала вода.

— Нет. Плавают, когда воды вот столько. — Я показал рукой на шею.

Она наступила ногой на сток, останавливая вытекающую воду.

— Давай наберем.

Я чувствовал себя, как на экзамене в институте, когда искушенный профессор сумел запутать мозги студента так, что тот начинал сам себе противоречить. Ладно, дело житейское, спокойно. Я медленно выдохнул и постарался начать соображать с нуля.

— Не получится, милая, через дверь вытечет.

— А ты закрой дверь. — Она крепче нажала ногой на сток.

— А дверь плотно не закрывается.

— Что же ты так? Где же вы плаваете? — Она с сожалением убрала ногу со стока.

Возникающие конфликты между двумя частями Киры, или, возможно, между двумя разными, очень разными, но столь милыми девушками, мне удавалось кое-как сглаживать. Я передавал им друг от друга придуманные мною приветы и восхищения поступками. Такая тактика понемногу срабатывала, и если не улучшала отношений между Кирой и Сенкой, то хотя бы удерживала ситуацию во вполне сносном положении.

Вечером, после столь замечательного уикэнда, я отвез домой Киру и обстоятельно изложил в письме Муслиму события последних дней. Лег я очень поздно, наверное, часа в три. А в семь утра, чтобы успеть до утренних московских пробок, я поехал в спортзал, а потом в офис.

*«Очень интересно. Спасибо огромное, что тра-
тишь на переписку свое драгоценное, как я понимаю,
время. Кира себя не очень утруждает. Она слишком
занята собой и пытается быть независимой. Ну, го-
това немного поплакаться в мою съеденную време-
нем цветастую жилетку. Но не более. Из нее прет не
просто гордость, а какая-то болезненная гордыня.
Ладно, прощается. Я же вижу, какая она на самом де-*

ле. Она удивительная и добрая, умная и глубокая, в общем, настоящая, и тебя любит безумно. А такая любовь действительно болезнь, отнимающая разум. Ну да ладно, что-то я не о том.

Есть над чем подумать. Буду читать еще и еще с известной долей скептицизма, разумеется, поскольку необходимость описывать словами вещи, не имеющие места в нашем сознании, может увести очень далеко в сторону. Так далеко, что обратной дороги уже не найти. Здесь нужно не столько понять, сколько почувствовать и вместить, не опираясь на известные образы, но ощущая связи. Спасибо, что просветили меня по поводу Си. Сума сойти, едрена кочерыжка. Буду срочно выздоравливать, может, действительно сподоблюсь увидеть это волшебное создание. Хотя все не так просто, мой милый мальчик... Похоже, я свою программу уже откатал... Скажи ей, что мы скоро встретимся. Пусть не печалится.

Насколько я понял, вибрирует рана, и пока она не заживет, Киру будет трясти и колбасить, вернее сказать, вас. Тебе, судя по всему, тоже достается. У Киры вообще большие проблемы. У нее практически не остается энергии на жизнь и поддержание тонуса. Могут возникнуть сложности и со здоровьем, из того, что я вижу, они уже должны иметь место. Я ей дал некоторые рекомендации, но, по-моему, она очень не серьезно к себе относится, так что ты бы проследил... Кроме медитации — я ей подробно написал, какой именно, — она должна заниматься вещами, приносящими радость и удовольствие. В эти моменты, если она и вибрирует, то нужным образом, и идет накопление энергии. В противном случае она скоро ложку держать не сможет. Ну и сам понимаешь, что потом... Главное, чтобы и она поняла. А вот она как раз и не понимает.

По поводу того, как ты ведешь себя с обеими красавицами. Ты прямо дрессировщик. Или нет, укротитель. И нянька еще. В любом случае — поосторожнее. Мне кажется, ты ведешь себя почти идеально, если принимать во внимание сложность задачи. Единственное, что я могу тебе посоветовать, милый мальчик, быть поласковее с Кирой. Ей очень и очень тяжело. Как я писал тебе уже, она была создана, возможно, не самое точное слово, чтобы общаться и жить среди избранных посвященных, поэтому она совершенно не приспособлена для жизни среди обычных людей. Она — очень точный прибор, лучше любых других, но его необходимо хранить в особом футляре, в полумраке и при определенной влажности. А вместо этого его возят в пыльном багажнике по проселочным ухабистым дорогам, роняют то в воду, то на асфальт. Она может совершать наивные или глупые поступки, но не потому, что глупа, просто она не заточена для нашей жизни. Учти, что перестроиться она не может, единственная надежда — на тебя, ты должен сработать как буфер, подушка, футляр для этого чудесного прибора. К тому же, ты сам нанес ей рану, из-за которой сейчас половина проблем. Ты выступил хирургом и обязан довести лечение до выздоровления. Нельзя сетовать на то, что больной еще не выздоровел, ибо виноват всегда врач. Нужно планомерно и терпеливо проводить послеоперационную реабилитацию. И здесь опять же главное — психологическая атмосфера. Так что терпи и люби. Тем более она такая прехорошенькая.

На сегодня все. Очень устал. В моем состоянии даже письма писать — тяжелая работа. Остальное в следующий раз. Тем более мне надо еще многое обдумать.

Я с вами всем, что от меня осталось.

Муслим».

Следующее письмо от Муслима пришло через день.

«Значит, так. Пять полов вообще никуда не годится. Всем правит триада. Уточни, пожалуйста, этот момент.

Вообще, ты проделал огромную работу. Снимаю шляпу. Чтобы ты понял, о чем я. Ваш вариант уникальный вследствие Кириноного строения. Но подобная практика велась магами давно. Правда, ввести человека в примерно такое же состояние, в которое входит Кира при появлении Сенки, удавалось с большим трудом, на несколько минут, человек сам из него часто выпрыгивал, и самое главное, это первый случай, о котором я знаю, чтобы объект полностью контролировал свое тело и был способен к обучению. Обычно тело остается безучастным, и объект с трудом идет на контакт, отказывается говорить на абстрактные темы, отвечает только на простые вопросы.

Однако полученную информацию не следует понимать буквально. Есть моменты прозрачные, а есть требующие интерпретации: пять полов, рабы, прочее. И очень хочется, чтобы ты понимал, что вы едины. Сенка с Кирой, и ты с госепам. Нет никакого госепа вне тебя. Если тебе так проще, рассмотривай госепа как свою собственную интуицию, причем активно творящую, то есть способную влиять на ситуацию и изменять ее по своему замыслу.

Что делать дальше? Работать с обеими. Успокаивать. Любить. Самому расслабиться и получать удовольствие. И больше уверенности. Ты делаешь все правильно, мой милый мальчик. После твоих сеансов Кира совершенно избавляется от плохой энергии, это я вижу совершенно явно.

Муслим».

Киру преследовало странное, но уже ставшее привычным чувство. Мир вокруг казался абсолютно нереальным. Она просыпалась утром, переходя из одного сна в другой. Пила кофе, уставившись в одну точку, шла в тренажерный зал, плавала в бассейне, пререкалась с Апрелем, держала удар ревности Олега, встречалась и пила с подружками, курила траву, кокетничала с мужчинами, проводила выходные с Кириллом, очень ясно сознавая, что ничего этого на самом деле нет. А есть что-то другое. Но что именно? Какая разница. Она не думала и не пыталась понять, что происходит. Она просто тянула отведенное ей время. Отведенное для этой жизни. Даже мысли о смерти не тревожили ее, как раньше. Поскольку смерть, вернее то, что прикрывается этим пугающим многих словом, теперь не казалась ей избавлением, возможностью начать игру сначала. «Там та же помойка... Только вид сбоку. А может, и еще откуда-нибудь похуже. Так какая разница?» Ее раздражало желание Кирилла во всем разобраться, найти ответы, потом снова придумать вопросы и снова мучиться над ответами, изнуряла загадочная, лишаящая ее самой себя любовь к Кириллу, бесили постоянное упоминание о Сенке и увлеченная переписка с Муслимом. После поездки к Муслиму в Калифорнию Кирилл не только сам все время находился на связи с Муслимом и бегал постоянно к компьютеру, но и заставлял Киру иногда писать старику для поддержания боевого духа последнего и для развития первой. Со стороны, в том числе и со стороны Кирилла, могло показаться, да и, безусловно, казалось, что он Киру вовсе и не заставляет. Поскольку после недолгого уточняющего диалога, целью которого являлось, естественно, уклонение от ведения с ее точки зрения бессмысленной, а главное, совершенно не радующей ее переписки, она в конце концов соглашалась, и это согласие воспринималось Ки-

риллом не как принятое под его давлением, а как осознанная необходимость. Необходимость была для Киры вовсе не осознанной, а принятой ей только потому, что она боялась, что Кирилл, осознав ее безразличие к вещам, ему интересным и дорогим, вообще осознав ее безразличие, найдет другую. Небезразличную. С Кирой после ее знакомства с Кириллом, так было теперь всегда. Интересное сочетание несочетаемого: «...было теперь всегда» — слова, взаимоисключающие друг друга, но точно передающие состояние. Именно. Она подстраивалась, уступала, становилась внешне мягкой, вместе с тем становясь внутренне твердой, копя свои претензии. И, накопив, сливала их своей истерикой на не всегда подготовленного к этому Кирилла. Однако по мере накопления подобного опыта Кирилл приобретал все большую и большую готовность. В общем, Муслиму она написала, но, судя по всему, настолько нехотя, что это заметил даже сам Муслим.

Глава 3

Что-то вползает внутрь меня.
Сон превращается в окружающий мир.
Он вот-вот схлопнется,
и ты больше никогда не увидишь
на склеенной скотчем стене,
чистой стене
меня.

Кира не жила, а как бы следила за жизнью со стороны. Нельзя сказать, что она не участвовала в происходящем. Очень даже участвовала. Так, что иногда от этого участия становилось многим не по себе, в том числе и Кириллу. Просто, наблюдая за картинками жизни, она стремилась занять место в первом ряду и просто прожить фильм, который ей так старательно показывали, не пытаясь анализировать, вникать и тем более отвечать на вопрос: «Что бы это значило?» Это был просто вопрос. Сам по себе. Он висел отдельно. Где-то в пространстве абсурда. Как табличка на двери «Посторонним вход запрещен», мимо которой проходишь, и которая тебя не касается, поскольку ты и не собираешься заходить в эту дверь — ты просто идешь мимо — и, кроме того, к посторонним себя вовсе и не причисляешь. Тебе туда вообще не надо.

Ее раздражало, что Кирилл больше увлечен всей этой историей с ней, чем ей самой. Раздражение это, правда, было не явным, а второстепенным. Находящимся где-то на втором плане и проявляющимся толь-

ко в моменты обострения, безделья или плохого настроения и самочувствия. Типа лейбла на футболке или свитере, пришитого сзади с изнанки горловины и натирающего шею. Причем в примерочной мы не чувствуем дискомфорта по этому поводу, впрочем, так же как и дома, когда в первый раз надеваем новую вещь. Дискомфорт приходит позже, на работе или в пробке, или в гостях, и проходит после того, как рука потянется и почешет. Или если кто-то отвлечет. Или что-то. В общем, с этим можно жить. Вполне. Можно и отрезать. Но отрезать Кира не рисковала. Уж больно нравился ей этот свитер, боялась повредить. Так что Кира терпела и даже делала заинтересованное лицо. Иногда. Когда Кирилл смотрел. Смотрел и видел. Смотрел он часто, а видел не всегда. Увлечшись какой-нибудь своей очередной идеей, он смотрел на Киру, а видел идею. Кроме вопросов, касающихся устройства мира и устройства его новой подружки Сенки, его интересовала еще масса всяких самых разнообразных вещей. И Кира прорывалась в поле его внимания не очень-то и часто, а иногда даже с борьбой, что только усиливало ее тягу. К нему. Так что было вполне обычно: он ей — о звездах, а она думает, как бы заняться под этими звездами с ним любовью, он ей — о своем новом фотоаппарате и чувствительности пленок, а она представляет себе фотографии их обнаженных переплетенных тел, он ведет ее на концерт, а она видит себя полуголой на рояле. На белом. Или на черном. Как в «Красотке»...

Но все оказалось не так печально, а даже вдруг приветливо замахало рукой и пообещало, что все будет весело и замечательно, когда Кирилл дал Кире денег и попросил ее купить им путевки куда-нибудь, недельки на две. На Кирино усмотрение и желание. Не говоря о том, что она о такой поездке сейчас, в самый разгар зимы и работы Кирилла, даже и мечтать не смела, сам

по себе процесс выбора тура представлялся развлечением и отвлечением. Это тот же шопинг. Только по турфирмам. А шопинг Кира любила. И он часто являлся лекарством от депрессии и просто плохого настроения. Кроме того, этот туристический шопинг плавно перетекал в шопинг традиционный, то есть приятные и неторопливые походы по различным магазинам в поисках новой одежды для курортной жизни. Что могло быть лучше?

Кира легким движением мысли и тела сбросила с себя мутное состояние последних дней, как лягушачью кожу, встряхнулась, встрепенулась, потянулась, расправила плечи и чувства, выпрямила сознание и позвоночник и смело шагнула в морозный полдень, со спокойным удовольствием обдумывая свой маршрут. Кира, как опытная туристка, начала свой поход с крупных туроператоров. Впрочем, и закончила там же. За чашечкой кофе. В компании «Гез тур», остановив свой выбор на отеле «Голден Файв Парадиз» с поющими фонтанами. У Киры пела душа, и поющие фонтаны представлялись ей тогда именно тем, что надо, чего так хотелось. А хотелось необычного. Чтобы удивить и порадовать Кирилла.

— Туристы из других отелей приезжают посмотреть представление с поющими фонтанами за тридцать пять евро, — говорила ей полная, но вполне приятная девушка, водя пальцем с ужасно длинным ногтем, покрытым темно-вишневым лаком, по странице каталога, на которой красовались фотографии фонтанов. Правда, они молчали. Но выглядели вполне привлекательно и эффектно. — А вы можете каждый день смотреть на эту красоту. Бесплатно. — Она фактически впилилась ногтем, похожим на коготь, в страницу.

— А за компьютером работать не мешают?

— Простите?

— Ну, печатать и все такое...

— Простите? — Девушка уставилась на Киру полными недоумения глазами.

— Я говорю, как вы печатаете с такими длинными ногтями?

— А... — протянула она, переключаясь с фонтанов на свои ногти. — Красивые, правда?

— Очень. Но...

— Да я уж привыкла. Кладу пальцы плашмя. Мне ведь скорость высокая не нужна... — Она растопырила пальцы, полюбовалась своими руками, широко заулыбалась, потом, как будто вспомнив что-то страшное, резко отдернула руки, убрала их со стола, сняла с себя беспечную улыбку, заменив ее неподдельной озабоченностью, участием и искренним желанием помочь. — Давайте посмотрим дальше по каталогу... Если вас не впечатлили фонтаны... — Она зашелестела страницами. — Что тут у нас есть еще интересного из «пятерочек»?

— Не надо дальше. Я беру фонтаны. Пусть поют. А мы послушаем.

Девушка удовлетворенно квакнула и засуетилась.

— Будем оформлять тур?

— Оформляйте, — добродушно сказала Кира, и пока девушка заполняла бумаги, погрузилась в воспоминания. Она хотела подумать о чем-то приятном, вспомнить вулканический остров Тенерифе, океан... Вот она снова едет плавать... Красное море. Тоже здорово. Может, даже лучше, чем океан. По крайней мере, с точки зрения возможности поплавать с рыбами. Больше всего на свете Кира любила плавать. С рыбами. Ну и еще горы... Сноуборд... Снег. Белые склоны... Братья Ардо... Мысль закружилась, потеряла ориентиры, и воспоминания хлынули, прорвав плотину приятных курортных грез. Она увидела Данила, потом поняла, что

это Давид, потом он раздвоился, и перед ней возникли оба, причем, нижняя половина туловища была у них одна на двоих. Близнецы, бледные и абсолютно одинаковые, как две спички, смотрели на нее черными неподвижными глазами и мило улыбались. Улыбки играли, переливались, сплетались, потом медленно сползли цветастыми ужами с их лиц, обнажив недобрые застывшие оскалы. Лицо Давида задергалось, потом звонко треснуло и исчезло.

— Ты убила его, — сказал Данил. — А он любил тебя. И сейчас любит.

— Его уже нет.

— Его здесь нет. Но он есть. И только ты знаешь, где он. Только ты. И ты возьмешь меня к нему. Я не могу без брата. Верни мне брата. Мы же с тобой близки. У нас с братом никогда не было никого ближе и дороже тебя. Зачем ты предала нас? Зачем убила Давида?

По мере того как он говорил, его рот становился все больше и больше, пока не коснулся ушей. Голос упал до баса и завибрировал. Данил засмутился, потрогал уголки губ и уверенным движением вернул их на место, в нормальное состояние. Правда, теперь рот казался чуть-чуть меньше, чем надо. Данил как будто перехватил Кирин взгляд и немного расширил пальцами губы в направлении ушей. Смущенно улыбнулся и продолжал уже совсем по-другому, нежно и заботливо.

— Я не сержусь на тебя. Ты убила его, потому что боялась, что он убьет тебя. Я понимаю. Он сам виноват. Безумие поселилось в его воспаленном сознании и терзало его. А он терзал тебя. Безумие и ревность. Я не виню тебя. Он был обречен. Если бы ты не убила его, он погиб бы от руки Учителя... Не от руки, конечно. Как мы все привязаны к словам. Погибнуть от руки... Все орудия смерти мы называем рукой. Рука смерти...

Он вытянул перед собой руку, пристально посмотрел на нее, и взгляд повел ее дальше. Рука стала удлиняться, шелковой лентой сползла на пол, дотянулась до Киры и обняла ее. Кира передернула плечами. Рука исчезла.

— Так вот, если бы не ты убила Давида, его убил бы Учитель. Хорошо, что это сделала именно ты. Ты ведь сделала это с любовью? Правда? Ты его спрятала. Спрятала в других реальностях. И ты знаешь, где он. — Он помрачнел. — Или знаешь, где то, что от него осталось. Он был магом и не мог просто так исчезнуть. Ты отдашь мне то, что забрала себе? Тебе ведь это не нужно... У тебя и так все есть... Отдай мне Давида. Отдай! Отдай себя. Себя тоже отдай. Ты не нужна себе. Но ты нужна мне. Нам. Нужна. Нам-ам-ам... Нужна-а-а...

Голос начал гудеть сначала как свисток чайника, потом как паровоз, рот снова увеличился, раскрылся, округлившись и показав воспаленный язык, гудел уже как пароход. Огромный океанский лайнер, заходящий в порт. Данил подался немного вперед плечами, плавно перекатился на живот, согнул назад ноги в коленях, превратившись в большой пассажирский корабль, который возит туристов в круизы, с огромным ртом вместо трубы.

— В порт-орт-орт... в порт-орт-орт... — гудел он. — Паспорт-орт...

Кира открыла глаза.

— С вами все в порядке? — Девушка участливо заглядывала Кире в глаза.

— Да, все хорошо. Немного задремала.

— Пожалуйста, паспорт.

— Да-да, конечно. — Кира достала паспорта. — Вот, возьмите.

— Какой тип питания? Завтрак, ужин, или «все включено»?

— Все включено.

— Оплачивать будете всю сумму сразу? Или?..

Минимум тридцать процентов...

— Всю сумму.

— Замечательно. — Девушка опять углубилась в компьютер, а Кира — в себя.

Неприятный сон. Или видение. Или... В любом случае Кира этого не хотела, и, похоже, это было не ее. Внешнее, колючее и злое. Оно заползло в нее скользкой змеей, разбуженной ее страхами. Неужели ее влияние ослабло и Учитель с Данилом и со своей группой начинают постепенно просыпаться и вспоминать о ней то, что вспоминать им не положено? Она ведь все сделала, чтобы они забыли о своих к ней претензиях и желании посмотреть, что у нее внутри, забыли о ней как о цели своих мистических и эзотерических поисков и экспериментов. Ей казалось, что она отбила эту атаку навсегда. Возможно, нет. Надо все проверить и, если необходимо, повторить сеанс... С этим твердым решением Кира снова провалилась внутрь.

Океанский лайнер, по-видимому, вошел в порт и уже опять стоял на ногах. Молча. На этот раз он не улыбался, а как-то странно ежился, оглядывался и озирался по сторонам. Даже принюхивался, смешно шевеля носом. Кира хмыкнула. Он мельком на нее взглянул и снова заводил вокруг себя носом. И здесь Кира тоже почувствовала что-то. Что-то надвигалось, откуда-то издалека, из объемного далека. Оно давило со всех сторон. Но пока очень легко и еле заметно, на грани чувства и фантазии. Но надвигалось быстро и решительно. Не дожидаясь, видимо, момента, когда оно придет, Данил исчез. Кира увидела черный столб, закручивающийся против часовой стрелки.

— Здравствуй, Кирочка!

— Здравствуйте, Муслим!
— Когда-то ты называла меня дядя Муся.
— Вы хотите, чтобы я вас так называла?
— А почему нет?
— Ну, хорошо, дядя Муся.
— Когда-то ты с разбега прыгала в мои объятия...
— Когда-то вы охраняли и защищали меня, а не разрушали мою психику.

— Нельзя разрушить то, что уже разрушено... А о чем ты говоришь, Кирочка? О том, что я рассказал Кириллу, как спасти тебя от саморазрушения?

— Ах, это было спасение? — Кира состроила страшную гримасу.

— Конечно. Хотя тебе это может показаться чем-то совсем иным... Я все делаю... и буду делать, чтобы помочь тебе и Кириллу.

— Так мне или Кириллу?

— Как нехорошо, недобро над тобой потрудились жизнь. Откуда столько неверия и агрессии? Разве ты не любима и не любишь? Разве вы с Кириллом сейчас не одно и то же?

— Не знаю. — Кира сникла, затихла, сделалась мягкой. Не как подушка, а как глина. Податливой и растерянной. — Мне порой кажется, что он со мной только потому, что я не такая, как все, и что при помощи меня можно осознать вечность. Что он тоже охотник... А если завтра окажется, что я просто девчонка из соседнего двора, то он тут же найдет себе не просто...

— Тебя настраивают против Кирилла. Это понятно и естественно. Только он сейчас мешает многим завладеть тобой. Он твой щит и твоя крепость. Он — огромная черная дыра, которая засасывает все негативные влияния и потоки, направленные на тебя. Кроме того, он спасает тебя от самой себя, поглощая всю твою

разрушительную энергию. Он много может, но мало знает. И я даю ему знания, в которых он нуждается.

— Да, я все понимаю. — Кира обмякла. — Только...

— Что только?

— Нет, ничего. И все одно. И неважно, что мы делаем и куда идем, кого любим и к чему стремимся.

— Неважно для чего?

— Неважно для будущего.

— Конечно, неважно. Только при чем здесь будущее? Его нет. Есть только настоящее. Создай себе такое настоящее, какое нравится, и пребывай в нем.

— Мне страшно.

— Чего ты боишься?

— Узнать то, чего я не знаю. То, за чем все охотятся.

— Не бойся. Ты никогда этого не узнаешь. — Он засмеялся, снова превратился в черный вихрь и исчез.

Прошла еще одна неделя. Состояние Киры не улучшалось, ее психика все время работала в пограничных режимах, сверхвозбуждение и желание все изменить превращались в сверхагрессию и желание всех убить, а потом в сверхподавленность и желание умереть самой, немедленно и навсегда. Теперь, когда она узнала о мире Сенки, у Киры появилась новая идея фикс — уйти в тот мир. Особенно, когда ей казалось, что я люблю ее недостаточно. Она делала попытки найти мир, где она Сенка и живет вместе с Го, и перейти в него. До меня наконец-то дошло, что необходимо срочно вместе куда-то уехать. Отдыхать и быть вместе. Я так решил, притом внезапно. Заметил, что на работе очередь из неотложных дел стала чуть меньше, в тот же день отвез Кире паспорт, деньги и сказал, что она

может купить путевки по своему усмотрению. Несколько дней я доделывал дела на фирме: убирал хвосты и писал планы ребятам на время моего отъезда. Отослал очередное письмо Муслиму, в котором описал ситуацию, и спросил, есть ли у него возражения против нашей поездки. Вдруг он знает о возможной опасности. А также, поскольку я виделся на выходные с Сенкой, описал наши разговоры.

«...Муслим, я попытался уточнить по поводу пяти полов. Но Сенка подтверждает наличие пяти видов существ, я уж и не стану называть их полами, это кроме рабов, о которых я Вам писал мельком, с ними пока совсем дело темное. Так вот, сейчас для рождения творца, кто такой творец, тоже еще надо разобраться, им необходимо жить впятером, Сенка говорит, нужно собрать звезду: госеп, сенка, сидх, кей и гром. Раньше необходимо было восемь существ, но потом три существа ушли в другой мир, который отпочковался от этого, теперь у них свое развитие. А позже по своему пути развития уйдут кей с громом. Тогда для рождения творца необходимо будет только три существа — триада. Но, что интересно, за время, пока Сенка в этом мире, никому из госепов не удалось собрать пять существ, или звезду, как ее называет Сенка. Но по преданиям вроде был кто-то, кому это удалось.

Обнимаю, Кирилл».

Кира выбирала тур, я доделывал последние проекты, на бегу переписываясь с Муслимом.

«Я что-то в этом роде и предполагал. Никакого проникновения. Запрети ей любым доступным спосо-

бом любые попытки переходов. Если у нее получится сделать это самой, что для нее вполне реально, поверь мне, старому шарлатану, она может там задержаться надолго. Это убьет вас здесь, правда, насколько я понимаю, мой милый мальчик, тебя это не очень расстраивает, но это откинет вас намного назад... Необходимо понимать, нет Киры и Сенки, нет госепа и Кирилла по отдельности. Вы едины. Это как лед и вода. Нельзя быть одновременно и тем, и другим, это одно и то же. Но если попытаться воде не зависеть от температуры, и если это у нее получится, то это будет уже не вода. И сейчас вам важно почувствовать единство не только внутреннее, но и внешнее, то есть единство между Кирой и Кириллом в нашем мире. И в этом может очень помочь Сенка, так как она ЗНАЕТ, что это. Кира же этого не чувствует. В принципе им полезно меняться, но только принудительно. Она не должна это делать САМА. Категорически. Сенка не может здесь существовать, пока здесь есть сознание Киры, их можно только менять, не может быть два сознания одновременно. А Кира, пытаясь войти в мир Сенки, может сделать так, если ей это удастся, что их там будет две, что в принципе невозможно и смертельно. Не могут две стороны медали повернуться в один бок.

О вашей ситуации я ничего не думаю, я ей поглощен и чертовски рад, что она имеет место быть. Само сообщение о том, что та обреченная маленькая девочка с бомбой внутри жива, да еще и борется, приводит меня в неописуемый восторг. Знаешь, я стараюсь не думать о вашей ситуации, поскольку, думая, начинаю делать более чем преждевременные выводы. А это вредно, ядрена вошь. Я знаю только одно. Внутри у Киры очень беспокойно во всех отношениях, и пока это будет продолжаться, вы оба под

угрозой, а продолжаться это может очень долго. Понял, да? Я сейчас выразился более чем мягко. Я к тебе прирос душой и полюбил как сына, и мне будет безумно обидно, если ты не выдержишь. И еще. С Сенкой такая связь и понимание, возможно, вследствие того, что в Кире что-то сломалось или, наоборот, появилось. Возможно, по мере того, как Кира будет меняться, могут возникнуть затруднения в общении с Сенкой. То есть ты должен быть готов к тому, что в один прекрасный день Сенка выйдет на связь заторможенной или вообще парализованной, будет говорить с трудом, двигаться не сможет и прочее. Надеюсь, этого не случится. Но даже если и случится, не переживай. А главное, без паники. Это будет означать только то, что Кира выздоравливает.

Я думаю, что вам полезно побольше бывать вместе, отдыхать. Так что вперед!

И поосторожней там, в Египте, с обеими. Особенно если будешь учить Сенку плавать. Может случиться все что угодно. Потеря стабильности, например.

Будешь в Египте, не заморачивайся по поводу писем ко мне. У меня очередная операция. После операции дней десять на связь выходить, наверно, не смогу.
Муслим».

— А почему ты остановила свой выбор на Египте? Там сейчас не холодно? Когда едем? Хургада? Шарм-Эль-Шейх? Таба? Какой отель? — Кирилл бодро задавал вопросы. — А у тебя все есть для поездки? Может, нужно что-то купить? Ты сказала Апрелю, что уезжаешь? А Олегу? Он присмотрит за Апрелем? У меня есть нормальные шорты?

В какой-то момент Кира открыла было рот, чтобы начать отвечать, но потом быстро закрыла, дав Кириллу возможность закончить.

Но вопросы не кончались. Было впечатление, что он общается сам с собой и ответы его особо не интересуют. И действительно не интересовали. Он был настолько доволен возможностью на какое-то время забыть о работе и расслабиться, поваляться на солнце, поплавать и попить вина, не думая, нужно ли сегодня еще рулить или нет, что сама эта мысль его возбуждала и радовала, и, судя по всему, сама же и давала какие-то ответы или их эквиваленты, которые в качестве импульсов чистого удовольствия направлялись прямо в мозг.

Глава 4

Нет, не в тягость.
Просто сейчас.
Нет, не сложно.
Просто сейчас.
Нет, не надеюсь.
Просто сейчас.
Нет, не хочу.
Просто сейчас.
Нет, это выбор.
Просто сейчас.
Нет, ничего больше нет.
Просто сейчас.
Для нас.

Отель «Голден Файф», в общем, не разочаровал, хотя придраться, конечно, можно ко всему, но Кира обычно старалась не замечать недостатки и акцентировать свое внимание на достоинствах. Так, достаточно приличный путь до моря компенсировался необычайной красотой этого пути — обильная растительность и шикарные цветы не оставляли никаких сомнений, что на территории трудится целая армия добросовестных садовников, огромные, замысловатой формы бассейны и лагуны необычайно радовали глаз, уставший от черно-белых зимне-серых пейзажей Москвы. Правда, Кирилл, похоже, больше всего радовался долгожданной возможности отоспаться. Он спал не только ночью, но и днем, точнее, вечером, когда они возвращались с пляжа. А вечер в Хургаде в это время года начинается часа в четыре — солнце стремительно

падает, и очень быстро темнеет. Кире же не спалось. Ей как будто все время поджаривали пятки. Она, конечно, делала слабые попытки уснуть вместе с Кириллом, чтобы после ужина бодро предаваться ночной курортной жизни, но уснуть в это неурочное время так ни разу и не смогла. И когда Кирилл начинал монотонно посапывать, она тихо уходила из комнаты и отправлялась в лобби-бар — выпить чего-нибудь, на других посмотреть, себя показать. Она обычно присаживалась в кресле с хорошим обзором, заказывала красное сухое вино или коньяк в зависимости от настроения и внутреннего желания и наблюдала. В это время в холле собиралось достаточно много народа, в основном иностранного. Они образовывали небольшие компании, пили, как ни странно, почему-то в основном крепкие напитки, причем в больших количествах, и говорили, говорили, говорили... Кира иногда пыталась даже прислушиваться. Никак не могла взять в толк, о чем малознакомые люди могут так увлеченно и самозабвенно говорить в течение дней или даже недель. Прислушиваться, однако, имело смысл только к англоговорящим, а на этот раз вокруг слышалась в основном речь немецкая. По-немецки Кира не понимала, и не найдя поблизости ничего интересного, чтобы послушать, начала рассматривать.

В непосредственной близости, за соседним столиком, сидел темноволосый загорелый джентльмен в цветастых шортах и бандане. Даже в таком полупляжном виде от него веяло лоском. А лоск Кира любила. Больше всего в мужчинах ценила она ухоженность. И если небрит, небрежен, то каждая щетинка и расстегнутая пуговица должны быть выверены и только подчеркивать эту самую ухоженность, придавать ей дополнительную отличительную черту и крайнюю особенность. Это был как раз тот случай. Чем-то похож на Максима... Хотя

у этого, несомненно, на месте и руки, и ноги. Кира с интересом рассматривала небольшую татуировку на бицепсе. Вообще, ей не нравились татуировки, очередная дань моде или желание выглядеть крутым, — она предпочитала действительно сильных мужчин, а не тех, кто старался так выглядеть. Но в данном случае все было гармонично. От человека действительно исходила сила, а татуировка была небольшая и очень необычная, похожая на какой-то кроссворд... Она вытянула шею, пытаясь разобрать. Но буквы, судя по всему, были не кириллицей и не латиницей. Она втянула шею назад, переведя взгляд на лицо. На араба вроде не похож. На Максима похож! Но не Максим. Моложе и... Совершенно по-другому вибрирует...

Было в Максиме что-то притягательное. К нему тянуло. С ним хотелось общаться. Правда, заглянуть в него не удавалось. Все попытки увидеть, что у него внутри, натыкались на холодную бетонную стену. В принципе это ни о чем не говорило. Кира и раньше встречала людей, причем совершенно нейтрально к ней настроенных, но заглянуть в них не представляло возможности. Причины были разные — от перенесенных ими болезней до смещения частоты вибраций. В общем, это вовсе не означало, что стена выстроена специально. А вибрации Максима, возможно, определялись отсутствием у него правой руки до предплечья и левой ноги до колена... Замечание Кирилла о том, что Максим за ней охотится, не выдерживало никакой критики, когда Кира была бодра, весела и у нее ничего не болело, как, собственно, сейчас и было. Лишь в моменты бессилия и страха Кира допускала, что Кирилл не так уж и далек от истины. Но когда ей было хорошо, проблемы сами собой исчезали или уходили на задний план, так далеко, что их было совсем не видно. Не видно до

следующего приступа отчаяния и боли. Но отсутствие боли для Киры означало отсутствие проблем.

Выглядел Максим безукоризненно. Даже протезы были подобраны настолько искусно, что человек несведущий никогда бы не догадался, что перед ним инвалид. Он совсем не хромал. Складывалось впечатление, что каждый день он ходит в салон красоты и каждое утро камердинер приносит ему новую одежду из последних коллекций. Машина и обувь сияют чистотой в любую погоду. «Если это тот человек, который должен подвести меня за ноги, а потом высосать из меня все соки и силу, убить, расчленив, съесть, или уж не знаю, что еще он может со мной сделать, то я абсолютно уверена, что сделает он это красиво, грациозно, решительно и смело, и если, сострадав, то ровно настолько, насколько позволит ему хладнокровие и первичное намерение, нацеленное на результат», — думала Кира. Возможно, ей нравилось изящество этой мысли. Но когда до нее доходил еще и смысл, Кира начинала смотреть на всю эту красоту и безупречность совсем по-другому.

— Что-то ты, Кирочка, сегодня как-то слишком уж долго тренировалась. Я ждать тебя устал. — Растянулся в улыбке Максим, когда Кира под села к нему за столик.

— Да я два дня пропустила — дела навалились, а силы копились. Ужас, сколько накопилось. Надо было их использовать.

— Да? — вроде как с недоверием переспросил Максим. — Ну, я рад, что ты в порядке. А то уж было начал волноваться.

— Если я пропускаю тренировки, это вовсе не значит, что я умерла, а если прихожу, — она хитро прищурилась, — это также не означает, что я жива. — Кира вдруг вспомнила каламбур из одного письма Муслима, который ей зачитал Кирилл. Кирилл никогда не пока-

зывал ей письма Муслима целиком, а лишь изредка зачитывал особенно понравившиеся ему места.

— Я это уже давно понял. Просто как-то тяжело это осознать. Но я близок. — Прозвучало как угроза.

Кира напряглась.

— Расслабься... — Он поставил перед ней стакан грейпфрутового сока. — Впрочем, после такой тренировки, чтобы расслабиться, требуется что-нибудь более существенное, чем грейпфрутовый сок. — Он засмеялся. — Банановый, например. — Он подождал, пока его слова осядут в Кире, и продолжал: — А если серьезно, — он наклонился к ее уху, — я приглашаю тебя в ресторан. Пойдешь со мной в ресторан?

Кира сделала вид, что думает.

— Я брошу к твоим ногам свои протезы...

— А как же мы пойдём, без протезов? Я вас не донесу.

— Я поползу...

— А вот этого не надо... Я согласна, — сказала Кира и потрогала его руку, как будто проверяя наличие протеза.

Взгляд скользнул ниже, задержался на стильных шортах и упал. Протезов точно нет.

«Кирилл все равно улетел к Муслиму в Калифорнию, — стала оправдываться перед собой Кира. — Должна же я как-то развлекаться. Мысли плохие отгонять, вытеснять... Чтобы не вибрировать. Плохо. Чтобы всем было хорошо. — Звучало неубедительно. — Я вполне могу сходить в ресторан с приятным мне человеком. Без продолжения, разумеется. А хотя бы и с продолжением», — додумала она машинально. И тут же послала далеко в пространство: «Прости меня, Кирюша, дуру такую. Я люблю тебя. Очень. Но в ре-

сторон пойду. Ужасно есть хочется». Мысль о том, что это может быть опасно, даже не пришла ей в голову. Впрочем, ничего страшного не произошло. Они премило поболтали, поели всяких вкусовностей и даже потанцевали. Максим при всей своей, мягко сказать, необычности танцевал весьма неплохо. Он не только ни разу не наступил Кире на ногу, но вел ее очень уверенно. Правда, несколько раз Кира ощущала слабые уколы в голову, как будто острая игла осторожно, стараясь не причинить боль, проникала в сознание, но вино сделало свое дело — Кира не остановилась и не зафиксировала это ощущение, и оно, лишь слабо коснувшись сознания, почти забылось.

Вино и на этот раз сделало свое дело. Кира допила третий бокал и под села за столик к джентльмену. Он свободно говорил по-английски, и у них завязалась беседа. Кира с удовольствием и возбужденно делилась с ним впечатлением об отеле, о погоде, о нагло красивых рыбах, скрывая, естественно, тот факт, что она здесь не одна, а с Кириллом, можно сказать, не скрывая, а игнорируя, что, впрочем, одно и то же. Джентльмен по имени Фред выглядел весьма довольным и тоже возбудился. Он оказался дизайнером по мебели из Ирландии и увлеченно рассказывал о своей работе, часто используя слово «креатив» или его производные. Но по мере их разговора он начал как-то странно затухать и о чем-то сожалеть. Сожалел он, как выяснилось, о том, что отдых его закончился и утром следующего дня он улетает. Печалился, что встретил такую приятную во всех отношениях девушку в последний день и посему последний вечер просил провести с ним. В голове у Кире зашевелились было нехорошие мысли — соврать Кириллу, чтобы провести время с импозантным джентльменом, но она быстро их укротила и, рас-

сыпаясь в извинениях, сообщила, что именно сегодня вечером она ну никак не может. Вот если бы завтра... Он бурно сожалел. Или верил в то, что сожалеет. Или делал вид. В любом случае было приятно.

Кира перехватила мысль Кирилла. Он уже проснулся и сканировал пространство. «Пора домой».

Они сидели с Максимом в китайском ресторане, как обычно, ели, пили, болтали ни о чем и обо всем. О Китае и китайцах, о винах, танинах и виноделах, о моде, о лете и даже немного о любви, то есть о том, о чем впоследствии тяжело вспоминать. И вот во время такой ни к чему не обязывающей болтовни Кира почувствовала парализующий волю поток. Максим принял непринужденную позу, ковырял вилкой рыбу. Кира не стала обдумывать ситуацию, а сразу попыталась защититься, вернее сказать, это была уже не Кира или не совсем Кира. Из капризной, ленивой и легкомысленной она в подобных ситуациях превращалась в умелого и расчетливого воина. Не проявляя своего замешательства и не ставя никаких защит и блоков, чтобы не спугнуть того, кто генерирует поток (что влияние идет от Максима, она еще не была уверена), Кира осторожно направила эту жесткую струю в воронку Кирилла, стараясь, чтобы ее сознание не было опрокинуто и вывернуто наизнанку. Чтобы не привлечь внимание к этой тяжелой внутренней работе, она тихо запела:

— Далеко, далеко ли далёко,

Одиноко ли, ой, одиноко.

Не жалея его, не жалея —

Не до плохо ему,

Не до смеха.

И уехал, опять не уехал.

Сон не до покой его ничей.

Падал на,
Солнце, в губы крича.
День от месяца
Нынче ключик, очаг,
Поднебесица.
Сладко стелет,
Сядет у плеча
Ночь от года ничья,
Ночь от года ничья.

Максим оторвался от рыбы и внимательно наблюдал за Кирой.

— Далеко, далеко ли далече.
День от ночи ложится на плечи.
Не жалея его, не зови.
День от ночи, неделя от ночи.
И не хочется, если не хочет.
Сон не до покоя его живи
Падал на,
Солнце, в губы крича.
День от месяца
Нынче ключик, очаг,
Поднебесица.
Сладко стелет,
Сядет у плеча
Ночь от года ничья,
Ночь от года ничья...

— Очень интересно и так глубоко, что я нырнуть не решился бы... — Он смотрел Кире в глаза. — Чья это песня? Или не песня?.. Твоя?

— Эта песня-непесня Федорова-Волкова-Курашова.

— Ничего подобного раньше не слышал.

— Моя любимая...

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально... — неуверенно ответила Кира.

— Хорошо. Сейчас ты ответишь на мои вопросы. — Он вытянулся, превратившись в энергетический шнур.

Кира сделала вид, что впала в транс. И Максим начал задавать ей вопросы. Его интересовало все: подробности биографии, даты, родственники, друзья, перемещения, контакты, способности, умения. Кира иногда отвечала правду, но по большей части врала. Врать так, чтобы не вызвать подозрения, было иногда сложно. Уж больно мало времени на раздумье. Приходилось играть. Так проще. Войти в роль и играть. Так правдоподобнее.

— Ты умеешь сдвигать реальности?

— Какие реальности? Куда сдвигать?

— Вмешиваться в ход событий и подстраивать их под свои цели.

— Ну, не знаю. Заставить сына что-нибудь сделать могу, правда, чем дальше, тем все труднее — переходный возраст... А вот повлиять на мужа часто не могу.

— Ты замужем?

— Да.

— А почему с мужем не живешь?

— Нам так удобно. Мы в хороших отношениях и не мучаем друг друга, как некоторые.

— У тебя есть мужчина?

— Какой мужчина?

— Друг, любовник.

— Нет, наверно. Мужчины есть, вот вы, например, клеитесь и вертитесь вокруг да около... А одного мужчины, постоянного, нет. Пока нет. — Она заинтересованно посмотрела на Максима.

— Ты знаешь, что у тебя внутри?

— Конечно. Что и у других. Органы всякие. Печенка, селезенка, кишки, почки, разные кусочки... Ну, и много дури.

— Кто-нибудь еще, кроме меня, интересовался тем, что у тебя внутри? Хотел тебя исследовать?

Максим очень внимательно следил за любым Кириным движением, а Кира в свою очередь была предельно аккуратна и также следила за каждым своим движением, словом, вздохом, взглядом, чтобы Максим удовлетворился ее ответами и поверил им.

— Кому я нужна? Студентам-медикам? Так у них свои подопытные есть и трупы. Много разных трупов. Пусть их и изучают. Ну и меня можно. Только позже. Придется им немного подождать.

— Чего?

— Пока я трупом стану...

Он засмеялся, посмотрел куда-то далеко-далеко, мимо Киры, похоже, что-то обдумывая, и Кире показалось, что он как-будто успокоился, расслабился и даже как-то обмяк, но потом, видимо, не удовлетворившись ходом своей мысли, снова напрягся и продолжал:

— Рядом с тобой должен быть кто-то, кто помогает тебе. Кто это?

— Ну почему «кто-то»? Их много. У меня много мужчин, и они помогают мне.

— А кто прячет твою силу и твои способности?

— Да никто не прячет. — Кира резким движением поставила на стол правую руку, согнутую в локте, и раскрыла ладонь. — Давайте мериться. И вы увидите, что силу свою я не прячу. Зачем? Давайте-давайте. Я вас поборю.

— У тебя был учитель?

— Целая гора. В школе, в институте. Да и вообще по жизни. Все пытаются учить... Так забавно! Чем меньше человек знает, может, понимает, тем с большим рвением и напором он пытается всех вокруг учить...

— У тебя был учитель, который учил тебя невидимому? Или, может быть, человек, который пытался тебя учить, но ты не захотела?

— Ну я же говорю, учителей вокруг куча, но никто ничего не знает, а главное, как доходит до дела, оказывается, что к тому же еще и не может... А потом, поздно меня уже учить. И бесполезно.

— Я о магии говорю и эзотерических школах.

— А... Это было бы, наверно, интересно. Но, к сожалению, этому меня учить не пытались. Пожалуй, это единственное, учиться чему я бы не отказалась. Но почему-то никто не предлагает. Нет, вру. Я хотела бы еще научиться управлять самолетом, ну хотя бы совсем маленьким. И яхтой. — Кира приняла увлеченный вид. — Был у меня один знакомый — яхтенный капитан... Очень импозантный мужчина... Мы с ним уходили в море. Надолго. Плавали. Загорали. Ловили рыбу. Высаживались на разных экзотических островах. А потом немного повздорили. И я подумала, угнать у него яхту... Но как подумала, так сразу и раздумала. Ей, оказывается, так трудно управлять! Мы, конечно, потом помирились. Но мысль осталась. Научиться рулить морским судном...

Влияние ушло так же внезапно, как и пришло. Максим попросил принести счет, и, вероятно, чтобы убедиться, что от состоявшегося разговора в памяти Кире ничего не осталось, а если и осталось, то понять, что именно, он сказал.

— Кирюша, спасибо, что согласилась со мной поужинать. Мне бесконечно приятно твое общество. Ты не спела бы мне еще раз эту песенку, как ее там?

Кира весело засмеялась.

— Какую песенку? Максим! Вы меня с кем-то путаете... Да я и петь-то не умею. — И остроив

сочувственную гримасу, спросила: — С вами все в порядке?

— Что-то голова немного кружится. О чем это мы говорили, за ужином?

— Да так... — Кира притворилась, как будто вспоминает. — Ни о чем существенном.

— А все-таки?

— Ну, если это так важно... Вы рассказали анекдот о том, как один индус отговаривал свою жену от четвертого ребенка, потому что думал, что родится китаец... Потом мы прикинули, что в Грузии марочного вина производится в сто раз меньше, чем продается в Москве, а вы сказали, что летом нам хорошо бы куда-нибудь вместе съездить... Хотя бы и в Грузию. Вина попить настоящего. А лучше в Аргентину...

— И?

— А после Вы напрашивались на чашку кофе.

— И...

— И все!

— Ну, кофе отменяется.

— Да я уж вижу.

— Но проводить я тебя в состоянии и сделаю это с превеликим удовольствием.

— Но проводить тебя я могу?

Кира задумалась.

— Конечно, — твердо сказала она, подумав, что если Кирилл и увидит ее в сопровождении такого импозантного джентльмена, то ничего плохого не будет. Будет даже лучше.

Но не случилось. Когда Кира вернулась, Кирилл все еще лежал в кровати.

— Где ты была?

— Кофе пила.

— Не кофе, а вино...

— Ну, вино... С дядечкой симпатичным познакомилась. Из Англии.

— Из Ирландии...

— Ну, из Ирландии...

— Уснуть так и не смогла?

— Не смогла...

Оказалось, что проблемы у Киры не только с дневным сном. Ночью ей тоже не спалось. Перед глазами все время мелькали какие-то образы.

Вот ирландский джентльмен зовет ее куда-то, бежит по берегу в облаке брызг и манит за собой. Но как только Кира приближается к нему, он увлекает ее все дальше на глубину. Дальше и дальше. Глубже и глубже. И он уже не ирландец. Он уже Максим. Он хватается за руку и тянет в пучину. Она борется с ним и вырывается из его объятий, обнаружив у себя в руках протез его руки. Протез живет своей жизнью, улыбается, смеется и пытается ухватить ее за нос. И когда ему удастся, Кира понимает, что у нее уже нет носа и что она уже не Кира, а Сенка. И она уже не убегает, а преследует. Устремляется вслед за Максимом, потерявшим свой протез...

В бассейне Кира плавала одна. В полуденные непопулярные часы в спорт-клубе никогда не было аншлага. Но так, чтобы совсем никого... Кира наслаждалась водой и одиночеством. Она очень любила плавать. «Наверно, есть реальность, где я рыба», — подумала Кира, с силой отталкиваясь от бортика. Она проплывала бассейн быстро, практически под водой, поднимая голову, только чтобы набрать воздуха. Вспомнился океан, наглые полосатые рыбы, которые дают себя погладить, как кошки, и огромные безотказные черепахи, ухватившись за панцири которых, можно кататься.

В голове низко загудело. Кира сделала глоток воздуха. Высокий стул у барной стойки был пуст — даже дежурный тренер отсутствовал на своем обычном месте. Скучающий бармен наблюдал за Кирой, глядя сквозь насухо вытертый сияющий стакан. В очередной раз подняв из воды голову, Кира заметила смуглого старика. Он как-то по-кошачьи прошмыгнул из мужских душевых прямо к барной стойке, и о чем-то заговорил с барменом, после чего последний поставил стакан и удалился. Кира перестала плыть и смотрела на странного старика, не отрывая глаз. Он явно был здесь впервые и совершенно не соответствовал образу обычной публики, посещающей спорт-клуб. «Как будто только из леса вышел, — промелькнуло в голове у Киры. — Или из джунглей. Да-да, именно из джунглей. Маленький, краснокожий, сухой, крепкий, проворный, как обезьяна, и с каким-то амулетом на шее». Кира наблюдала за ним как завороченная. Старик присел за столик рядом с пальмами и начал что-то нашептывать. Потом резко поднял глаза на Киру...

Она очнулась на скамейке у бассейна. Старика не было. Рядом стояли доктор в голубом халате, дежурный тренер, две женщины в купальниках.

— Ну вот и славненько. Наконец-то. Как вы себя чувствуете? — Доктор держал Киру за руку.

— Нормально.

— Ну и хорошо. Вы были без сознания почти десять минут. Вообще-то вам нужно обследоваться. Насколько я помню, с вами это происходит уже не в первый раз. Я имею в виду обмороки.

— В бассейне — первый...

— Вы не беременны?

— Нет.

— А с сердцем все в порядке?

— Да.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Тогда тем более нужно обследоваться. Обязательно. И не тяните с этим. Вы, молодые, считаете себя вечными. А вечного ничего нет...

— Я знаю. Я непременно обследуюсь.

— Хорошо бы... — Он помог Кире подняться.

— Спасибо. Дальше я сама. Мне уже хорошо...

В раздевалке Кира посмотрела на часы. Она была без сознания около часа. А доктор говорит, что десять минут. Значит, его позвали десять минут назад. А что с ней было в оставшиеся пятьдесят? И кто с ней был? И что делал? Вопросы без ответа. Впрочем, ответ Кира знала. Старик ввел ее в состояние, которое она не смогла проконтролировать, и теперь она действительно ничего не помнит. Интересно, он сам с ней работал или передал Максиму? И что знает теперь Максим? Неужели он не поверил ей в прошлый раз? Или решил перепроверить? Грустно...

В лобби-баре сидел Максим и пил кофе.

— Кира, присаживайся. — Он отодвинул стул и помог ей сесть. — Плавала?

— Как всегда.

— А я сегодня не плавал. Устал в зале. Нога разболелась, и вообще — легкое недомогание. — Он был мрачен, смотрел мимо и выглядел гораздо старше, чем обычно.

Кира заказала апельсиновый сок.

— Я тоже немного устала.

Он поднял на нее глаза.

— Я решил уехать, набраться сил, отдохнуть. Как ты считаешь?

— Конечно, поезжайте.

— Может, и ты со мной?

— Мысль хорошая, но...

— Я понял, что «нет», ответ «да» противоречил бы всему сценарию. На мгновение почему-то подумал, что могу изменить его, в смысле сценарий.

— А почему бы нет? Только не в этот раз.

— Думаешь, будет другой?

— Не знаю. А вы обязательно поезжайте. В этот раз. Куда-нибудь в горы или к морю. В горах хорошо силы восстанавливаются. И там красиво. Я люблю горы.

— Да-да... Именно. В горы. Я тоже. Также люблю горы. — Он встал. Таким рассеянным Кира его никогда еще не видела. — Ну, я пойду...

— Счастливо и удачи вам.

— Удача для слабых... Впрочем, спасибо. Конечно, спасибо. Сильный в любой момент может стать слабым. Тогда остается уповать на удачу... — Он развернулся и быстро пошел к стеклянным дверям. Остановился. Оглянулся. И снова подошел к Кире.

За это короткое время, пока он дошел до дверей и вернулся, что-то в нем изменилось. Он снова, как обычно, был собран, подтянут и приветлив.

— Да, Кирочка, совсем забыл тебе сказать... Я ухожу вовсе не потому, что ты не та девушка, как ты можешь подумать. Я ухожу именно потому, что ты — та. Но ты сильнее, чем я ожидал. А я сейчас не готов... — И он улыбнулся. Открыто, широко и искренне. Как улыбается близкий и родной человек, который желает тебе только добра и счастья.

Кира постаралась улыбнуться точно так же.

Посмотрела на часы. Четыре часа ночи. Она встала, открыла холодильник, или мини-бар, по-гостиничному, налила себе воды. Кирилл ровно посапывал. Как ребенок. Лицо светлое и спокойное. Ни тени напряже-

ния, нетерпения и озабоченности. Она села рядом с ним на кровати.

Говорят, во сне лицо человека отражает его сущность. Те, чьи лица ночью охватывает злоба, тревога, напряжение и прочие подобные состояния, в действительности таковыми и являются, какими бы обаятельными, добрыми и приятными ни казались днем. Лишь при свете луны и звезд можно увидеть истинное лицо. Напротив, чей сон безмятежен и кто во сне похож на милого ребенка, на самом деле именно такой — чистый, добрый, бескорыстный. Если даже в жизни он позволяет себе выразить отрицательные эмоции. Очень трудно их сдерживать. И лишь тот, кто способен управлять своими эмоциями, способен контролировать свою жизнь. Но таких нет. Или очень мало. По крайней мере, она не встречала.

Кира провела рукой по бритой голове Кирилла и поцеловала его в нос. Он не пошевелился. Кира улыбнулась. Возможно, правда, Кирилл... Тот самый, кто лучше других может справляться со своими эмоциями. Со всеми. Не только с отрицательными... И это было минусом, поскольку Кире очень не хватало его эмоционального отношения к ней, бурного проявления любви и радости от общения с ней.

Для самой Киры управление своим эмоциональным состоянием всегда являлось очень трудным делом. Но положительные эмоции были лишь эмоциями. А вот отрицательные разрушали не только Киру, но и все вокруг. Когда-то Кира составила себе даже план борьбы с негативными проявлениями, где основным пунктом было не стремление не выражать отрицательные эмоции, а их изучать, наблюдать за ними, отслеживать и классифицировать. И результатом подобного изучения явилось понимание, что, во-первых, они абсолютно бесполезны и лишь приводят к пустой

трате сил и вызывают неприятные иллюзии; во-вторых, они реально не существуют, то есть принадлежат какому-то искусственному образованию внутри, подобно опухоли, которое культивировалось еще в детстве при попытке подражать окружающим взрослым. Очень было странно наблюдать за взрослыми с этой точки зрения. Особенно за теми, кто считал себя важными, достигшим в жизни того, чего он хотел сам, или того, чего, по мнению, должны были хотеть достигнуть все остальные. Они видели в проявлении своих отрицательных эмоций что-то вроде знака отличия. Они находили их необходимыми, достойными или даже замечательными. И совершенно не собирались от них избавляться, считая, что такое поведение еще больше заставит окружающих их уважать. И бояться...

Предотвращать появление отрицательных эмоций оказалось задачей невыполнимой, поскольку самой медлительной человеческой функцией является, как ни странно, именно мысль. Двигательные, инстинктивные и эмоциональные функции значительно опережают по скорости мысль. Так как же удержать первые при помощи последней? Когда чувства переполняют, нет времени думать. Много раз, совершая быстрое движение, Кира пыталась наблюдать за собой и пришла к выводу, что это невозможно. Либо приходилось замедлять движение, либо мысль не справлялась с наблюдением.

Однако если она, не желая воевать со своими внутренними переживаниями и блуждающими мыслями, начинала просто в них всматриваться, обнаруживалось, что глубоко-глубоко внутри любого психического состояния находится что-то, совершенно отличное от него, какая-то пустота и индифферентность, что-то безличное и нейтральное. Эта глубинная точка не несет в себе никакой окраски. Она НИКАКАЯ. Она НИЧТО. Там нет ни боли, ни страха, ни счастья. Там ни хорошо,

ни плохо. Там никак. Безвкусно, беззвучно, безлично. Получалось, что внутри эмоции никакой эмоции и нет. Только на поверхности бурление и назойливое дребезжание мыслей. Так что нужно было просто научиться заныривать на глубину, в ничто, в пустоту. И отдыхать там...

Она поцеловала Кирилла в лоб. Сейчас ее переполняло чувство нежности и любви. Но любовь, так же как и ненависть, была намного быстрее мысли... И Кира не могла осознать свою любовь, не могла посмотреть на нее со стороны...

Я, понимая, что необходимо защищаться от растягивающей разум реальности, взял с собой в Египет несколько фотоаппаратов, которыми мы и старались делать интересные снимки. Вернее, щеголяя друг перед другом творческой фантазией, мы пытались удивить друг друга оригинальностью идей. Опыт был на моей стороне, но мое видение композиции явно уступало Кириному. Сравнения фотографии на экране монитора или на бумажных отпечатках, мне было заметно, что я применял техники фотографирования или описанные в книжках, пускай и малоизвестные, или подсмотренные у маститых фотографов. А Кира отображала действительность технически просто, но очень интересно с точки зрения видения. Мир в визире ее фотоаппарата обретал математическую гармонию, неожиданные ракурсы показывали сочетания форм и цвета, о которых я не подозревал ранее. В целом получалась ничья между опытом и талантом.

Впервые мы проводили столько времени вместе. Нам было о чем поговорить и о чем помолчать. Я все

больше вникал в ту философию, по которой жила Кира, нет, вернее, вопреки которой она жила. Иметь информацию и пользоваться ею — разные вещи. Кира знала, но не пользовалась. Возможно, мы встретились потому, что шли в своих поисках навстречу друг другу. Я искал знания и умения, а Кира мечтала избавиться от них и стать обычным человеком.

Больше всего нам нравилось сидеть в баре на берегу. Закрытый от ветра, с удобными столиками и стульями, он представлял идеальное место для проведения времени за разговорами с бокалом красного вина.

Сенку я позвал вечером в один из первых дней.

Она, не двигаясь, обвела глазами комнату, потом сфокусировала взгляд на мне.

— О-оооо. Курорт?

— Да, Сеночка, курорт. Привет.

— Это наша квартира на курорте? Большая. И кровать большая, больше чем у нас в Москве.

Обследовала глазами комнату, заметила, что весь интерьер сделан в двух цветах: зеленом и красном.

— Вот смотри, как все подобрано. Всюду одинаково, красный посередине, зелененький по бокам. Мне нравится, когда такой порядок.

Выяснив у меня, почему нет кухни с холодильником, вспомнила о море. Она даже дернулась — было заметно, в какой момент к ней пришла мысль о море.

— Море есть? Можно плавать? Пойдем плавать?

— Да, море есть. Но сегодня мы с тобой пойдем только на разведку. Прогуляемся, посмотрим, как ты себя чувствуешь.

— Хорошо, ты главный, но я очень хочу попробовать плавать.

Мы вышли на улицу. Краешек солнца скрывался за далекими горами, постепенно темнело. По аллеям направились в сторону моря. Сенка шла медленно,

держась за меня одной рукой, в ее глазах отображались удивление и восторг.

— Ой, как красиво-о-о-о-о. Смотри, небо какое красивое о-о-о-о. Вон какой красивый желтый домик и вон красный красивый. И дорожки такие красивые. Смотри, здесь людей почти нет и дома красивее. — Слово «красивый» являлось основным в ее описаниях. — Красные и желтые, не то что у тебя там, дома, там они серые, и людей много и все плохо вибрируют. Здесь дома большие и красивые а людей почти нет. Как так? Много места, красиво и людей нет. Здесь вибраций плохих почти нет, ничто не давит. Ой, как здесь хорошо. Давай лучше здесь жить. Ну давай!

На юге быстро темнеет. Пока мы дошли до берега, уже наступили сумерки. Осталось обойти последние кусты, за которыми было слышно шум волн.

— Я знаю, это море шумит. Море шумит. Оно сердится? — Сенка остановилась, испуганно прислушиваясь и вглядываясь в кусты.

— Пойдем, Сеночка. Еще немножко и ты увидишь море.

— А почему оно шумит, оно нам ничего не сделает?

— Надеюсь, что не сделает.

Мы немного походили по песку около самой воды. Слушали шум волн, смотрели на темнеющее небо и появляющиеся звезды. Я больше молчал, Сенка удивлялась всему вокруг.

— Смотри, уже небо темнеет. Вон звездочка появилась, а вон еще одна. Ой, как все быстро меняется. Какой у вас быстрый мир. Только что было светло, а уже темно. О-о-о-о, как же красиво, какие же вы счастливые. Я тоже хочу здесь. Быть. Жить.

— Послушай, как шумят волны.

— Это море так разговаривает. Мне нравится, как оно разговаривает.

— Понимаешь, о чем оно говорит?

Сенка надолго замолкла. Слушала море.

— Оно страдает.

— Страдает? А почему?

— Я не знаю почему, чего-то хочет. — Сенка еще помолчала. — Оно знает очень много, поэтому и страдает. Тем, кто мало знает, тем хорошо, а чем больше знаешь, тем больше страдаешь. Море все знает, поэтому страдает. Понимаешь?

— Понимаю. Не подходи слишком близко к воде, намочишь ботинки.

— Да, у меня красивые ботинки. В ботинках не плавают?

— Нет, в ботинках не плавают.

— А в чем плавают?

— Плавают почти без одежды, только в купальнике. Смотри, сколько звезд уже на небе.

— О-о-о-о, как много. Привет, звезды, я здесь! — Сенка помахала рукой наверх.

В отель я вернулся с Киной.

С каждым днем я понемногу увеличивал количество впечатлений, которое получала Сенка за один визит. Мы прошлись по территории до захода солнца, сходили посмотреть представление поющих фонтанов. Сенка смотрела с огромным удовольствием на движущиеся в такт музыке разноцветные струи воды. Когда первые впечатления улеглись и я объяснил, почему вода разных цветов, а потом и полностью описал принцип работы музыкального фонтана, она какое-то время еще смотрела с удовольствием, а потом потянула меня за куртку, прося наклониться к ней.

— Мне очень нравится. Но почему музыка такая простая и неинтересная? Давай их попросим поставить музыку, которую мы слушали у тебя. Будет лучше.

— Ну что ты, милая, во-первых, под мелодии, которые сейчас звучат, написана специальная программа, которая управляет фонтаном, а под другую музыку у них нет программы. А во-вторых, сюда приходят самые разные люди, воспитанные по-разному, и нужно, чтобы большинству нравилось то, что здесь звучит. А музыка, которую ты слышала у меня, — авангард, она малопопулярна, ее слушают с удовольствием, кроме нас с тобой, совсем небольшое количество людей.

Я старался избегать контактов Сенки с людьми, боясь ее непрогнозируемой реакции на человеческие вибрации. Тем более что у меня в памяти еще свежо то, что случилось в Москве два месяца назад. Тогда, в кафе, Сенка потеряла сознание. В себя пришла только через несколько часов, а потом еще три дня я не мог поменять ее сознание на сознание Киры.

Хорошо, что отель имел большую территорию, по которой можно гулять, а отдыхающих в этот зимний сезон было немного.

На пляже мы обычно занимали лежаки с самого края. Там вообще никого не было. К плаванию я готовил Сенку постепенно, мы сначала просто намочили в воде ноги, потом прогулялись вдоль берега по колено в воде. Я показал ей, как плавают другие люди.

Январь в Египте — суровое испытание. В закрытом от ветра месте — у бассейна или в парке — днем достаточно жарко, а вот на пляже дуют сильнейшие ветра, и в воду заходить совсем не хочется — холодно нужно какое-то время, чтобы привыкнуть к такому положению дел, осознать, что тепло. А вслед за сознанием и тело перестроится и поймет, что совсем не холодно, а даже жарко, и что можно купаться. Так что только на третий день нашего отдыха я взял Сенку за руку и повел ее учиться плавать. Мы вошли по колено. Сенка отрицательно покачала головой:

— Я не плаваю.

Зашли подальше. Еще немного, почти по пояс.

— Давай ложись на воду. Посмотрим, что будет.
И не забудь, когда голова под водой, дышать нельзя.

Сенка с готовностью села в воду, а после легла на нее и зашевелила руками и ногами, как лягушонок. Она делала какие-то минимальные движения и при этом держалась на воде.

— Я плаваю? Скажи, я плаваю? Так плавают?

— Плынешь, а ну-ка давай попробуй проплыть вокруг меня.

Кажется, она сразу научилась плавать.

Сенка сделала круг вокруг меня. Еще один. И еще...

Я видел, как плавают хорошие пловцы, но Сенка плыла не так. Она делала движения не только руками и ногами, она изгибалась всем телом. Как бы подныривая. Это было похоже на то, как плавают морские котики и тюлени. Рыбы плывут, изгибаясь вправо-влево, а млекопитающие, как, например те же морские котики и еще дельфины, делают движения вверх-вниз. Сенка плыла так же, я точно не рассмотрел, как это у нее получается, но она казалась грациозным морским животным. По ее телу проходила волна, которая двигала ее вперед и очень даже быстро. На этот раз я разрешил ей поплавать только на маленькой глубине. Сам я стоял и следил, чтобы ничего не случилось. Минут через пять, несмотря на недовольство Сенки, я вывел ее из воды.

С каждым следующим разом мы заплывали все дальше и дальше. Разглядывали кораллы, морских ежей и разноцветных рыб, за которыми Сенка увлеченно гонялась под водой. Я чаще всего плыл позади, любуясь ее легкими движениями и готовый прийти на помощь в случае непредвиденной ситуации. Я чувствовал себя плавающим бревном с руками, хотя до этого времени считал, что плаваю вполне пристойно.

Кира, послушав мои рассказы, легко перестроилась, и теперь ее стиль плавания, который и до этого был очень быстрым и красивым, стал почти не отличим от стиля Сенки. Единственно, Кире не хватало бьющего фонтаном детского энтузиазма. Мы плавали много, возникла даже конкуренция, кто будет плавать следующий: Кира или Сенка. Кира вела себя очень поджентльменски, а Сенка соглашалась даже на небольшие заплывы, так что трение между двумя частями Кире не переходило в открытое противостояние.

Я установил распорядок дня, который оставлял нам совсем немного свободного времени. Утром ранний подъем и тренировка, завтрак, поход на пляж, заплыв, урок английского, снова заплыв, час свободного времени на чтение, обед. После обеда мы отдыхали в номере, снова тренировались, потом ужин и прогулка.

В один из дней, утром на пляже, когда Кира учила меня английскому, а я, как обычно, очень честно и старательно учился, мне вдруг стало как-то нехорошо. Внутренний диалог остановился сам собой, и на меня накатила волна какого-то понимания-непонимания, от чего я, как будто, стал большим-пребольшим, просто огромным, и начал вмещать в себя весь пляж вместе с людьми и всей обширной отельной недвижимостью, да и рядом стоящий отель мог захватить вместе с большим куском моря. Я замолк на полуслове и ожидал, что будет дальше, пытаюсь расслабиться и дать возможность пройти этой волне через меня.

— Кирюша, что с тобой? Опять нахлынуло? Все под контролем? — спросила Кира.

Она уже знала, что на меня иногда что-то находит и в такой момент меня не нужно беспокоить. Что я культивирую в себе такие состояния, пытаюсь поймать отблеск реальности за хвост.

Я вяло дернул рукой, что должно было означать, что я в порядке.

На этот раз было по-другому. Хотя я и не мог в этот момент думать, но знал, что происходит что-то, отличающееся от моих уже привычных необычных состояний, когда я чувствовал сладкий-сладкий вкус и мне не хватало только одного движения внимания, чтобы вспомнить что-то самое важное. Это было очень больно, но боль эта была безумно приятной. Тогда у меня тоже отключался внутренний диалог, но только это и было похоже. Не было ни сладкого вкуса приближающегося понимания, ни чувства последней тонкой, но гибкой преграды. А было пугающее жмущее голову расширение сознания, которое совершенно не несло в себе понимания. Я превращался в темный туман, туман покрывал все вокруг, проникал в людей, в здания, в море, воздух и песок. Мне удалось расслабиться, и я стал просто свидетелем происходящего. Бег времени я не мог регистрировать, но судя по спокойной реакции Киры, я пробыл в таком состоянии недолго. Я не понял, что было причиной, просто вернулся к обычному мироощущению.

Вечером мы с Сенкой гуляли по территории отеля. В город я старался ее не выводить и всячески пытался даже не упоминать о том, что за территорией отеля есть что-то еще. Думаю, местные египтяне — это не то, что ей было тогда нужно...

— Наконец ты мне поверил... Ну ты, который Го. А то все говорил: не фантазируй, не фантазируй. А сегодня ты сам мне сказал, что был здесь. Ну вот и убедился, что я не фантазирую.

— Сегодня Го был здесь?

— Ну да. Я же тебе говорю, что ты был здесь. Сам увидел то, о чем я все время тебе рассказываю.

— А я-то думаю, что это такое со мной было сегодня? Оказывается, Го смотрел через меня на наш мир. Но как? Ты же говорила, что только Сенки могут переходить между мирами. Как же Го к нам попал?

— Ну конечно, только Сенки. Он пришел к вам не так, как я прихожу. Го как будто что-то просунул в этот мир, конечность свою, и понял, что ваш мир существует. А полностью пройти и быть здесь, как это делаю я, он не может. Он, представь, как будто на тот пляж посмотрел через подзорную трубу, посмотреть-то он посмотрел, а поплавать или по песку походить могу только я, понял?

— Понял. Ну и как он после посещения?

— Молчит. Думает о чем-то. Но любит меня теперь еще больше. У нас ее теперь очень много любви. У нас было много, а теперь стало еще больше.

— Сеночка, а ты можешь спросить у Го, что мне необходимо делать, какая моя цель в этом мире, в этой жизни?

— Спросить-то я могу, но ты не особо надейся, что Го тебе подскажет. Это же ты. Если ты не знаешь, откуда Го может знать? Тем более не разбирается он в вашем мире. То, что он сюда один раз заглянул, еще не значит, что он что-то понял. Он теперь просто знает, что ваш мир существует.

— Ты же говорила, что это я, то есть Го, создал этот мир.

— Да, я так думала. Я и сейчас так думаю. Правда, теперь я уже не так уверена. Госеп делает мир только вначале, а потом мир сам по себе развивается, растет. И то, что из него вырастет, даже госеп, который его сделал, не знает. Тем более что ты делаешь очень много разных миров, а потом их отпускаешь и про большинство уже и не вспоминаешь. И этот, наверное, один из таких.

— Да, интересно у вас. И я такой креативный, что приятно... Ну ты все равно спроси у Го, а там посмотрим. Ты же видишь, что я, когда сюда попал, многое забыл. Самое главное я забыл, что мне нужно делать, для чего я здесь. Может быть, Го лучше видно и он мне подскажет.

И самое удивительное, Сенка действительно передала мне послание от Го в следующий раз. Не забыла.

— Го велел тебе передать... Имей в виду, я просто передаю, как ты просил. Без уточнений и объяснений. Ваши слова и понятия до сих пор представляются мне мудреными. Так что напутать могу. В образах и сравнениях. Так вот, Го сказал, «что тебе нужно выйти из леса». Представь большой-большой лес. Огромный... Надеюсь, я ничего не напутала, и мой лес, и твой — одно и то же. Дремучий. И ты идешь по этому лесу, и тебе нужно из него выйти. А как выйти, никто не знает. Некоторые говорят, что знают. Но они либо врут, либо заблуждаются. По крайней мере, по их тропинкам никто еще дороги из леса не нашел... Пока ты не выйдешь, все будет продолжаться заново. Понимаешь?

— Нет. Пока не понимаю.

Она пожала плечами.

— И я не понимаю...

— А куда выйти-то?

— Не «куда», а «откуда». Тебе нужно не прийти куда-то, не войти во что-то, а выйти. Выйти «из».

Я задумался.

— И больше он ничего не передавал? Еще что-то, чтобы понять?

— Нет. Ты сказал, что ты — это он и ты должен его понять. Ты в самом деле не понимаешь?

— Пока не понимаю, но разберусь, нет проблем, дай только время. Большое тебе спасибо. И Го тоже спасибо передавай.

Я действительно не понимал подсказки Го. Но это сейчас. Спешить не будем, подумаем. Такая подсказка все же намного лучше, чем никакой.

Через несколько дней мы утром с Кирой в обнимку направлялись на пляж, обсуждая планы на предстоя-

щий день. Кира вдруг неловко споткнулась и подняла на меня глаза, в которых отображалась растерянность.

— Мы куда сейчас идем? — Она посмотрела на рюкзак у меня на плече. — На пляж или с пляжа?

— Ты что, Кирочка? Мы же только что с тобой обсуждали, как нам провести день, секунду назад. Мы идем на пляж. — Я немного растерялся от такого поведения Киры. Она выглядела совсем потерянной и, кажется, не понимала, где находится.

— Давай присядем. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Мы свернули с дороги, вошли в аккуратный садик и сели на скамейку. Кира молчала и смотрела на меня удивленными глазами. Минут через пять приобрела более-менее нормальный вид и способность излагать.

— Я была там. И видела Го. Будем считать, что видела.

— Так видела или не видела?

— Это какой-то другой способ восприятия. Сначала появилось знание, что он — это ты. Потом я увидела черные облака, их движения и завихрения — картинки живого пространства. Но не визуальные. Какие-то другие. Го как будто подстраивался под мое восприятие. Живое пространство выдавало любые образы, любые предметы. Оно как будто следовало за моей мыслью. И когда я увидела его, он несколько не отличался от тебя. То есть я воспринимала его, как тебя. Он даже улыбался... И мы говорили. Он шептал мне на ухо что-то очень приятное. А потом рассказывал, рассказывал, рассказывал... Я не помню, что... Но главное, там было спокойно.

— Ты была в теле Сенки?

Кира закрыла глаза и задумалась.

— Не знаю. Наверное. Скорее всего, по-другому невозможно. Я не видела себя со стороны. Но я ощущала себя очень комфортно. И все время чувствовала

тебя. Такое было впечатление, что ты занимаешь все пространство, что у тебя нет границ, что все, что существует; — это ты. И нет ничего вне тебя... Хотя я воспринимала тебя таким, каким вижу сейчас.

— Интересно. Сенка говорит, что Го — это вихрь.

— Очень может быть. Наверно, это то, что было вначале. — Она улыбнулась. — Это не вихрь. Это целый торнадо. Но я видела тебя по-другому. Привычным и обычным. Может, он так сделал, чтобы я не испугалась. Он принимает любой образ. У него нет формы. Там все такое пластичное, можно сделать все, что только захочешь, или, вернее, все, что сможешь представить. Океан возможностей и спокойствия. Я готова была остаться там навсегда.

— Удивительно. Сенка рвется сюда, а ты — туда.

— Твоя Сенка глупая. Она думает, что здесь только мандарины и море. Она не понимает, сколько у нас проблем. Пусть зубы полечит, сразу расхочет здесь оставаться.

— Возможно, у них тоже есть какие-то неприятные вещи, о которых мы не знаем?

— Может быть. Но то, что я видела и чувствовала, никак не указывало на подобное. Я просто не могу тебе описать, как там хорошо, у меня нет таких слов. Представь, что у тебя всегда есть то, что ты хочешь. Никогда ничего не болит и не может заболеть. Поэтому не о чем беспокоиться. Совсем не о чем. Там ничего не беспокоит и нет ничего, что можно повредить. Только теперь я понимаю, что у нас все время шумит тело — фон, к которому мы привыкли и почти его не замечаем, — тонус мускулатуры, разные болевые импульсы то там, то здесь, телесные неудобства, работа внутренних органов, шум крови и шум дыхания присутствуют постоянно и создают напряжение, в котором мы живем все время.

Кира опустила голову мне на плечо.

— Когда мое сознание покидало тот мир, последним, что я видела, была картинка яркой маленькой молнии на фоне черного бесконечного вихря. Наверно, это была Сенка.

Когда появилась Сенка, она подтвердила, что Кира была у них. Сенка довольно надулась, улыбаясь.

— Да, Го звал Киру в гости. Как ты меня.

— Ну и как ему Кира, что он рассказывает?

— Он говорит, что она видела все совсем по-другому, чем я. Она и Го видела, как видит тебя.

— Мне Кира рассказала, как у вас хорошо. Ей очень понравилось. Говорит, что вы счастливые. Не хотела возвращаться.

— Ну и поменяй нас местами. Пускай она в нашем мире живет, а я буду здесь с тобой.

Большую часть времени мы, естественно, проводили с Кируй, но и Сенку я звал почти каждый день. Мне очень нравилось наблюдать за ней, показывая ей что-то новое, и смотреть, как она радуется или негодует, хотя это и требовало от меня большого напряжения. Приходилось быть постоянно начеку, неустанно следить за ней. Как она себя чувствует, что собирается сделать? Сенка вела себя очень открыто и удивительно доверчиво, быстро схватывала все технические детали, правда не понимала юмора, хотя и обещала мне, что научится шутить.

Я много расспрашивал об устройстве мироздания, возможно, даже слишком много. Но мне было настолько интересно, что я забывался. Сенка несколько раз даже пыталась обидеться. Мол, я с тобой, у нас любовь, а ты интересуешься всякой техникой. Может быть, я тебе совсем и не нужна? В эти моменты она даже иногда начинала походить на Киру.

Однажды, по дороге на пляж я обратил внимание на витрину с красивыми маленькими бутылочками. За стойкой сидел приятный молодой человек и насыпал в бутылочки разноцветный песок таким образом, что внутри получались простенькие картинки и надписи.

На следующий день, когда мы были на пляже, я под предлогом, что иду в туалет, сбегал к стойке, выбрал самую красивую бутылочку, показал продавцу, где какой рисунок нарисовать и каким цветом. И попросил кроме стандартного «Егурт» написать еще: «Сенка и Го». Для чего на листочке блокнота, лежавшего на стойке для этих целей, аккуратно вывел надпись русскими буквами. Потом вернулся, как ни в чем не бывало, к Кире. С пляжа я возвращался вместе с Сенкой. Проходя мимо стойки, мы остановились, разглядывая выставленные в несколько рядов разноцветные стекляшки. Сверху стояла уже готовая, заказанная мною бутылочка. Держа меня за руку, Сенка с интересом рассматривала выставленный товар с насыпными верблюдами и пальмами. Я же, делая легкомысленное лицо, наблюдал за ней. И вот очередь дошла да нашей бутылочки. Сначала Сенка, не отпуская мою руку, которую она держала двумя своими, наклонилась к стойке, чтобы получше разглядеть написанное, потом, втянув голову в плечи, медленно, с выражением крайней подозрительности осмотрелась вокруг. За стойкой молодой человек, не обращая на нас внимания, насыпал разноцветный песок в очередную бутылку, дорожка, идущая со стороны моря, была пустыня.

— Кто-то узнал, что я здесь, — как-то сжавшись прошипела Сенка в мою сторону. На ее лице появилось настолько непосредственное выражение озадаченности и испуга, что я рассмеялся.

— Никто не знает, что ты здесь. Это мой тебе подарок, сюрпри-и-и-из.

— Точно? А этот человек, который насыпает, тоже не знает? Он ведь написал твоё имя и моё.

— Нет, он не знает русского языка, имя он не написал, а нарисовал линиями, с картинки, которую я ему оставил.

Я снял с полки сувенир и отдал Сенке. Она от подозрительности мгновенно перепрыгнула к растроганности.

— Спасибо тебе. Теперь у меня тоже есть своя вещь в вашем мире. Как у вас. Вот. — Она замолчала, разглядывая бутылочку. — Спасибо тебе. А я могу забрать эту бутылочку к себе?

— Ты имеешь в виду в ваш мир?

Сенка утвердительно кивнула, любуясь подарком.

— Да, конечно, можешь. Это твоё личное дело, можешь делать с ней, что хочешь.

— Я заберу её к себе. Го покажу. Вот. — Сенка сияла от счастья, у неё даже слёзы появились. — Какая она красивая. Она прозрачная, а внутри разноцветная, в ней много цвета, похожего на мой, смотри, здесь, и здесь, и здесь. Я вот такого цвета, смотри — вот такого оранжевого. А здесь верблюд, ты мне такого показывал, он, когда бежит, улыбается. А с этой стороны пальма. Я знаю, это пальма, покажу Го, пускай он тоже знает.

Пока мы шли домой, Сенка всё время рассматривала бутылочку и находила все новые и новые детали.

Прощаясь, она крепко прижала к себе бутылочку, и я выдернул её из мысленно нарисованного круга, отправляя в их мир. Тело Киры обмякло, и я аккуратно положил на кровать. Из зажатой ладони выпала на простыню оранжевая бутылочка. Я поставил её на тумбочку. Кира пришла в себя, огляделась, потянулась.

— Я хорошо устроилась — не нужно идти этой длинной дорогой с моря. Поплавала, раз — и дома.

— Тебе подарок. На твоей тумбочке стоит.

Кира покрутила в руках сувенир. Кажется, ей понравилось, но она не была в таком восторге, как Сенка.

— Красиво, спасибо. И цвета мои любимые, и никто не догадается, что здесь написано.

— Сенка пыталась забрать к себе, но, видимо, у нее не получилось, баночка осталась здесь. Наверно, расстроился ребенок. Она так радовалась, когда я разрешил.

Кира лежала на кровати, нога на ногу, презрительно скривив красивые губы.

— Удивляюсь я тебе. Такой продвинутый вроде, а такой наивный. Ты что думаешь, она заберет этот сувенир с собой? Это же невозможно, да и ни к чему. Она взяла его, не переживай, но не как химическое или физическое тело. Эта бутылочка теперь всегда с ней, причем она не может быть потеряна или уничтожена, как это может произойти у нас. Там надежность стопроцентная. Понимаешь? У них другие числа мира, в смысле другие константы и другая размерность. Все другое. Забудь о параллелях. И расслабься. Этого нельзя понять. Просто прими и радуйся. И она радуется, небось, сейчас там, у себя, судя по тому, что у меня настроение хорошее. Наверное, Го показывает. А он не может в толк взять, что это такое... Хорошо тебе, один подарок сразу для двух девушек.

Когда я напечатал первые фотографии, Сенка тоже забрала их к себе. И часто потом забирала, якобы забирала, все, что ей понравилось.

— Кстати, а ты знаешь, что вещи, которые ты берешь с собой, остаются здесь? — Как-то, не удержавшись, спросил я.

— Остаются? — Сенка выглядела обескураженной. — Да? — Она задумалась, закрыв глаза и полностью уйдя в себя. — Ну да! Конечно. А как же иначе? — Она стряхнула с себя муки раздумья. — Ты мне клубнику купил?

— Нет, Сеночка. Здесь почему-то нет клубники, придется подождать до Москвы. Но как только приедем, ты сразу же получишь самую лучшую. А почему ты вспомнила про клубнику? Здесь масса других вкусных вещей. Хочешь фруктовый коктейль? Он течет...

Лицо Сенки стало деловым до невозможности.

— Я сейчас делаю клубнику там, у себя, только у меня пока не получается. — На лице отобразились растерянность и расстройство. — Клубника пока не выходит, мне нужно срочно посмотреть, как она устроена. А то у меня листочки, которые сверху должны быть, получаются по всей ягоде. Сама ягода очень твердая вначале, а потом она взрывается. Всегда. У вас бывает так, что клубника взрывается?

— Нет, у нас такого не бывает.

— А у меня все время взрывается. Даже Го заглянул посмотреть, что у меня все время взрывается. Кстати, если я тебе что-то скажу, ты не будешь сердиться?

— Нет, конечно, не буду, я никогда не буду на тебя сердиться.

Сенка посмотрела на меня, скосив глаза.

— Я тебя тоже делаю. Хочу, чтобы ты был там, у меня. Но пока тоже не получается. Го, когда пришел посмотреть, что там у меня взрывается, увидел себя, то есть тебя... Он так смеялся.

— Почему? Я что, тоже взрываюсь?

— Нет. Но у меня выходит что-то, совсем на тебя не похожее и смешное. Я вообще не должна этим заниматься... Я ведь Сенка. Сенки для другого. Они не творцы. Творцы только госепы.

— Но ведь что-то у тебя все-таки получилось, хоть ты и не для этого? Подумаешь, взрывается. Будет взрывающаяся клубника...

— И одноглазый Кирилл. — Она засмеялась. — Форма не держится. Совсем. Один глаз у тебя здесь, — она показала на мой лоб, — второй — здесь, и к тому

же боком. — Дотронулась до моей шеи. — Рот все время вот сюда съезжает. — Она показала на грудь. — А ухо на место глаз лезет. Ну и все так...

Я смеялся до икоты. До коликов.

— И ничего смешного. Знаешь, как сложно? Ты еще и крутишься все время. То в одном месте сгибаешься, то в другом. Не поймешь, где у тебя твердое, где мягкое. Очень трудно. Но ничего, мне и так нравится, ты хоть не взрываешься, как клубника...

Две недели пролетели незаметно, но заметно нас взбодрили, наполнив энергией тепла и света и раскрасив наши тела бронзой. Мы с Кирой отоспались, отъелись и стали ближе.

Глава 5

Черное, черное, черное
расплывалось и обволакивало.

Синее, синее, синее
катилось, взлетало и падало,
разбиваясь и лопаясь.

Острое, тонкое, красное
Светилось, свистело, кололось и жалилось.

Шире закрой глаза.
Зеленое повисло, будто навсегда.
Навсегда. Будто.
Закройся и уйди внутрь.
А может быть, оно еще там.
Не растворилось, не исчезло, не сдвинулось.
Сдвинулся только ты сам.
Я сама.
Сама. Сама. Сдвинулась.
Сдвинулся. Сдвинулся. Сдвинулся. Сам.
Белый лист за белым листом.
Синие губы за бледным окном.
За каждым бледным окном белый лист.
Как жаль, что ты не видишь мутное.
В мутном есть все.
Из мутного все выходит.

В детстве Кира играла реальностями по большей части для развлечения. Потом пришло понимание, что можно извлечь из этого развлечения определенную пользу для себя и даже делать подарки другим. Чуть позже оказалось, что все не так

просто. И она все чаще и чаще стала получать по носу. Какая-то неведомая сила протягивала свою длинную руку сквозь миры и щелкала по носу весьма и весьма больно. После нескольких очередных ударов Кира клялась себе, что с перестройкой мира вокруг себя и в себе покончено навсегда, но проходило время, и темное становилось светлым, чувство собственной важности и уверенность в собственных способностях перекрывали страхи и опасения. Память накидывала покрывало на отрицательный опыт, и Кира с новыми оправданиями бралась за старое. И в какой-то момент поняла, что реальности приходят в движение и перестраиваются не только согласно ее желанию и сознательной мысли, но и вследствие блуждания ее неконтролируемых чувств и эмоций, причем проявляя реальность не просто нежелательную, а порой губительную и тупиковую. И искать утраченный мир часто приходилось не один день, а порой и не один месяц. А бывало, что нужная реальность так и не была найдена. И именно так несколько лет назад погиб Сандро. После ссоры с ним она не справилась со своими отрицательными эмоциями, и злоба и отчаяние сделали свое дело. Потеряв единственного друга, Кира пришла в совершенно неконтролируемое состояние ужаса, пыталась исправить свою ошибку и найти реальность, где Сандро жив... И начался кошмар...

И Кира методично записывала этот кошмар в свой ноутбук.

«16 августа.

...На вид ей лет 20. Очень загорелое тело, рыжие волосы, тряпочка из тонкой материи на бретельках... Мне даже пришла мысль, что она чем-то похожа на меня. Она не шла, а будто кралась, как кошка. Повер-

нула голову, улыбнулась куда-то мимо меня и скрылась в толпе.

Я сидела на каменных ступенях набережной и смотрела на море. Я погружалась внутрь себя. Я отпускала свои мысли. Мысли мои — лишь волны. Волны набегают одна на другую, следуют одна за другой, приходят, разбиваются о берег и уходят, появляются и исчезают. Море остается. Мысли идут свободно и спокойно, накачивая друг на друга. Мысли приходят и уходят, а сознание остается. Сознание — море, мысли — волны. Мысли — это волны и морская пена. Пена! Пена! Всё лишь пена. Она некоторое время пузырится, злится, шипит, но потом всегда уходит в песок и бесследно исчезает. Сознание погружается в подводную глубину и растворяется в ней. Тишина. Здесь нет волн, нет пены, нет грохота и шипения. Тишина и покой... Пустота...

Она села настолько близко, что дотронулась до моего плеча. Я невольно вздрогнула и отодвинулась.

— Извини! Извини меня, — сказала она. — Я такая неловкая. Уже семь часов, а так жарко. Парит. Будет дождь. В Москве идут дожди... У тебя грустные глаза... Почему? — Она наклонила голову и посмотрела на меня. — Такие печальные... И взгляд пустой, ведь у тебя такой замечательный сын, такой прекрасный. Я видела сегодня на пляже его и тебя, вас вместе. Нельзя грустить, имея ребенка, да еще такого замечательного. Он совсем большой... Сколько тебе лет? — Она снова посмотрела на меня, но на этот раз опять куда-то мимо, как будто сзади меня кто-то был. — Ты не думай, он тебя любит... Просто у него возраст такой. В этом возрасте они все такие... — Она запнулась. — А меня Сандрой зовут.

— Интересно. Сандра, значит. — Я внимательно на нее посмотрела. Совпадение? — У тебя есть дети? — почему-то спросила я.

— Нет, что ты. У меня и мужа-то нет. И, наверно, никогда не будет. Просто мне нравится наблюдать за детьми. У меня есть глаза — я вижу.

Рядом со мной сидела удивительно симпатичная девушка с зелеными глазами, очень глубокими и ясными, но, безусловно, со сбитой крышей, что, по-моему, никому еще никогда не мешало выйти замуж.

Я хотела было ей что-то возразить, но сказала:

— Мне пора. Приятно было поболтать.

— А ты куда? — спросила она и, как мне показалось, слегка потянула меня за руку.

— Возьму сына, и пойдем обедать.

— Ужинать.

— Ну, это кому как. Ужинать так ужинать.

— А можно я пойду с вами?

Я улыбнулась:

— Конечно. Тебе не надо переодеться?

Мы договорились встретиться у центрального входа в цирк.

Апреля я нашла на балконе скрючившимся в пластмассовом кресле. Он читал.

— Собирайся! Пойдем ужинать.

— Обедать!

— Заткнись и пошли.

— Опять в столовку?

— Нет. Я познакомилась с оригинальной девушкой. Она ужинает...

— Обедает.

— С нами. Веди себя прилично, — напутствовала я, стягивая шорты и влезая в узкое платье, другого у меня не было. Я вообще взяла только одно платье, так, на всякий случай. Вероятно, этот случай настал.

— Тебя снова интересуют девушки? — с издевкой спросил Апрель. — Или ты мне присмотрела?

Сандра уже ждала нас. На ней было почти такое же платье, как и на мне, и... она была босая. Я сделала вид, что не заметила. Но она перехватила мой взгляд.

— У меня сломался каблук. Я подумала, что так будет лучше, чем в кроссовках.

Все посмотрели на ее ноги.

— Здорово. Очень даже оригинально. Я Апрель.

— Меня зовут Сандра. Ты очаровательный.

— Ты тоже сексуальна. Развлечемся?

Он взял Сандру за локоть.

— Апрель! — как можно строже сказала я.

— Что? Мне уже одиннадцать... Я вполне могу пригласить девушку... — и потом все-таки добавил: — Ну забыл я, что это твоя девушка. — И противно засмеялся.

Сандра резко обернулась и попыталась убить меня своим многозначительным взглядом. Потом тихо произнесла:

— Да, я ее девушка.

— Не обращай на него внимания. Он дурачок.

— Дурачок! Дурачок! — Апрель начал прыгать вокруг нас и всячески изображать придурка.

После обеда-ужина в одном из многочисленных кафе на набережной Апрель отправился играть в бильярд, а мы медленно пошли вдоль моря. Сандра, как ни странно, хранила молчание. Видно, процесс переваривания пищи полностью поглотил и умиротворил ее, и она вся ушла в свои мысли и ощущения. Воспользовавшись этой паузой, я снова погружалась в себя. Я смотрела на людей, суетящихся вокруг меня, куда-то спешащих, пьющих, едящих, целующихся. Это те мысли, которые в данное мгновение проплывают перед моим внутренним взором. Они не оказывают на меня никакого влияния. Я сама по себе, они сами по себе. Мысли — это люди, на несколько

мгновений появляющиеся передо мной, чтобы потом навсегда исчезнуть. Они пройдут мимо, если не хватать их за руки. Я иду своей дорогой, они — своей. Я иду легко и свободно, мое сознание свободно, как свободен мой путь. Ибо мое сознание — это мой путь, а мой путь — мое сознание. Я ощущаю свою внутреннюю свободу. Никто и ничто не может остановить меня на моем пути, ведь мой путь свободен, сознание мое свободно. Чтобы найти нужную реальность, необходимо сначала полностью очистить свое сознание, сделать из него белый лист. Ну а потом можно уже и рисовать...

— Такие прекрасные девушки в такой прекрасный вечер, и одни!

Я вернулась на землю.

Перед нами стояли двое дяденек без возраста и улыбались голливудскими улыбками. И тут Сандра удивила меня. Даже не удивила, а потрясла. Она выступила немного вперед, подняла голову и обложила «молодых людей» такими словами и с такой легкостью и подготовкой, что я была шокирована, пожалуй, больше, чем эти незадачливые искатели приключений. И когда они, оглядываясь по сторонам, ретировались, посмотрела на меня победным, но полным бесконечной нежности взглядом.

Погружаться в свое сознание мне уже не хотелось. Я стала погружаться в Сандру. Вот я иду босиком, нет, не иду, а скорее крадусь, по шершавому асфальту набережной. Нет, ногам не холодно. Ногам колко. Я ощущаю мелкие камушки и песок, но это не мешает мне, наоборот, мне даже приятно. Вот я наступила на что-то острое, но не порезалась, и мне не было больно, у меня загрубевшие подошвы, большие ноги... Стоп. Я резко посмотрела на свои ноги. Все ясно. Я увидела две огромные мужские ступни. Неужели Сандро? Но как? Почему? Нет, не может быть...

— Что с тобой? — спросила она. — Ты устала? Хочешь, посидим?

— Нет. Мне, наверно, нужно уже идти. Надо посмотреть, как там Апрель.

— Хорошо, иди, если надо. Но давай сначала немного посидим, у меня ноги устали.

«Ничего у тебя не устало», — подумала я, но сказала:

— Давай.

Мы сели на скамейку. Она взяла мою руку. Я не отдернула.

— Почему ты все время такая грустная и напряженная? — опять она начала задавать свои идиотские вопросы, рассматривая мою руку. — Ты очень хорошая, только думаешь почему-то, что плохая...

Ничего я не думаю. Я никакая. Если я начала бы думать о том, хорошая я или плохая, то тут же сошла бы с ума. Я не думаю. Я освобождаю свое сознание и потом ловлю приходящие картинки. Последней такой картинкой были твои ноги. Я не озвучила эту фразу, а лишь подняла на нее глаза и потом отдернула руку. Она положила свою руку на мою коленку и продолжала:

— Ты ведь уже знаешь, чего хочу я, а я знаю, чего хочешь ты. Мы можем помочь друг другу.

Я смотрела на нее и думала, зачем свалилась она на мою голову. Прогнать мне ее или ждать и наблюдать. Может, так надо.

— Ну, я пошла, — сказала она, вставая.

— Иди. Увидимся завтра.

В холле, у бильярдных столов, Апреля я не нашла. Я поднялась в номер. Уходя, Апрель закрыл балкон. Было душно. Я открыла все окна. Ветер с моря ворвался в комнату, окутав меня своей прохладой. Я легла на кровать прямо на покрывало и закрыла глаза. Мне не

нужно бороться со своими мыслями. Мои мысли — это не я, это лишь спертый воздух. И я не буду бегать по комнате, размахивая полотенцем, чтобы освободиться от него. Я просто открою окна. Мне достаточно открыть окна в своей голове и выпустить наружу весь тот хаос мыслей, который теснится внутри меня. Я не буду прилагать усилия. Я буду просто ждать того момента, когда весь спертый воздух выйдет вон и комната наполнится свежестью. Мое сознание свободно, ибо мысли тяжелые, ненужные и пустые покинули его. Я отпускаю себя, ни к чему не привязываюсь и ни о чем не думаю. Пустота заполняет меня...

В дверь стучали.

— Открыто, — сказала я и села на кровати.

— Здравствуйте! — В комнату вошел парень лет тридцати, без рубашки, в шортах и сандалиях. — Извините ради бога. Я ваш сосед, Сандро.

— Переодетая Сандра, — не сдержалась я.

— Что вы сказали? — переспросил он.

— Да это я так... Неважно... Так, что вам угодно?

— Видите ли, я играл в бильярд с вашим сыном...

— И он выиграл у вас рубашку.

— Нет. Выиграл я. — Он посмотрел на свой голый живот. — Жарко, я снял футболку. Извините, я не подумал, что надо было что-нибудь набросить на себя...

— Все в порядке. У вас красивое тело, и к тому же действительно жарко, — зачем-то сказала я.

Он тут же преобразился, расправил плечи, лицо приняло снисходительное выражение.

— Ну так что мой сын? — я вернула его к теме.

— А... У вас такой замечательный сын... Он просил тебе передать, — он почему-то перешел на «ты», — что пошел на дискотеку. Если что, звони, телефон он взял.

Сандро сел в кресло. Я посмотрела на его ноги. Именно эти ноги я видела сегодня на набережной.

— У тебя такой взрослый сын и симпатичный. Сколько тебе лет?

Он смотрел на меня и очаровательно улыбался. Темные, густые, непослушные волосы, выразительные глаза непонятного цвета, тяжелый подбородок. Достаточно ухоженный. Уверенный в себе ровно настолько, насколько я ему позволяла. Я вышла на балкон. Со всех сторон доносилась музыка. Ну и чего я добилась? Что я здесь делаю, в этом городе Сочи? Зачем я здесь? Уехала от Володи. Он обвинил меня в смерти Сандро. Обиделась, бросив все. Нет, скорее, уехала, чтобы никто не помешал мне вернуть Сандро. Только, похоже, что-то я делаю не так. Впрочем, как обычно. Когда это я делала что-то так? И что я имею теперь? Лесбиянку по имени Сандра и какого-то сомнительного отдыхающего с тем же именем. Но они не имеют никакого отношения к моему Сандро.

Сандро обнял меня за плечи.

— Не грусти. Смотри, весь народ веселится. Ты замужем? У тебя шикарные волосы, а запах... Чем ты моешь голову? — Он попытался поцеловать мои волосы.

— У тебя есть что-нибудь выпить? — освобождаюсь, спросила я.

— Да-да, конечно, пойдем.

У него было достаточно чисто. Никаких разбросанных вещей и грязных стаканов. На столе в изящной рамочке красовалась фотография прелестной барышни.

— Что будешь пить? — Он поставил на стол бокалы.

— Есть выбор?

— Выбора, к сожалению, нет. Но я могу сбежать.

— А что есть, чтобы не бегать?

— Коньяк, не французский, но хороший, армянский — «Ани».

— Пойдет.

Он достал из холодильника лимон, порезал тонкими ломтиками, наполнил бокалы.

— Есть хочешь?

— Нет, я обедала.

— Ужинала.

— Ну да, ужинала, — резко сказала я, начиная терять самообладание. Мне хотелось напиться.

Мы чокнулись.

— За него! За Того, кто создал нас такими красивыми, — весело сказал он.

Я быстро глотнула.

Мы снова выпили, уже молча. Сандро расположился на подлокотнике кресла, в котором сидела я, и стал гладить мои голые плечи.

— У тебя хороший загар... Ведь вы только приехали...

— Лето подходит к концу... Впрочем, я зимой и летом — одним цветом.

— Понимаю... Много путешествуешь? Сейшелы, Канары, Мальдивы... — Он опять наполнил бокалы. — А в Сочи тебя каким ветром занесло?

Хороший вопрос. Но у меня не было ответа. После того как я сообщила деду Георгию о гибели Сандро и невозможности отправить в Лондон его останки, поскольку ничего так и не нашли, я просто купила два билета на самолет.

...Но он не особо ждал моего ответа, добравшись до моих коленок. Я щелкнула его по рукам. И дальше что-то произошло... А сознание мое стало угасать, меня обволакивала бездна...»

«20 августа.

Первое, что я увидела, придя в сознание, были цветы, большие желтые розы, они не пахли. Они воняли.

— Наконец-то барышня пришла в себя. Что же, душечка, вы нас так пугаете? Организм-то совсем ис-

тощен. Меньше, моя хорошая, думать надо, а больше спать. — Голос исходил из лысой головы, в очках и с усами. — Я врач. Моя фамилия Сандровский. Я из военного санатория. Был ближе всех, когда это с вами произошло. Что же вы за собой так плохо следите? А сын у вас... какой замечательный! Бегал тут вокруг вас, суетился, переживал, заботу проявлял, а вы, душечка, так его пугаете. А глаза чего такие грустные, на мокром месте? Все уже позади. Сейчас кашу есть будем. О! Она, гляди, сейчас заплачет! Сын у нее такой прекрасный, такой уже взрослый, а она плачет. Сколько тебе лет-то?

— Где я? — с трудом выговорила я.

— Где? В военной санатории, моя фамилия Сандровский, я врач. Сейчас будем кашку кушать, завтракать...

— Обедать.

У него за спиной стояла Сандра».

«28 августа.

...В холле было прохладно, но кондиционеры с трудом справлялись со своей работой. Дождь так и не прошел. Парило. Сандро с Апрелем играли в бильярд. Сандро пытался учить его, как мог, заставляя готовиться к удару, а не просто тыкать кием с наскока, объяснял ему, что такое «контртуш», «кластер» и «кикс», учил подкрутке и измерял углы, время от времени бросая многозначительный взгляд в мою сторону. Апрель был чрезвычайно доволен и счастлив. Что ж, хоть какая-то польза.

Доктор Сандровский ходил вокруг них, демонстрируя необыкновенное участие. Ему и в самом деле очень хотелось ударить, но он трусил, боясь оказаться несостоятельным. Я не без удовольствия наблюдала за разворачивающимся на моих глазах действием. Рядом

сидела Сандра и явно скучала, то и дело шумно вздыхая и предлагая выпить по чашечке кофе.

Итак, их уже трое. Или еще трое? Я обрела потерянное спокойствие. Надо исходить из той ситуации, которая сложилась на данный момент. С первыми двумя была хоть какая-то ясность — я знала, чего они хотят. В этом мог быть ключ к избавлению. Что касается доктора Сандровского, то я не имела ни малейшего понятия, что ему нужно. Все мои попытки погрузиться в него заканчивались ничем — он был информативно пуст или казался таковым, что для интересующего меня результата было без разницы. Входить же с ним в непосредственный контакт не хотелось. В отличие от Сандры и Сандро он был мне немного неприятен. Но стоит ли думать о приятностях в моей ситуации? Как ни странно, я оставалась сама собой и даже в столь критический момент стремилась получить удовольствие.

Так что же все-таки делать? Поменять оценку и активизировать новую цепочку причинно-следственных связей? Легко сказать! Опять я впадаю в заблуждение. Нужно просто купить два билета на самолет, вернуться в Москву и жить дальше без Сандрика. У меня ведь есть Володя...

— Пойдем поплаваем, — предложила Сандра.

Больше всего на свете я люблю плавать. И хотя мы сегодня уже дважды ходили на пляж и было около девяти вечера, я не смогла отказать Сандре. Нет, я не смогла отказать себе в желании искупаться.

Оставив Апрелья со свитой наслаждаться кто чем мог, мы вышли на улицу. Несмотря на поздний час, было жарко.

— Я в купальнике, а ты? — спросила я Сандру.

— Темно уже. Какой купальник? А вот полотенца взять надо.

Мы зашли за полотенцами.

На пляже не было ни души. Отдыхающий народ переместился с песка на асфальт и сменил пиво с мороженым на водку и шашлык, шорты и сарафаны — на белые одежды, мысли о голых задницах — на их материальное воплощение. Я сбросила шорты и топик, сразу вошла в воду и уплыла.

Вода всегда остужала меня. Внутренний огонь сжигал мое сознание, подавляя его страстями, импульсами и неуправляемыми желаниями. В моменты тоски и невероятного одиночества, когда душа моя плакала, а я переставала контролировать Силу, желания порождали каскад цепных реакций и невидимые образы бессознательного оживали. Но эти образы, оторванные от спонтанного бытия и не обладающие силой, диссоциировали с ним и были обречены как наиболее слабые звенья. Моя Сила защищала меня. Но слишком на это надеяться не приходилось. Что делает Вселенная с тем существом, которое противоречит ее замыслу? Уничтожает. Совершается закономерный процесс.

Я плыла, не оглядываясь, быстро, может, даже слишком отчаянно. Как хотелось уплыть в никуда и не возвращаться никогда! Но у бильярдного стола ждал меня мой сын, и я, сделав несколько сильных гребков, развернулась. Берег был очерчен множеством крошечных огоньков.

— Я уже начала волноваться, — сказала Сандра, накидывая на меня полотенце. — Сними мокрый купальник, сразу станет уютнее.

Я повиновалась. Голые, завернутые в полотенца, мы стояли неподвижно и смотрели на абсолютно черное море. Сандра... Она не выглядела беззащитной. Напротив, она пыталась защитить меня от зноя и холода, от дождя и тумана, от всяческого на меня посягательства. Она опутывала меня своей нежностью, и эта неж-

ность управляла мною. Неужели это то, к чему стремится душа моя!

— Тебе хорошо? Пойдем в воду.

Сандра скинула с себя полотенце и взяла меня за руку, мое полотенце упало на песок. Мы вошли в воду.

С пляжа счастливая Сандра сразу пошла к себе. Я приняла душ и отправилась за Априелем.

Он сражался у бильярдного стола.

— Мама, я играю уже много лучше, — серьезно сказал он и вопросительно посмотрел на Сандро.

— С тебя причитается. — Весь превратился в загадку Сандро и обнял меня за плечо.

— Мама, смотри! — Апрель сделал удар. Я погрузилась в бильярдный шар. Совершенно безнадежный шар закатился в лузу.

— Ты видела, видела? Видела, какой сложный удар? Я попал! — Апрель запрыгал, размахивая кием.

— Ничего не понимаю. — Сандровский поправил очки. — Он не должен был закатиться. Ничего не понимаю...

— Итак, где мы сегодня ужинаем? — Сандро положил свой кий на зеленое сукно и вплотную подошел ко мне. — Куда ты хочешь пойти? — Он попытался взглянуть мне в глаза.

— Я хочу в итальянский ресторан! — Апрель протиснулся между нами.

— Давайте пойдем к «китайцам»... или «японцам», — предложил Сандровский.

Сандро растерянно переводил взгляд с Априеля на Сандровского и обратно, пытаясь, видимо, смириться, что ужинает он сегодня и с ними. Я прыснула. Давно уже мне не приходилось так смеяться. Все трое смотрели на меня с недоумением.

— Ну и идите к «китайцам», доктор. — Сандро не мог скрыть раздражения.

— И мне тоже идти? — Апрель состроил коварную гримасу.

Сандровский как-то замялся и отошел в сторону. Мне стало его жаль.

— Идем к «китайцам» или «японцам». — Я подошла к Сандровскому. — Ведите, доктор.

— Только не «суши», а то меня стошнит, — не унимался ребенок. Я дала ему легкий подзатыльник.

— Здравствуйте! — Официант, облаченный в национальные одежды, улыбался белыми зубами. — Меня зовут Сандр. Этим чудесным вечером обслуживать вас буду я. — Он положил на стол три папки меню.

— И мне экземплярчик, если можно. — Апрель протянул руку.

— Одну минуточку. — Официант удалился в темноту.

— Вот, пожалуйста, молодой человек. — Он тихо возник из ниоткуда.

— А где вы научились так быстро ходить? — Апрель был в своем репертуаре.

— Мой путь был очень долг, мальчик, и чтобы не потратить на него всю жизнь, мне пришлось идти быстро... — Он наклонился ко мне. — У вас, госпожа, замечательный...

— Это не мой сын, Сандр...

— Ким, меня зовут Ким. — Он виновато улыбнулся.

Ура! Получилось! Одним меньше. Я воодушевилась.

Сандро сделал заказ. Ким принес бутылку сливового вина, рисовую водку в графине, белый сыр и семгу.

— Горячее через двадцать минут. Приятного аппетита.

Он не уходил. Я вопросительно посмотрела на него.

— Вы что-то хотели сказать?

Он замялся:

— Желаю хорошо провести вечер.

Он исчез.

Вот так. Неужели все так просто?

— ...Вот, люди, представляете, эта... эта дамочка только что на ваших глазах отеклась от собственного сына. — Апрель демонстративно хлопал.

Завязался какой-то шуточный разговор. Я не слушала. Я думала, что делать. Думала о Володе... Мысль дрогнула, заметалась, сознание уснуло, и ему снились сны... Сны о прошлом.

— Проходи, проходи, Кирочка, — засуетился дед Георгий, когда Кира показала в дверях. — Вот, знакомься, Владимир Вольтерович...

Навстречу Кире поднялся худой, высокий, бритый молодой человек, с добрыми глазами под очками, полными губами и все время меняющимся выражением лица. Было впечатление, что лицо двигалось само по себе и даже как будто меняло свой цвет в такт этому движению.

— Можно просто дядя Володя, — бодро сказал он, протягивая Кире руку.

— Ну какой же ты дядя, посмотри на себя... Джинсы потрепанные нацепил... — Дед Георгий махнул рукой. — Вы с Киркой, как близнецы, — оба в джинсах, оба в майках... Это что, сейчас мода такая, в майках по улицам ходить?

— Это не майка, дед Георгий, это футболка, — Кира снисходительно хихикнула.

— Ну правильно, футболка. В ней надо в футбол играть, а не по улицам бегать. Вы бы еще голыми ходи-

ли... Та, что ты, Володя, до дяди еще не дорос, даром что лысый.

— Я бритый...

— Ну, я и говорю, что лысый... А Кира у нас, между прочим, уже взрослая. Какой ты ей дядька? Она в этом году школу заканчивает.

— А... Ту, что за решеткой? — Живое лицо ожило еще больше.

— Типун тебе на язык! Что ты такое говоришь? Очень хороший интернат. И делают они там, что хотят. Любой позавидует.

— Ну да конечно, что хотят... Я слышал, у них там даже есть секта... — Лицо, живущее своей жизнью, смеялось.

— Какая там секта, Володька? Что ты несешь? Группа там, они ушу занимаются... Кира, а ты чего молчишь? Расскажи этому невежде про вашу школу.

— А что рассказывать? — Кира пожала плечами. — Школа как школа. Интернат. Там хорошо. Мне нравится.

— Ты ему про секцию ушу расскажи.

— Ну, есть секция. Ушу там занимаются. Но принимают не всех. Туда что-то типа экзамена сдать надо... Только правильно Владимир... Вольтерович говорит. Секта она и есть секта. Под видом секции ушу...

— Кирочка, и ты туда же...

— Ну да. Сами просили рассказывать, — Кира надула губы. — Я занималась там ушу, медитацией, поисками пути и истины, ну, и иже с ними. Давно, правда, уже... Меня выгнали. Я не подходила. Я им там все перебаламутила. Они перепугались и на дверь мне указали. — Кира посмотрела на деда. — А Сандро до сих пор туда ходит. Вы у него спросите. — Она хитро прищурилась.

— Ладно, спросим, — дед оскалится. — Вот, Володька, видишь, какая она у нас сложная девушка. Гово-

рит, не думает. Может, ты ей объяснишь, что можно говорить, а что нельзя.

— Да ладно, Георгий, все она прекрасно понимает и знает, кому и что говорить. Правда, Кира?

— Ну да.

— И хорошо, раз «ну да». — Дед поднялся и направился к двери. — Общайтесь. Ты просил тебя с Киркой познакомиться, получи. Только смотри, чтобы она тебя ненароком не проглотила.

— А может?

— Запросто. И не заметит... — Дед вышел и плотно закрыл за собой дверь.

— Ну, будем знакомы, зови меня Владимиром. — Он еще раз протянул Кире руку.

— Зачем? — Кира плюхнулась в кресло.

— Что «зачем»?

— Зачем звать? Мне и без вас неплохо. Было. И, надеюсь, будет всегда. Так что мне вас звать не придется. А вот если я вам нужна... Ну тогда вы можете попробовать звать меня Кирой.

— Ладно, идет.

— Ну и зачем я вам понадобилась?

— Много слышал о тебе, хотел познакомиться.

— Познакомились?

— Ну да.

— Теперь все? Я могу идти?

— Можешь. Но можешь и остаться.

— Зачем?

— Чтобы послушать, что я тебе скажу. Я завтра уезжаю. И у тебя не будет больше возможности со мной поговорить. В ближайшее время, по крайней мере.

— Ну и не надо. — Она встала и направилась к двери. Но что-то внутри повернулось, дернулось и заставило Киру остановиться. Она обернулась. — А куда уезжаете?

— В Штаты. Я живу там, где ты провела детство. Не помнишь меня?

— Нет, не помню.

— Ну ты и не должна. Я тогда в колледже учился и приезжал редко. Я племянник Гоги. Гогоу помнишь?

Гогоу Кира помнила. Она вспомнила и долгового молодого человека, который приезжал иногда к ним погостить. Они ходили на рыбалку, и Кира отпускала обратно в воду рыбу, которую он ловил...

— Помню.

— Ну вот. — Владимир облегченно вздохнул. — Тебе привет от Гоги, от Артема и от Муслима. Они все живы, здоровы и очень просили повидать тебя. Это друзья твоего деда Ивана.

— Я его никогда не видела, — сбросив с себя иголки, сказала Кира. — Он умер, когда я родилась. А друзей его помню, правда, плохо. Я тогда маленькая была. Но все равно спасибо, — уже совсем добродушно сказала Кира. — И им всем привет.

— Передам обязательно. Как тебе здесь живется? Никто не обижает?

Кира стрельнула в него глазами.

— Ну да, обижать тебя себе дороже... Как учеба, как родители? Ну, и вообще...

— Сучебой нормально. Заканчиваю с медалью, — сказала Кира и почему-то сама застеснялась того, что сказала. Как-то это не модно и не современно учиться на отлично. Ну вылетело так вылетело... — У родителей вроде тоже все нормально. По крайней мере, когда я их видела в последний раз, они цвели и пахли.

— Хорошо пахли?

— Наверно, я не очень разбираюсь в запахах... Сильно пахли... Дорого...

— А когда был последний раз?

— Летом. Мы с папой летали на Кубу, а потом с мамой отдыхали в Сочи.

— Понятно... И с тех пор не виделись?

— Нет, по телефону только...

— А как Георгий? Не очень тебя напрягает?

— Нет. Он хороший и добрый. Я его люблю... Он меня учит всему. Учит держаться границ, не выходить за рамки... Главное — поймать баланс. Это очень интересно. Еще учит побеждать страх. Но у меня пока не получается.

— Это хорошо, что учит. Научись не бояться, научись всему. Но знаешь, и здесь нужно поймать баланс, как ты говоришь. Хотя страх и является врагом, это единственное, что способно закалить дух.

— Как же так?

— Вот так. И об этом нужно всегда помнить. Все состоит из противоречий. Все будет так, как будет, и мы ничего не можем с этим поделать, но с другой стороны, если мы хотим чего-либо достичь и что-либо получить, нужно действовать так, как будто будущего не существует и все зависит только от нас. Ты очень сильная и находишься под защитой. Но чтобы эта защита работала, а сила твоя тебе помогала, а не доставляла одни неприятности, ты сама должна быть активной в этом направлении и постоянно работать над собой и быть предельно внимательной.

— И вы туда же. Да заберите вы вашу силу! Не нужна она мне, — зашипела Кира. — Не хочу так. Хочу, как все. Просто жить...

— Во-первых, успокойся. А во-вторых, поверь мне, просто жить не интересно.

— То есть быть здоровым и счастливым — не интересно. А быть больным и постоянно контролировать свою болезнь, не имея шансов выздороветь, — интересно?

— Именно. Хотя я не называл бы это болезнью... Это... это движение, если хочешь, активное состояние. Сила — это то, что прямо или косвенно сообщает движение нам самим или другим телам, то есть обнаруживает в себе активное состояние, то есть ту самую жизнь, к которой ты так стремишься, а материя оказывает сопротивление движению, обнаруживая таким образом пассивное состояние, то есть застой, смерть. А счастье твое — это ведь тоже определенное состояние материи.

— Тогда я выбираю смерть.

— Смерть сама выбирает. Тебе придется подождать. Только будь готова, что это ожидание может стать вечностью...

— А если я все-таки умру, я смогу победить вечность?

— Не знаю, только я на твоём месте занялся бы чем-нибудь более интересным, чем поисками смерти.

— Тогда я именно этим и займусь. Я же не вы. Ура! Я нашла себе занятие. Быть счастливой не получается. Что ж, попробую стать мертвой.

— А ты действительно противная девчонка. — Он засмеялся. — Думаю, ты все же способна сделать правильные выводы из нашего разговора. Потом, когда я уйду и тебе не перед кем будет выпендриваться. Мне пора, к сожалению. Рад был с тобой познакомиться.

Дверь бесшумно открылась.

— Такси у подъезда, — сказал дед Георгий, протягивая Владимиру небольшую спортивную сумку. — Вижу, она тебя не съела. Прими мои поздравления.

— Даже и не пыталась. — Владимир подмигнул Кире, которая с трудом сдерживала слезы.

— Ма-ма! — Апрель тряс меня за локоть. — Я наелся и я пошел. С вами скучно.

— Куда это? — Обрела себя я. — Уже поздно. Скоро пойдем все вместе.

— Спать еще рано. Я договорился с ребятами. — Он встал из-за стола. — Соскучишься — звони.

Я только открыла рот для произнесения разного рода нравоучительных слов, но молодого человека приятной наружности и сомнительного содержания уже и след простыл, что само по себе было настолько естественно, что я без особого разочарования закрыла его.

— Пусть идет... — начал Сандровский очередную свою проповедь по поводу воспитания подростков, в частности моего сына, поскольку абсолютно искренне был уверен, что у меня с этим большие проблемы.

— Он уже ушел, — отрезала я.

Сандровский осекся. Сандро напрягся. Я выпила рюмку водки.

— Ну и? — Повернулась к Сандро. Он заерничал, налил мне водки, потом себе, поставил графин. Сандровский промышал что-то типа «И-Я-ме». Сандро снова взял графин, налил и Сандровскому. Накрыв своей огромной ладонью мои руки и со всепоглощающей нежностью и любовью заглянул мне в глаза.

— Чего ты хочешь? — Сандро дотронулся губами до моего уха.

— Спать, — просто сказала я. — Я очень устала.

Я вошла в комнату — и ворвалась в темноту. Она успокоила меня, и я затихла до утра».

«6 сентября.

Я позвонила Володе прямо из аэропорта.

— Я прилетела.

— Я рад.

— Нет, ты не рад. Если бы ты был рад, ты бы так не сказал. Но это неважно. Я не должна была уезжать. Нам нельзя ссориться.

— Понимаю.

— Нет, ты не понимаешь... В общем, я сейчас отвезу сына к его отцу и приеду к тебе. Слышишь?

— Подожди-подожди. Я сейчас занят... У меня люди. Делай свои дела, отдыхай. Завтра я сам к тебе приеду.

— Нет. Мне надо видеть тебя прямо сейчас.

— Что-нибудь случилось?

— Да, случилось.

— Ну... ладно. Я освобожусь и приеду к тебе вечером.

— Сейчас уже вечер.

— Я приеду, как освобожусь.

— Ладно, я жду.

Звонок в дверь раздался во втором часу ночи. Я пила кофе и читала какой-то попавшийся мне на глаза старый журнал.

— Ты что так поздно?

— Как отдохнула? Как долетела?

Он прошел, не снимая ботинок, так сказать, на иностранный манер.

— Что это за люди у тебя по ночам собираются?

— Сына отвезла? Все в порядке?

Мы задавали друг другу вопросы.

— Что, черт возьми, происходит? — не выдержала я.

— Я не хочу, чтобы в наших отношениях возникло непонимание. — Он замялся, сел в кресло, взял один из журналов со столика, повертел в руках, положил на соседнее кресло, встал, подошел ко мне. — Наши отношения больше, чем просто отношения между мужчиной и женщиной. — Он смотрел мимо меня. — Ты донесла это до меня, и я теперь с тобой согласен. В общем, пока тебя не было, я встретил девушку.

— Какую девушку? — зарычала я. — Девушку для траха? Или?..

— Какая разница. Можешь считать, что да, если тебе так будет легче. В конце концов, это ты от меня сбежала и ясно дала понять, что между нами никогда не будет близких отношений. Если хочешь знать, я любил тебя и сейчас люблю, но это ничего не меняет. Я не хочу становиться на твоём пути. Я всего лишь учёный. Да, я кое-что могу. Возможно, я даже ближе к истине, чем ты, но я человек.

— И ты хочешь трахаться.

— Да! Если тебе так будет угодно. Во всяком случае, я всегда, в любое время дня и ночи в полном твоём распоряжении. Я готов тебе помочь, если, конечно, ты нуждаешься в моей помощи.

— А как же твоя девушка? Она поймет?

— Сандра меня любит. Она меня очень любит... Даже если не поймет, то смирится.

— Что? Что ты сказал? Ее зовут Сандра?

— Да.

Я сжала кулаки, напряглась, потом на сильном выдохе расслабилась и ощутила поток. Что толку теперь ерничать? И ему ведь сейчас ничего не объяснишь. Но где-то в глубине теплилась надежда.

— Я хочу видеть эту девушку. Мы сейчас поедem к тебе, и ты нас познакомишь.

— Два часа ночи. Поедем утром.

— Да, конечно, в самом деле. Утром так утром. Кофе будешь?

— Буду.

Я пошла на кухню. Он остался в холле.

— А сколько ей лет? — Я пыталась ухватиться за соломинку.

Он вошел и сел за стол, нелепо вытянув перед собой ноги.

— Двадцать.

— А как она выглядит?

— Будешь смеяться, но она очень похожа на тебя... Знаешь, у нее зеленые глаза.

— Знаю. — Я поставила перед ним чашку кофе.—

Есть хочешь? Только ничего нет, кроме «долгоиграющего» сыра. «Президента» без хлеба есть будешь? — Я пыталась шутить.

— Нет, спасибо. Слушай, я совсем забыл, ты же сказала, что у тебя что-то случилось.

— Да? Я так сказала?

— А чем же еще была вызвана такая срочность?

— Я просто хотела тебя видеть, вот и все.

Что я могла сказать ему? «Когда ты трахался с Сандрой в Москве, я занималась с ней любовью в Черном море»? Впрочем, не надо спешить. Нужно сначала взглянуть на эту Сандру. Может, все еще не так плохо. Я лгала себе. Я тогда уже точно знала, что это именно моя Сандра. И я знала, что она любит его всем сердцем, насколько, правда, это сердце может любить.

Сандра встретила нас приветливо, даже, можно сказать, радостно.

— Привет! Проходи. — Она чувствовала себя хозяйкой в его квартире. — Вот, выбирай, что нравится и что подойдет. — Она вывалила передо мной несколько пар тапочек. — Я много о тебе слышала. Я именно такой тебя и представляла. Руки помыть — вон там. — Она изящно махнула рукой в направлении ванной. — Сейчас будем завтракать. Я блинов напекла. Ты с чем любишь блины? Я... — Сандра запнулась. Он одернул ее.

— Я не люблю блины, — из вредности, исключительно из-за нее одной я это сказала. Я люблю блины, очень. Правда, сама никогда не пекла — терпения не хватало, да и вообще блины не входили в мой список «здоровой пищи».

— Я... У меня... Хочешь яичницу с помидорами, луком и сладким перцем? Я знаю, ты любишь. — Она с надеждой смотрела на него.

Вот паразит, он даже успел ей доложить о моих кулинарных пристрастиях.

— Она будет блины, просто кокетничает. — Он взял Сандру за локоть. — Иди, накрывай.

Она ушла.

— Не нападай на нее, она не сделала тебе ничего плохого. Не делай ей больно, слышишь? Все свои недовольства ты можешь высказывать мне.

— Она годится тебе в дочки.

Эта Сандра выглядела моложе, чем моя, и была, как бы это сказать, более хрупкой, что ли. Но она точно так же, как и моя, окутывала окружающих бесконечной нежностью.

— Откуда она взялась? Ты документы ее видел? — Более идиотский вопрос в сложившейся ситуации было задать трудно. Что ж, в настоящий момент я и жила в полнейшем идиотизме.

— Господи, ну что ты такое говоришь... — Он осекся. — Видел, представь себе, видел я ее документы... Мы... мы подали заявление.

— Идиот! — Я с силой хлопнула за собой дверью.

Давно уже я не позволяла себе плакать, лет десять точно. Я не плакала, я редела. И я даже не знаю, из-за чего больше я рыдала: то ли последствия искривленной действительности пугали и угнетали меня так отчаянно, то ли во мне разыгралась и не могла успокоиться, не находила выхода всепожирающая, самая банальная и тупая ревность. Наверно, и то и другое. Жизнь, которую я потеряла, нашлась сама и ударила меня в самое темечко. Все надежды мои рухнули, не успев оформиться и приобрести какую бы то ни было определенную форму. Рассчитывать на его помощь теперь уже

совсем было нелепо. Он был весь в себе и весь в Сандре. Ее любовь окутала и запутала его, как сетка канарейку, и сам он уже никогда не освободится. Но и из меня пока освободительница вырисовывалась никудышная.

Ну, вот и слезы у меня уже крокодиловы. Я подняла голову. С потолка капало. Этого мне только не хватало. Вылетела из квартиры, взлетела на шестнадцатый этаж, позвонила и забарабанила в дверь злосчастной квартиры. Зашуршал замок.

— Знаю. Я протек. Извините. Компенсирую.

Дверь открылась. На пороге стоял голый по пояс, мокрый и грязный, весь взъерошенный, со шваброй в руках Сандро. Нет, не мой погибший друг. А точно такой же, который прибился ко мне в Сочи.

— Я ваш новый сосед. Меня зовут Сандро. Вот... Стиральная машинка... Извините. Я уже почти собрал всю воду.

— У вас документы есть?

— Простите, что?

— Документы.

— Да-да, конечно, только... — Он смутился и уронил швабру. — Я сейчас. — Он направился в глубину квартиры, вернулся, поднял швабру и скрылся.

— Вот, пожалуйста. Паспорт, права, или вас еще что-нибудь интересует?

Он, должно быть, уже собрался с мыслями и внутренне негодовал. Ну и пусть негодует. Они плодятся, как мухи, а я должна еще думать о приличиях. Дудки!

С документами было все в порядке. А на что, собственно, я рассчитывала?

— Спасибо. — Я вернула ему документы.

Он внимательно и с интересом смотрел на меня.

— Все в порядке?

— Да. — Я развернулась и пошла к лестнице.

— Пойдите, я с вами. Посмотрю, что там у вас. Я непременно все компенсирую. Не сомневайтесь.

— Пустое. Ничего не надо.

— Ну постойте же! — Он бежал за мной, накидывая на плечи рубашку. — Вы уверены, что все в порядке? У вас красные глаза и нижняя губа дрожит. — Он смахнул слезу с моей щеки, взял меня за вялые плечи и участливо заглянул в глаза. Я заревела в голос, уронив свою бесполезную голову на его широкую грудь».

« 10 сентября.

...Я полулежала, нет, полусидела, что, впрочем, одно и то же, на шикарном и стильном, что, кстати, очень редко сочетается, но это был именно тот случай, ковре, скрывающем требующий ремонта страшный паркет, в самой большой комнате квартиры, в которую недавно переехал Сандро, пила брют и ела ананас. Ананас, правда, оставлял желать лучшего, поскольку вязал рот сильнее, чем было положено обычному среднестатистическому ананасу, но это обстоятельство никоим образом не могло омрачить намечавшейся идиллии. Рядом, распластавшись котом, раскинулся Сандро. Мы отмечали наше знакомство, и нам было хорошо, может, потому, что это так и было, а может, вследствие того, что мы допивали уже вторую бутылку вышеозначенного напитка. Наверно, на этом можно было бы и остановиться. Мне действительно нравился Сандро, особенно теперь, когда брют гулял по мне туда-сюда и отчасти управлял мною. Бросить все к черту, расслабиться и получить удовольствие. Вот он, Сандро, рядом, совсем близко. Чего хотела, то и получила. Ну да, немного не тот. Но... издержки... Но зато двойная польза. И Володьке подсобила с девушкой. Может, все не так плохо?

Добив вторую бутылку, мы поползли к холодильнику наперегонки за третьей. Стукнулись лбами, начали возиться.

— Давай не будем больше пить. — Сандро навис надо мной, запустив правую руку мне в волосы,

ладонью левой поддерживая мою отяжелевшую голову.

— Нет, будем. — Я попыталась освободиться, но Сандро держал меня на редкость сильно, учитывая бродивший в нем бряк.

— Я тебе больше не дам. — Большим пальцем левой руки он гладил мои губы. — Ты и так уже не соображаешь...

— А зачем мне соображать?

— Я не люблю пьяных женщин. — Он целовал мою шею.

— Сандро... не...

— Ничего не говори, мы уже делаем то, что делаем...»

«15 сентября.

В дверь звонили. Я открыла глаза и поняла, что я это не я: головы не было, была одна головная боль. Я закрыла глаза.

В дверь звонили. Я попыталась встать, но вместо этого издала какой-то дурацкий звук типа «кряк» и завалилась снова. События предыдущего вечера постепенно всплывали в моей памяти, но что-то слишком нехотя и, судя по всему, частично. Но и этой «части» было вполне достаточно.

Звонили снова. Я встала и в полной прострации направилась к двери.

Он вошел, как обычно, не снимая ботинок.

— Ты голая.

Он отвернулся.

— Ну, извини. Вообще-то я тебя не ждала. — Я хотела накинуть что-нибудь на плечи, но передумала. Сил на лишние движения просто не было. — Тебе чего в такую рань?

— Двенадцать часов.

— Ну... я и говорю, еще утро...

— На кого ты похожа?

— На кого?

— Оденься!

— Не оденусь. Чего надо?

— Ну и черт с тобой. — Он направился к выходу. Остановился. Подождал. Ему от меня что-то нужно. Это точно. Даже не прибегая ни к каким погружениям, это было очевидно.

— У тебя кто-то есть?

— Не знаю, сейчас посмотрю. — Я отправилась в спальню, надела халат, посмотрелась в зеркало. Вышла обратно. — Никого.

— Что с тобой происходит?

— Я бы тоже хотела знать. Как бы я хотела это знать. Проходи.

Он развернулся и пошел на кухню.

— Я сварю тебе кофе, а ты иди прими ванну.

— Мудро. — Я повиновалась.

У меня большая ванна. У меня очень большая ванна. Можно даже сказать, что это маленький бассейн. Есть два места, к которым я отношусь с наибольшим трепетом и благоговением, это места, где я сплю и где я плаваю, и самые близкие моему сердцу вещи — это моя огромная, жесткая кровать и канареечного цвета блестящая и скользкая ванна.

Я наполнила ванну и ушла на дно, с головой. Три минуты двадцать четыре секунды под водой — личный рекорд, установленный в моей ванне. Сейчас меня хватило минуты на две. Что ж, для ослабленного организма этого вполне достаточно. Я вынырнула и взяла секундомер. Нырнула. Две пятьдесят. Нормально.

— Сколько можно плавать? — Он явно нервничал.

— Ну, ты же знаешь...

- Сейчас не тот случай, я жду тебя. Кофе уже остыл.
- Вари новый.
- Уже варю.
- Ну, так? Только не юли.
- Сандре плохо.
- Так сделай ей хорошо.
- Перестань.
- Перестать что?

Он поставил передо мной чашку кофе.

— Я хотел что-нибудь тебе приготовить, но у тебя ничего нет. Что ты ешь?

— Я не ем.

Он выглядел уставшим и напряженным. Как минимум трехдневная щетина, красные, беспокойные глаза. Он сидел, как обычно, не зная, куда девать длинные ноги. Он то нелепо вытягивал их, то не менее нелепо поджимал их под себя, при этом наклоняясь вперед и вытягивая руки, начинал теревить скатерть или все, что попадалось. Сердце мое сжалось, а душа опечалилась.

— Так в чем дело?

— Мы вызвали врача, но он в недоумении, говорит, нужно ложиться в клинику на обследование. — Он пристально посмотрел на меня. — Скажи, что ты здесь ни при чем.

— Я здесь ни при чем...

— Я не сомневался. — Он встал и подошел к окну.

Какое-то время стоял молча, потом резко оглянулся. — Помоги, я умоляю тебя. Сандра не хочет в больницу... Она боится... Она говорит, что должна умереть... — Он любил ее, это было ясно.

— Я не могу, ты же знаешь.

— Можешь, ты можешь, если захочешь.

— Я понимаю, что тебе сейчас шибко противно и жить не хочется, но ты... подумай. Ты же знаешь, что я не умею лечить...

— Знаю! Но ты не умеешь, потому что не хочешь. Тебе на всех наплевать. Ты создаешь какие-то никому не нужные миры и тащишься от собственного величия, ты возомнила себя богом, но ты непременно низвергнешься и будешь унижена и растоптана, потому что тобой движет праздное любопытство и тщеславие, а не любовь и сострадание.

— Хорошо, я попробую, только... Ты не боишься, что станет хуже?

— Нет. Поехали.

— Зачем? Ты знаешь, мне этого не нужно. Оставь меня, я тебя позову, когда закончу.

Я ушла в спальню, села на пол, выпрямила спину, подняла руки, сделала несколько сильных выдохов и вошла в Сандру. В ней не было жизни, все, что у нее было, она отдала ему, и сейчас действительно умирала. Ее «жизненное тело» таяло на глазах, как кусок льда из холодильника. Могла ли я ей помочь? Пожалуй, что да. Здесь не требовалось никакого лечения. Нужно было только восстановить ее «жизненное тело», открыв энергетический канал. Моей силы вполне хватило бы. Но нужно ли это делать? Может, все течет так, как надо, и Сандры быть не должно? Она исчезнет, и все! Все ли?

Он вскочил, как только я вошла на кухню.

— Ну как?

— Поехали, я постараюсь ей помочь.

Сандра лежала на его кровати, совершенно бледная, вся в подушках. Рядом сидел лысоватый дядька в белом халате. Он дремал.

— Доктор Сандровский?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Потом расскажу. Буди этого доктора. Пусть идет домой. Убирай все эти подушки и вообще все лишнее, а сам пойдешь погулять.

— Да-да конечно.

Он оживился и стал наводить порядок. Почувствовав, видимо, суету, доктор проснулся сам.

— Пойдемте, пойдемте. Все в порядке. — Он сгреб Сандровского в охапку.

Я села на пол рядом с Сандрой. Ушла в себя и почувствовала поток. Во мне рождалась новая, могущественная и активная сущность взамен уснувшего сознания. Она быстро росла, вмещая в себя пространство, время и знание. Это ощущение немного похоже на чувство, которое испытываешь, взлетая с земли на самолете: по мере набора высоты взгляд охватывает все больше и больше пространства, с тем отличием, что пространство ты ощущаешь внутри себя. Ты видишь, то есть чувствуешь, планеты, звезды, вселенные, и в то же время знаешь, что конкретно происходит в каждой точке Земли сейчас, или сто лет назад, или в далеком прошлом, или в будущем. Внутри тебя пульсируют миры, и ты можешь своей властью и силой мысли создавать их в соответствии со своим желанием и настроением. Здесь ты царь и бог... Время подвластно тебе так же, как пространство и материя, то есть, для тебя его просто не существует: ты начала и конец. Создавая какую-то форму, ты уже видишь ее конец или бессмертие в зависимости от своего решения ее судьбы...

Сознание возвращалось постепенно: я начала осознавать, что уже небесконечна, и ощущать свое тело. Вся теперешняя жизнь пронеслась перед глазами, и осталось вспомнить лишь момент, в который я отключилась.

— Может, вызвать врача? — Услышала я голос Сандры.

— Господи, Сандра! Какой еще врач? Ты ничего не понимаешь.

— Извини.

— Принеси воды.

Я открыла глаза.

— Все в порядке. Ничего не надо.

Он обнял меня.

— Я очень испугался за тебя. — Он сжимал меня все крепче и крепче.

— Ты реши сначала, чего ты боишься больше, ну а потом уже бойся. — Я освободилась из его объятий. — Отвези меня домой. Я ужасно устала».

«30 сентября.

В дверь звонили. Ну почему сразу надо звонить в дверь? Почему не позвонить по телефону? Не буду открывать. Я никого не жду.

В дверь стучали и кричали.

— Просыпайся. Открывай. Консьержка сказала, что ты дома.

Я открыла.

— Господи, сколько можно спать? — В квартиру влетела Танька, взъерошенная, с цветами и с литровой бутылкой «Хеннеси», от взгляда на которую я ощутила некоторое неудобство в области солнечного сплетения. — Где тебя носит? Я оборвала все телефоны. Когда ты приехала? Ты одна?

— Цветы мне?

Она сунула мне цветы и бутылку.

— Видела твоего «У Ефима» с бабой. Представляешь? Ну, не переживай, дался тебе этот дед.

— Он не дед.

— Если ты одна, я у тебя «упаду» на денек, ладно?

— Валяй, но у меня есть нечего.

— А то я не знаю. В машине оставила пакеты, все сразу не унести. Я мигом. — Она скрылась.

Господи! Опять пить. Я умру. Вот и отлично. Он уже водит ее к «Ефиму»... Гад.

Нарисовалась Танька, вся увешанная пакетами с надписью «Седьмой Континент», как новогодняя елка.

— Ну, вот. Это в холодильник, это сразу на стол. Есть хочешь?

— Хочу.

— Мороженое и утку — в морозилку.

— Утка с овощами?

— Да, как ты любишь. Давай посуду.

Она выкладывала на стол еду, от запаха которой сразу начиналось слюноотделение. Я слотнула.

— Сколько дней тебя не кормили?

— Не помню... Это что? — Я подцепила вилокй что-то, похожее на червяка.

— Древесный гриб. Ты же их ешь...

— Извини, не признала. — Только сейчас я поняла, насколько оголодала. — Налей вина. Вон там недопитая бутылка «Бургундского».

— А коньяк?

— Коньяк потом. У нас куча времени.

Танька достала пузатую бутылку.

— Ну, рассказывай. — Я очистила авокадо, выскребла серединку, нафаршировала белым сыром и зеленью.

— Павлик меня бросил. Мы пошли к «Ефиму», и там он меня бросил... Вернее, он пригласил меня к «Ефиму», и когда мне стало хорошо, он сообщил, что наши отношения зашли в тупик, что я уже не пробуждаю в нем того, что раньше, что нужно какое-то время не видеться, чтобы снова пробуждала... В общем, он меня бросил. Но это уже неважно. Я сейчас с Эдиком. Эдик — это, конечно, не Паша... Но, знаешь, в чем-то даже лучше, чем Паша. Он не храпит и не бегаёт по утрам, и у него нет этой дурацкой собаки... Я обязательно познакомлю тебя с Эдиком, и ты увидишь все собственными глазами. Кстати, твой Олег, — ты помнишь, что еще замужем? — так вот, твой муж знает Эдика. Господи, что у тебя с Олегом? Если бы у меня был такой муж, я сидела бы и не рыпалась, то есть вообще, понимаешь?

Он уйдет от тебя, вот увидишь. Ты совершенно не ценишь, что имеешь. Как уйдет, сразу скажи мне. Хорошо?

— Непременно. Ну, так что «У Ефима»?

— Да, извини. Так вот, в тот момент, как Павлик ездил мне по мозгам, я вижу, идет твой с какой-то кралей. Ну, я Павлика спрашиваю, мол, знаешь, кто такая? Он говорит, первый раз видит. Девка, говорит, небось. Но я-то вижу, на девку она не похожа, да и твой по девкам-то вряд ли пойдет, он же весь из себя порядочный слишком. На кой хрен он тебе сдался, а?

Я нехорошо посмотрела на нее.

— Ну, ясен перец, не мое дело. На вкус и на цвет, как там? В общем, каждому свое. Короче, садятся они за столик... Извини, конечно, за ваш столик, пьют, едят, в общем — полная идиллия. Ну, так как Пашка-то мне все вывалил, терять уже нечего, встала я, подхожу к ним, говорю: «Что это ты, дедушка, внучку нашел?» А он смутился, смотрит то на меня, то на девушку свою, рот открыл, а сказать ничего не может. Кстати, краля-то его, смеяться будешь, на тебя похожа... Потом собрался с силами и говорит: «Вы, Татьяна, подруге своей ничего не говорите, пожалуйста, я ей сам все объясню». И смотрит на меня глазами дикой собаки. Тут Павлик подошел, за руки хватать начал, в общем, не вышло у нас с твоим разговором...

— Она тебе понравилась?

— Ну, тебе, конечно, в подметки не годится.

— А честно? — Я продолжала нехорошо смотреть.

— Ну... Достаточно симпатичная, и фигурка «чики-чики», и... знаешь, она его любит, не то что ты... Ты ведь его не любишь. Я не знаю, зачем он тебе нужен... — Она замолчала и начала орудовать зубочисткой у себя во рту. — А где ты была? Все тебя потеряли.

— Я Олегу сказала, что улетаю в Сочи.

— Олегу! А где искать твоего Олега? «Фигаро здесь, Фигаро там...». — Она задумалась. — А Апрель? Где мой любимчик?

— Я отвезла его к Олегу.

— Жаль. Вырос?

— Вырос.

— Господи, какая ты счастливая! У тебя есть Апрель. А у меня никого нет.

— У тебя все впереди.

— Какой там «впереди». Мне уже тридцать.

— Тебе еще тридцать. Не скули, а наливай.

— Твоя правда.

Она опустошила бутылку «Бургундского».

Мы продолжали молча пить и есть. Я думала о Володе. Никогда не предполагала, что буду так бесконечно глупо, так неуклюже и по-идиотски страдать по мужчине. По мужчине, которого отвергла сама и которого сама же толкала в объятия различных барышень. Как объяснить и оправдать эти страдания?

В дверь звонили.

— Кто это?

— Не знаю.

— Открывать будем?

— Не будем.

— Я пойду посмотрю в глазок. Интересно... — Танька неуверенной походкой прошла к входной двери.

— Э-э-э. Это твой. Я открою. — Она открыла дверь. — Ну-ка, ну-ка, куда это? А ботинки?

— Оставь его. Он никогда не снимает ботинок.

Он прошел на кухню и сразу сел.

— А вас, кажется, не приглашали за стол. — Танька поставила перед ним тарелку и стала открывать коньяк.

— Татьяна! Я был бы крайне вам признателен, если бы вы оставили нас на пару минут.

— Легко. — Танька испарилась.

Он сидел молча, видимо, не зная, с чего начать, и «мучил» мою новую скатерть.

— Сандре опять плохо? — скривилась я.

— Нет, с ней все в порядке.

— Так что же?

— Я даже не знаю... Плохо мне.

— С чего бы это?

— Ну, не надо. Я тебя умаляю.

— Не надо что?

Он взял мою руку.

— Я все время думаю о тебе... Происходит что-то чудовищное, и я не могу понять что. Мне кажется порой, что это ужасный сон и что я вот-вот проснусь. И я просыпаюсь... А сон продолжается... Меня рвет на части.

— У тебя не ладится с Сандрой?

— С Сандрой? С Сандрой у нас все хорошо. Она удивительно нежная и внимательная, очень немногословная и...

— Добрая, как мама.

— Не смейся. Именно так. Как мама. Мне с ней легко и комфортно. Мне никогда и ни с кем не было так уютно.

— Я рада за тебя. Так зачем тогда ты пришел?

— Сам не могу понять. Это внутри.

— Совесть?

— Не знаю... Отпусти меня.

— Я тебя не держу.

— Держишь. Я это чувствую.

Повисла долгая пауза. Он с надеждой смотрел на меня, как будто я могла сказать что-то такое, что сразу внесло бы ясность и освободило его многострадальную душу. Увы, ничего такого сказать я не могла.

— Эй, вы! Пара минут давно прошла. — Танька вошла в кухню и налила себе коньяку.

Он умоляюще посмотрел на нее.

— Татьяна, пожалуйста.

— Ну хорошо, хорошо. — Она взяла рюмку, несколько ломтиков лимона, персик и исчезла.

— Ты плохо выглядишь. — Свободной рукой я провела по его еще не седым, но седеющим волосам. Он сжал мою руку.

— Зачем ты пришел?

— Я думал, что ты мне скажешь, зачем. Оставь меня в покое. Возможно, впервые в жизни у меня появился шанс обрести то, к чему я безрезультатно стремился. Я устал. Я хочу, чтобы рядом со мной был человек, с которым мне хорошо и спокойно, с которым я могу расслабиться и не думать, что он выкинет в следующее мгновение.

Он уставился на меня, как верно подметила Танька, глазами дикой собаки, я сказала бы даже, больной дикой собаки. Какой-то свет на мгновение, казалось, мелькнул в его глазах, но тут же растаял, и взгляд сделался опять тяжелым и беспокойным, как прежде. Он отпустил мою руку, закрыл руками лицо.

— Я не держу тебя, поверь. Я даже стараюсь не думать о тебе. То, что происходит, происходит только у тебя внутри. Ты сам должен понять, что тебе надо, вернее, что для тебя лучше... Сандра — это внешнее обстоятельство, понимаешь? И ты обманываешь себя, говоря, что тебе с ней спокойно. Внутри у тебя сплошное беспокойство и неразбериха. Покой тебе только снится. Посмотри, как ты издергался. Ты, всегда такой уверенный в себе и целеустремленный, поучающий всех и вся, знающий порядок и суть вещей... — Чем дольше я говорила, тем больше мне становилось жаль себя. — Что ты бегаешь туда-сюда? Хорошо ему с Сандрой. Ну и живи с ней. Зачем все это? Ты думаешь только о себе. — Я срывалась на крик. — Ты обо мне подумай.

Мне, может быть, в сто раз хуже, чем тебе. Я тоже человек...

— Ты не человек. Ты чудовище.

— Это чудовище спасло твою Сандру.

— Вот именно... Господи, что я говорю. Прости меня, прости, пожалуйста. — Он схватил меня за руки. — Я не понимаю, что происходит... Я шел к тебе... Я хотел сказать совсем не то...

— Все! Кончай истерику. Зови Таньку. Будем пить и кутить.

— А я уже здесь. Ты меня, конечно, извини, пупсик. — Танька сзади обвила руками его шею и, наклонившись вперед, попыталась заглянуть ему в глаза. — Я тут слышала краем уха ваш разговор...

— Подслушивала. — Он попытался освободиться.

— Ну да, подслушивала, а что? — Она на мгновение замолкла, как бы ожидая, не последует ли ответ на ее риторический вопрос, и потом продолжила: — Так вот. Если, котик, тебя тянет сюда, если разум твой безрассудный и душа твоя нелепая стремятся к ней, — Танька кивнула в мою сторону, — то на кой хрен далась тебе эта Сандра, будь она добрая, как мама, и справедливая, как папа, как тот папа? — Она ткнула пальцем в потолок. — На кой черт тебе твое гребаное спокойствие, если это, как ты выражаешься, чудовище, — она опять махнула рукой в мою сторону, — так манит и зовет тебя? Я только одного не могу понять. — Она оставила его и направилась ко мне. — Зачем тебе-то этот старый хрен?

— Он не старый...

— Ах, ну да, я забыла.

И тут он встал, как будто получил какую-то внутреннюю команду, расправил плечи, подошел ко мне, наклонился и абсолютно спокойно, я бы даже сказала, нехотя, спросил, указывая в Танькину сторону:

— А что она здесь, собственно, делает?

— Я здесь живу, по крайней мере, до завтрашнего вечера. — Танька подпирала его своим многообещающим бюстом. — А что?

Он опустил глаза, рассматривая ее хозяйство, потом перевел взгляд на ее лицо.

— Зачем она тебе? — Он снова повернулся ко мне.

— Я сама пришла. А тебя, пупсик, между прочим, тоже не звали. — Она толкнула его своими ценными сиськами.

Он пожал плечами.

— Ну, ладно, ладно. — Он сел и стал накладывать все подряд себе в тарелку».

«17 октября.

...Может, я все-таки не должна была ей помогать, этой Сандре? Умерла бы она, и остальные ушли бы туда, откуда появились. А теперь начнут появляться все новые и новые...

Я так расстроилась, что создала такую неблагоприятную тенденцию, что начала злиться. Больше и больше. Сначала на себя — у меня заболел зуб. Потом на Володю. Через пару дней он погиб в пьяной потасовке, вступившись за женщину...

И все встало на свои места. На шестнадцатом этаже опять старые соседи».

Все изменилось, когда Кира встретила Кирилла. Она поняла, что раньше никогда не жила, а только готовилась к жизни. Он переделал ее. Изменил содержимое ее структуры, так что она перестала существовать самостоятельно. Она была частью его. И это ей нравилось. К перестройке реальностей она прибегала теперь лишь тогда, когда им с Кириллом угрожала опасность, которая никакими другими способами не могла быть

предотвращена. Был, правда, еще один раз... Кире вдруг показалось, что Кирилл ее не любит... Надо сказать, что он сам в известной степени оказался виноват. Нельзя любимой девушке все время рассказывать о других. Как бы там ни было, в один из отъездов Кирилла Кире стало настолько тоскливо и одиноко, что она решила немного подправить ситуацию. Нет, она не хотела заставить его себя любить. Она пыталась переделать себя... Чтобы нравиться ему еще больше. Сделать из себя девушку по имени Мечта Кирилла. Правда, Кирилл вовремя завладел ситуацией и категорически запретил любые перестройки.

Глава 6

Руки, ноги, голова —
За,
За пределами боли.
Поднимается, расплывается, висит.
Дает отдохнуть, что ли?
Светит, падает, летит, болит
Очень.
Захлебывается, рыдает, кричит.
Чего хочет?
Безумие, бездумье, страсть —
За,
За пределами воли.
Пухнет, растет, стекает
Вниз,
Внизу растворяется в боли.
Боль пройдет...
Что останется?

Вернувшись из Хургады, Кира сразу упала в депрессию. Встреч с Кириллом по выходным ей явно было мало. Тем более что свое драгоценное время пребывания с Кириллом ей нужно было делить теперь с Сенкой.

Другого выхода она пока не видела. Апрель был еще недостаточно самостоятелен, чтобы она могла позволить ему жить одному. Выходные он проводил с отцом, а в будни Кира должна была следить за своим взрослеющим и начинающим проявлять нигилизм сыном.

Последнее время ей все труднее и труднее было договориться с Олегом, чтобы он присматривал за Апре-

лем во время ее путешествий. Случалось, что Апрель несколько дней жил один в большой квартире. А что значит для ребенка в четырнадцать лет остаться одному без всевидящего ока? А значит это, что его жилище превращается во временный приют друзей и подружек, всевозможных домашних и уличных животных. И когда Кира возвращалась в последствия этого временного приюта, ей не хотелось жить. И хорошо, если можно было ограничиться уборкой и стиркой. И даже генеральной уборкой и генеральной стиркой. Тоже неплохо. Но все чаще ограничиться этим становилось труднее и труднее. Изувеченная посуда, сломанный диван... На этот раз ее ждало разбитое окно на кухне. И это в январе месяце.

— Ну и как ты здесь живешь, в таком холоде?

— Нормально. Видишь, я даже заклеил пленкой...

И дверь держу на кухне закрытой. И вообще закрываю все двери.

— Его менять нужно, а не заклеивать. Ты отцу сказал?

— А... Он... В общем, его сейчас в Москве нет.

— Как это «нет»? Он же мне обещал...

— Обстоятельства изменились. Он сказал, что ему срочно надо уехать... Да ты не волнуйся. Видишь, я совершенно здоров. — Он открыл рот и показал Кире горло. — Я вообще на кухню не захожу.

— А что же ты ешь?

— Я не ем. В холодильнике все равно ничего нет. Все, что там было, уже давно кто-то съел.

Кира, не раздеваясь, что вполне естественно в такой ситуации, прошла на кухню, посмотрела на рану, которую нанесла окну неведомая сила, села на стул и заплакала. Ей вдруг так невыносимо стало жаль себя, что сдержать соленый поток она просто не могла. Апрель наклонился над ней и обнял.

— Да ладно, мам. Делов-то. Колданешь — и стекло на месте.

— Не колдану, — всхлипнула Кира.

— А чего так?

— Лучше пускай нам починят. Колданешь одно, развалится другое. — Кира уже улыбалась, хотя по щекам еще бежали ручьи.

— Так тоже ничего. Вставай, пойдём отсюда, здесь холодно.

— Я есть хочу, — вытирая глаза салфеткой, сказала Кира.

— Я приглашаю вас в ресторан, сударыня. — Апрель протянул ей руку, потом, правда, озабоченно отдернул и засунул в карман. Затем в другой. И снова протянул, широко улыбаясь. — Я приглашаю вас в Макдональдс.

— Что, денег нет? — спросила Кира, вставая.

— Деньги есть! — весело рапортовал Апрель. — На Макдональдс...

— Пошли в «Баш на Баш». Ужинаем на мои. — Она вышла в прихожую, остановилась, медленно повернулась и пошла по коридору вглубь квартиры. — Что-то еще? — Она зашла в гостиную. В самом центре паркетного пола красовалось большое пятно выгоревшего дерева сантиметров восемьдесят в диаметре. — Ты здесь что, костер разводил?

Апрель подошел к пятну, поковырял его носком ботинка, присел на корточки, поводит по испорченному паркету ладонью, поднял на Киру полные преданности глаза.

— Я ковриком здесь хотел прикрыть. Не успел... — Он смущенно заулыбался. — Ну, если и здесь не колданешь, давай после ужина купим какой-нибудь коврик...

Кира с трудом дожила до выходных, убираясь, стирая, ремонтируя. Пришлось даже писать сочинение по творчеству Гоголя и реферат по географии. Впрочем, это, пожалуй, было самым простым. В пятницу вечером упорхнула, оставив в холодильнике полный набор продуктов.

Как же она отдыхала! Два дня выходных после проведенной с Апрелем недели показались раем. И Кирилл был такой ласковый и нежный. Они гуляли по снежному парку, ужинали при свечах, рисовали картины и занимались любовью. Какое-то время, правда, он находился с Сенкой. Чем они с Кириллом занимались, Кира не спрашивала. Никогда не спрашивала. Кирилл обычно рассказывал сам, как будто отчитывался. Но Кира чувствовала, что он рассказывает далеко не все. Но знать все и не хотела. Или убеждала себя, что не хочет. По крайней мере, она не прибегала ни к каким вспомогательным способам, чтобы это узнать. Хотя могла бы. Легко.

«Доброго дня, Муслим.

Очень надеюсь, что операция прошла успешно и Вы выздоравливаете.

Мы вчера ночью вернулись из Египта. Замечательно отдохнули. Было реально супер.

Сенка научилась плавать. Да и как! Как рыба. Я такого еще не видел. Как будто она в воде родилась.

Сенка может забирать к себе предметы. Она прижимает их к себе во время ухода. Они и здесь тоже остаются.

Я сделал много записей, но еще не было времени разобрать.

Сейчас буду пытаться войти в курс дел на работе. Напишу позже.

Обнимаю, Кирилл».

«С прибытием. Рад за вас. Правда, пару раз во время вашего рандеву меня трясло, как при извержении, но, судя по всему, ты справился и достойно вышел из ситуации. Молодец. Очень мне не нравится, что Кира продолжает так вибрировать. Смотрел ее много раз. Она стабилизируется, но не в смысле улучшения, а в смысле закрепления того, что есть. То есть она приспособливается к себе новой и чувствует себя намного лучше, но в пиках вибрирует еще опаснее. Не понимаю.

В основном все у вас было хорошо, временами даже просто замечательно, наверно, сыграло положительную роль то, что ты часто вызывал Сенку. Путешествие, безусловно, пошло вам на пользу. Кира успокоилась в целом. Твоя воронка окрепла и уплотнилась. Теперь, думаю, ты лучше сможешь контролировать ситуацию и снимать с Киры все опасное. И главное. Ты идешь по пути осознания единства, то есть расширения сознания. Специально ничего не делай. Лишь не противься процессу. И продолжай делать упражнения.

А теперь о грустном. Последние часов десять Кирины вибрации не только усилились, но к тому же и формируют черт знает что. Возможно, она пытается таким образом изменить реальность. Это нонсенс. Срочно остановиться. НЕЛЬЗЯ создать ничего путного из вибраций такого рода и такой частоты, кроме боли и страдания или чего похуже. Она ведь это прекрасно знает. Совсем башку отшибло. Я ей сейчас напишу, паразитке этакой, но и ты со своей стороны мозги-то ей вправь. Опять что-то задумала. Такое впечатление, что она направляет все это вспять, то есть на себя. Самоубийство. Разберись, пожалуйста. Мне очень трудно.

То, что ты пишешь о Сенке, просто фантастика. Плавать в измененном состоянии! Подумать страшно! Супер! То, что предметы утаскивает, — это нормально. При переходе пространство становится временем, преобразуется три на три. То есть предметы, оставаясь здесь пространственно, появляются там во времени, которое там является пространством. Едрена вошь, сам-то понял, что написал? Извини, мой милый мальчик, как могу.

С нетерпением жду любой информации.

Муслим».

Я и сам чувствовал, что что-то не так. Меня потряхивало и выкручивало. Хотя во внутреннем пространстве ничего и никого нового. Я набрал номер Киры.

— Милая, что ты делаешь? Мы же с тобой договорились, что любые действия по изменению реальности только с моего разрешения. А ты снова что-то задумала и мутишь втихомолку. Мы все погибнем или, что еще хуже, станем инвалидами из-за твоих необдуманных действий.

— Ничего нам не станется.

— Давай я сам это сделаю, ты только намекни мне — что.

— Не знаю, о чем ты. — Кира, видимо, передумала сознаться. — Я ничего не делаю.

— Ладно, я вижу, что ты что-то делаешь, даже из своего офиса. Я сейчас в окно смотрю и вижу: над Останкинской башней черные тучи собираются, а потом над твоим домом вертятся и клубятся и туда людей и домашних животных засасывает.

— Ну-ну. Серьезно? Это у тебя от работы помутнение. Кончай ты это... Сгоришь на своей работе... Раньше, чем... — она осеклась. — У нас все белое от снега и никаких черных туч.

После длительных препирательств я нашел правильный ход.

— Вот ты мне сейчас врешь. Имеешь право. Мы с тобой договорились, что ты можешь делать все что хочешь, в том числе и врать мне. Так что вопрос не в этом. Но ты же — Волк, его самая злая разновидность ВЛК, к тому же сверхредкая порода, может быть, вообще в одном экземпляре, ты красный ВЛК. Так?

— Да, — негромко прорычала в трубку Кира.

— А ведешь себя, как лиса. Я тебя переименую, будешь лиса рыжая, порода обычная, никакая не редкая. Еще и с гласными буквами.

— Не хочу с гласными. — Она обиженно приоткрыла рот.

Как-то, во время нашего очередного препирательства, я назвал ее Волком. Уж очень похоже она на меня рычала, а рыжие волосы так и вставали дыбом от злости. С тех пор она была у меня Красным Волком, и ей, похоже, нравилось это прозвище. Точно нравилось. Это лишний раз подчеркивало ее исключительность и, кроме того, действительно очень ей подходило.

— Тебе же нравятся худые девушки и высокие... — начала она явно издали. — А я не худая и не высокая. Я обычная. Хочу сделать тебе подарок — стать такой, о которой ты всю жизнь мечтал. Разве это плохо? Гурджиев, например, спокойно изменял свою внешность. Даже ради забавы. И у меня получится.

Надо было что-то говорить, но от неожиданности я не нашелся. Мне как будто дали в челюсть, и ее заклинило, и чтобы продолжать разговор, я должен был как минимум вправить ее.

— Не понял. Ты что, себя считаешь толстой? — Это было не то, но хоть что-то. Молчание могло означать двусмысленность, которую я сейчас допустить не мог.

— При чем здесь толстой — не толстой. Еще не хватало, чтобы я была толстой! Я хочу быть идеальной. И не просто нравиться, а очень нравиться. Понимаешь?

— Не понимаю... И для этого ты меняешь реальности? Как все просто! Ты не Волк, и не Лиса, ты...

Я не ожидал такого поворота, поэтому попал в небольшой ступор, выйдя из которого, властно и решительно отменил все перестройки.

— Ты мне нравишься больше всех девушек на свете. И не смей ничего делать. Слышишь?

Вроде улеглось. Но нелепость ситуации еще долго висела перед моими глазами, корчась и показывая свой абсурдный оскал, и намекала на то, что от Киры можно ждать чего угодно.

Я написал об этом Муслиму. На следующий день утром получил ответ.

«Ну ты и довел девочку! Поправлять фигуру с помощью изменения реальности! Надо же такое придумать! Весь мир на борьбу с лишними килограммами, и гори все... Отменить срочно. Как, однако, ты ее зацепил! А по-моему, у нее фигурка очень даже. Очень даже! Но доводить до совершенства нужно все и всегда. Хе-хе. Но не с помощью изменения реальности. Так было бы очень просто, да и бессмысленно. Пусть потеет! Тренируется. А то как?!

Муслим».

Не знаю, что произошло, но, хотя Кира и прекратила работать с реальностями, а вместо этого увеличила интенсивность тренировок, все шло криво. Я чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, влияние ли это со стороны, эхо Кириных экспериментов над своей фигурой или появился еще какой-то новый фактор.

Все падало из рук, у меня то болела голова, то тошнило. Все, что могло ломаться, ломалось, что не могло — горело, тонуло или терялось. Немного подумав, я решил, что лучшим решением будет отвлечься, и купил путевки на выходные в подмосковный санаторий. С катаниями на лошадях, дискотекой в стиле Army и пейнтболом.

Когда мы выехали из Москвы, я подумал, что все проблемы остались позади, но немного позже почувствовал, что мы тянем свои беды за собой. Что-то, похожее на грязное облако, перемещалось из Москвы следом за нами. Оно, как луна или солнце, всегда висело сверху, и, просто убегая, скрыться от него невозможно. Во внутреннем пространстве тоже творилось что-то неладное. Вокруг водили хоровод куски черной пены, и центром этого хоровода были мы. К сожалению, я не мог найти их источник. Казалось, что вокруг никого нет, и ничье внимание я не замечал. Только звезда Максима переливалась оттенками белого вдалеке. Наблюдает.

В санатории на нас обрушились вроде бы мелкие неприятности. Зато много. Номер с плохо закрывающейся дверью, вернее, с незапирающейся, сломавшаяся тут же подо мной кровать, разбитое и заклеенное окно и много еще чего. Но самое главное, мы стали сразу ссориться. Кира рыдала, топала ногами и кричала, что я привез ее в какую-то дыру, а точнее, в отстойную помойку. Стало ясно, что надо отсюда бежать, пока цела машина. Но было уже поздно, и мы договорились остаться до утра — у Киры болела голова, у меня просто сил не было пускаться в обратный путь, в общем, мы оба валились с ног.

Утро вечера мудренее. Утреннее сонце заглянуло в окно, подмигнуло красным глазом, и я почувствовал, что все уже не так плохо.

— Доброе утро, — улыбнулась Кира, щурясь в солнечном свете и протягивая ко мне руки.

— Привет, милая. — Я поцеловал ее и помог сесть в кровати.

— А завтрак будет?

— Конечно, будет. И обед, и ужин...

— И полдник?

— Устроим и полдник. Так что? Остаемся?

— Остаемся.

— Тогда нужно поторопиться. — Я посмотрел на часы. — Пейнтбол начинается в одиннадцать. Инструктаж, деление на команды...

— А ты уже играл здесь?

— Было дело...

Но такое многообещающее начало дня тем не менее не принесло ничего хорошего. Нужно было довериться интуиции и внутренним ощущениям и сразу уезжать, чего я не сделал, в надежде порадовать Киру новыми впечатлениями. Да и самому, естественно, хотелось отвлечься — побегать с ружьем, покататься верхом, да и просто побыть на природе... Не случилось, не получилось. События стали развиваться настолько стремительно плохо, что никакой альтернативы уже не оставалось. У Киры очень сильно запотева-ла маска, а меня по чьей-то неосторожности ранили в лицо в перерыве между военными действиями, когда я был без шлема. Кира настолько расстроилась, что у нее сразу заболела голова. А когда мы захотели все-таки сфотографироваться в военной экипировке, выяснилось, что потерялся фотоаппарат. Мы попытались поискать его, но бесполезно. В таком глубоком снегу и на такой большой территории маленький цифровик был иголкой в стогу... И тут я остро почувствовал, что нужно срочно уезжать. Я это увидел. Как в кино.

Мы быстро собрались и сели в машину. Удивительно, что при таком раскладе она еще и завелась. Кира вяла на глазах. Дыхание участилось, тело обмякло. Нужно было что-то делать. Но обязательно двигаясь по направлению к дому. Времени на лечение не было. Так что одной рукой я рулил, уворачиваясь от грузовиков и автобусов, другой — лечил Киру, снимая головную боль и судороги в солнечном сплетении. Временами Кира как будто приходила в себя, но только для того, чтобы постонать, поругаться и устроить мне истерику. Но это неблагодарное занятие только еще больше лишало ее сил. В квартиру я занес ее на руках.

Раздел, положил на диван, лег рядом и вбирал все вибрации внутри и снаружи Киры, которые считал негативными. Через полчаса Кира затихла. Она лежала настолько спокойно и тихо, что порой мне казалось, что она не дышит. Во внутреннем пространстве вследствие моих усилий вокруг нас стало значительно свободнее, но черная муть непрерывно прибывала из неизвестного направления. Я извернулся, как мог, сместил угол восприятия и посмотрел назад. Желтое облако Муслима слабо мерцало неподалеку и определенно что-то делало. Понимая, что у меня мало времени до следующего нашествия черного тумана, я пошел на кухню и написал письмо Муслиму, в котором изложил ситуацию. Не знаю, на что я надеялся. Телефонный разговор, наверное, был бы более предпочтителен, но состояние Муслима не позволяло ему членораздельно говорить — он давно уже объяснялся со всеми на языке жестов. Но тем не менее, к своему удивлению, я буквально через час получил ответ. Старик держал руку на пульсе. Молодец, старик!

«Да не истерика, а полная труха. Не понимаю, как это может быть, но Кира вошла в зону так называе-

мого потока камней, а проще, в зону смерти. Фотоаппарат и ваше путешествие — это фигня по сравнению с тем, что может быть. Я не пугаю, мой милый мальчик. Информирован — значит, вооружен. Такое бывает, когда магу, естественно тому, кто этим занимается, поступает заказ на убийство.

Организовать поток камней крайне сложно. С человеком начинает все случаться, все самое дурное, и так, пока он не умрет. Обычно хватает от недели до месяца.

На энергетическом уровне это выглядит вязкой паутиной. Уже сутки занимаюсь разматыванием этих ниток. В принципе твоя воронка неплохо справляется, но этого недостаточно. Кира находится как бы сверху твоей воронки, и ей достается по полной.

То, что я увидел, если конечно, я еще что-то вижу, состоит в следующем. Возможно, этот поток никто и не организовывал. Он мог возникнуть сам. Почему? Не знаю. Что делать?

Копить деньги. Ха-ха. Ладно, расслабься. Все несчастья требуют денег.

По возможности ограничить любые передвижения и контакты. Хотя это очень ненадежно. Можно поперхнуться и вишневой косточкой. Исключить вишню. Шучу. Очень расстроился. И главное, не понимаю ни хрена. Откуда это все взялось?

Очень надеюсь, что вы справитесь с этой фигней. Ведь Кира не простая девочка, а ты не простой мальчик. Снимай с нее эту паутину постоянно. И лечи раны. Раны и сама пусть лечит, вместо того чтобы вибрировать и всякой херней голову забивать. После вашего уик-энда у нее дырка в животе.

Если источник находится в другом мире, найти и закопать. Это работа для тебя. Дерзай.

Если я не сразу отвечаю, это не значит, что я умер.

P.S. Сейчас пришла мысль, что этот поток может быть направлен и на тебя, но поскольку Кира сидит на краях твоей воронки, ей все и достается, ну и тебе перепадет, будь спок.

Этот поток можно попробовать и отразить, но это сработает, если только у него есть автор.

Муслим».

Состояние Киры ухудшалось. Внутри болело настолько сильно, что она временами теряла сознание. Все чаще.

Я позвал Сенку. Она, появившись, схватилась за голову и вскрикнула. От боли.

— Мне плохо, мне плохо. Что у вас здесь происходит? Можно я вернусь назад к себе?

Я объяснил ей ситуацию и спросил, можно ли поменять ее с Кирой несколько раз подряд.

— Можно-можно. Куда же вы без меня? Только давай быстрее меняй. Как же вы живете?

После пятого обмена подряд девчонкам стало немного лучше.

— Кирюша, — слабо прошептала Кира, — мне уже вполне сносно, давай оставим Сенку в покое. Хватит. Жить буду. Ее мучить больше нецелесообразно.

Но я продолжал менять Киру и Сенку. В общей сложности я менял их восемнадцать раз. Конечно, такие эксперименты с увеличением количества переходов лучше проводить постепенно, но я утешал себя тем, что выбора нет.

На восемнадцатом разе я тормознул на Сенке.

— Мне уже хорошо, — сказала она, пытаюсь улыбнуться. — Но давай я лучше пойду. — В глазах блесте-

ли слезы. И тут я, может быть, первый раз в жизни понял, как Кире бывает тяжело и больно...

Я обнял ее.

— Извини, малыш. И спасибо тебе огромное. Еще чуть-чуть, ладно? Ты не посмотришь, что у нас здесь происходит? В чем дело? Что с Кирой? Если можешь, конечно. Ты ведь сверхчувствительная Сенка, правда?

Похоже, от моей высокой оценки ее способностей ей стало легче. Она довольно улыбнулась, закрыла глаза, подняла руки и, продолжая лежать на диване, начала водить ими вокруг, ощупывая воздух. Минуты три ей хватило.

— Бедные. — Сенка с жалостью посмотрела на меня. — На вас напали. Тот, кто напал, очень сильный и очень много умеет. Но ему ничего от вас не надо, в этом тоже его сила.

— Зачем же он напал на нас, если ему ничего от нас не надо?

— Он делает потому, что его попросили. Или... Ну, в общем... — Она явно подбирала слова. — У кого-то есть то, что ему нужно, и он хочет получить это что-то. Обмен.

— Он что же, сильнее того, кто его попросил? Почему его призвали на помощь? — спросил я и тут же подумал, что, наверное, очень глупо спрашивать это у существа, для которого наш мир — загадочный и самое главное, темный лес, в котором ориентироваться оно может только благодаря своему внутреннему видению.

— Не знаю, — спокойно сказала она и обратилась как будто внутрь себя. — Может, и так. А может, тот, кому вы нужны, сам не решается... Но тот, второй, кто сейчас вас связывает... Но он тоже... Как бы, это сказать... Вас опасается... Он даже отступил и действует

как бы из другого мира. Я сказала бы, из-за стены. Или из перехода...

— Так, понятно. Вот почему я его не вижу. И что мне делать? Как его найти? Где этот другой мир? Или стена? Или переход?

Сенка закатила глаза. А я думал, видит ли тот или те, в общем, все те, кто пытаются влиять на нас, что Кира иногда превращается не совсем в Киру или совсем не в Киру? Фиксируют ли они изменение сознания?

— Ты ухватись за влияние, поймай его и тяни на себя. Вернее, слегка дерни в свою сторону, а потом иди по нему уже от себя. Зафиксируй и проследи направление. При этом перестань смотреть в черноту. Вообще перестань смотреть и видеть. Только ощущай направление, для чего время от времени чуть-чуть поддерживай его на себя. И иди по нити. Попробуй. И... — Она как будто засмушалась. — Только тот, кто прячется... Не думай, что он прячется потому, что слабый...

— Попробую.

Я отправил Сенку, вернув Киру. И постарался отключиться от того, что говорили мне органы чувств, перенеся все свое внимание на внутреннее зрение. Но перестать видеть черноту не смог. И решил искать в ней, но стараясь ее все же как-то локализовать. Я искал долго. Перепробовал каждый кусок темного вещества, летающего вокруг, смещал угол зрения — ничего. Никакой зацепки. Темные навесы, казалось, обладали собственной волей и не были связаны с кем бы то ни было, стремясь к нам, они действовали вполне самостоятельно. Не придумав ничего лучше, я начал рассматривать пространство вокруг в поисках чего-нибудь сомнительного. Ничего. Я задумался: что я упускаю? Возможно, я не смотрел строго вниз и строго вверх. Конечно, во внутреннем пространстве нет верха и низа, это только мой способ говорить, но это неважно. Главное понять, что осталось еще два направления, кото-

рые я не обследовал. Снизу ничего не оказалось. Сверху, как мне показалось сначала, тоже. Но потом я заметил совсем малюсенькую серую точку. Наблюдая за ней, я попробовал ее дернуть, подтянуть к себе и в какой-то момент увидел ее ближе. И когда она приблизилась, строго за ней мне открылся огромный серо-черный конус. Это выглядело как Останкинская телебашня, направленная к нам шпилем. Только с бесконечными размерами. Я не стал ничего предпринимать и перевел внимание на Киру. Она полулежала на диване и тяжело дышала. Увидев, что я открыл глаза, слабо улыбнулась.

— Мне почти хорошо. Только сил нет. Но у меня ничего не болит, и я, похоже, в полном порядке. Жить буду... — Она села на диване и спустила ноги. — Есть хочешь? Приготовить чего-нибудь?

— Ладно уж, лежи, повар, отдыхай. Не до еды сейчас.

— Ну, как знаешь. — Она опять легла. — Тогда я посплю немножко, — сказала Кира и тут же уснула.

Я же пошел писать Муслиму.

«Еще раз спасибо.

Я вижу, откуда эта напасть идет. Вижу центр влияния. Пирамида такая, черная-черная. Высокая и тонкая.

Сейчас кофе попью и начну разбираться».

И как запрограммированный пошел варить себе кофе. Две чашки пил два часа, оттягивая разбирательство и надеясь, что Муслим следит за мной и ответит. Надежды оправдались.

«Дерзай. Я помогу, как смогу, насколько хватит моих старческих сил. Расклад настолько серьезный, что вы победите, если останетесь живы, а если еще и голова при этом не съедет, то вы монстры. Но я

опасаюсь за Киру. Она очень неуравновешенна. Как бы чего сама не выкинула. Смотрю ее. Ей совсем хреново, как у черта в заднице. Она — твое слабое звено, но необходимое. Так что кроме борьбы постарайся найти для нее нужные слова и нежность. А может, и чего посущественнее.

Муслим».

В комнате горела только одна лампа торшера. Желтый блеклый свет делал все вокруг нереальным. Я находился в каком-то странном состоянии заторможенности и спокойной отрешенности. Реальности и нереальности всех миров и антимиров для меня сравнялись. Мне все стало неважно. Цель вытеснила мысли и чувства. Осталось только предчувствие предстоящей борьбы. Внимание и чувства обострились. Внутренний диалог выключился.

Кира лежала очень тихо. Спала или была без сознания. Я выяснять не стал, лег рядом. Удобно расположился, закрыл глаза и переместил внимание во внутреннее пространство. Сдвинуть взгляд наверх сначала не получалось, но я знал, что это возможно, поэтому пытался до тех пор, пока не получилось. Нашел маленькое серое пятнышко строго над собой. Приблизил свое внимание к нему. Пятнышко медленно превращалось в огромных размеров вращающуюся трубу с неровными стенками из тумана и более плотных частиц темного растекающегося липнущего вещества. Труба уходила в бесконечность, и казалось, не имеет конца. Скорее это была не труба, а вихрь, направленный в мою сторону. Я перенес свое внимание в середину трубы и попробовал перемещаться против движения. После нескольких попыток я понял, что это бесполезно. Был какой-то запрет, какие-то блоки стояли на пути, де-

лающие такое движение невозможным, или существовала какая-то другая причина, но мое внимание крутилось на месте, не продвигаясь вперед.

Ладно, попробуем по-другому. Я открыл свою воронку настолько, насколько смог, — внутри поблескивала далекими звездами бездна. Совместив конец трубы с центром своей воронки, я начал поглощать трубу-вихрь. Сначала получалось легко, я двигался в бесконечность как паровоз, пожирающий путь, потом путь, видно, почувствовал что-то неладное и не захотел больше поглощаться моим паровозом, он вздыбился и, завиваясь кольцами, начал убегать назад, вероятно, чтобы собраться с силами и броситься на меня многими километрами сразу. Такой большой кусок я разом проглотить не мог — меня сминало, отбрасывало назад, оглушало. Мы воевали долго. Очень долго. Я уже давно сдался, в том смысле, что и не думал найти того, кто генерировал влияние, а просто старался поглотить как можно больше разрушающих вибраций, направленных на Киру. К моему удивлению, в конце концов труба все же закончилась, и я наткнулся на кого-то, кто был ее источником. В нем не было страха. Я чувствовал его цепкое внимание, решимость и отрешенность. Я разобрал его на маленькие вихри и поглотил.

«Молодец. Не хочу торопить события, но думаю, мы справились. Не расслабляйся, но и не теряй силы понапрасну. Не забывай накапливать и переваривать, а то будет несварение. Хе-хе.

Я видел тебя очень хорошо. Вероятно, поэтому смог немного помочь.

И не забывай про Киру, за ней нужен глаз да глаз.

Я тоже с твоего позволения отдохну.

Муслим».

«Доброго дня, Муслим!

Думаю, Ваша помощь все и решила. Был момент, когда я подумал, что проиграл. Залепили мне воронку какой-то фигней, аж тошно стало.

Я постепенно учусь чему-то новому.

Я научился поворачивать взгляд. Оказывается, Вы у меня сзади все время были, поэтому я Вас не видел. Вчера впервые увидел. Да, Вы действительно очень большой и очень неплотный, желтого цвета. Сбоку к Вам прицеплен — не прицеплен, скорее находится на боку сверху (если здесь верх имеет место быть) — что-то или кто-то сине-голубой.

Я временами ощущал Вашу помощь...

Теперь я вроде умею поворачивать «голову наверх». Вы видели, что там за «останкинская башня» была? Я в какой-то момент подумал, что этот вихрь бесконечен. Но оказалось, что все имеет начало и конец.

Кира в порядке. Пошла сегодня в спортклуб. Это, возможно, не так эффективно, как менять реальности, но зато абсолютно безопасно, да и приятно, по моему. Я, по крайней мере, тренируюсь с удовольствием...

Кирилл».

Я же, как стало теперь уже обычным, болел несколько дней. Чувствовал себя не в своей тарелке, меня тошнило, делать ничего не хотелось. Я постепенно привыкал к такому состоянию и спокойно ждал, когда оно пройдет.

Кира восстановилась очень быстро, за несколько дней. У нее, казалось, отсутствовал нулевой уровень, то есть середина. Или все плохо, или все хорошо. При-

чем про плохо она забывала практически мгновенно, как ребенок, и искренне верила, что теперь всегда будет хорошо. Я же знал, что не все хорошо. Что-то было все еще не так. Во внутреннем пространстве что-то происходило. Во-первых, Максим, которого, после того как он уехал, я видел отдалившимся и более тусклым, замигал, запереливался разными цветами. Во-вторых, осматривая свою воронку и кристалл Киры после драки, я заметил, что наша конструкция кольцо-кристалл стала менее устойчивой. Кристалл то приближался, то удалялся, то немного накренился набок. Как будто кто-то раскачивал его, пытаясь сорвать с места. В-третьих, кристалл Киры потускнел. Я написал об этом Муслиму. В ответ получил письмо, которое немного прояснило ситуацию.

«Похоже, у Киры включился какой-то механизм защиты, и все силы у нее сейчас идут на это. Поэтому она такая тусклая. Но это очень хорошо. Ее механизм направлен на выживание, и я немного успокоился.

Теперь о том, что я выяснил. Есть сущность, пользуясь твоей терминологией, вероятно, учитель, — я бы не хотел сейчас определять точно, поскольку точно мы еще не знаем, — которая до недавнего времени находилась в законсервированном состоянии, то есть была совершенно обессилена и лишена ориентиров. Недавно была реанимирована кем-то или чем-то в плане информации, энергетически она очень слаба и ничего не может. У нее сейчас перекрыты все каналы, и она практически мертва. Похоже, она просто передала информацию кому-то другому, кто знает, как ему использовать эту информацию, за деньги, или за интерес, или по дружбе, не суть. Суть в том, что он начал действовать. Цели неясны, и неясно, ка-

кая именно у него информация. Но мы его отбили. Есть некоторые влияния, но они остаточные. Как если бы ты поводил по мутной воде палкой, палку давно убрал, или у тебя ее вышибли, и ты уже пьешь виски с содовой или кровь зализываешь, а муть все бродит и поднимается. Он либо сдастся, либо поменяет тактику. Пока он затих, если, конечно, можно назвать это затишьем. Сейчас можно попытаться его добить. Когда его увидишь или почувствуешь, отсеки его от всего остального, лиши каких бы то ни было связей, мысленно можешь построить вокруг него клетку, и засоси его вместе с этой клеткой. Самая большая сложность сейчас — это его нащупать, поскольку он затаился и потерял много сил, то есть плохо виден. Ищи его сверху и справа. При любом движении строй клетку и поглощай. Я не попадусь, не бойся. А все, что попадется, твое. Дерзай.

Вашего инвалида держу все время в поле зрения. Последнее время он вообще не излучал. Но вот около недели назад его активность резко возросла, он постоянно меняет цвета, как бы настраивается на нужную волну. На это способны далеко не многие. Обычно сущность имеет один цвет, и вариации возможны в пределах оттенков и пограничных цветов. Сейчас он опять потух, но излучает ненаправленные во все стороны бесцветные импульсы — это режим поиска. На человеческом языке это означает, что он анализирует ситуацию, заставившую вас поднять головы и выбраться из окопов, в общем, проявить себя. А он выставил свой щупик и собирает информацию, мать его в попу. Вот так, мой милый мальчик.

Очень устал.

Привет девочке.

Муслим».

Письмо я получил утром, попил кофе с бутербродом и поехал на выставку. В Москве каждый год в конце февраля проводится большая выставка аудиовидеоаппаратуры «High-End Show», где в одном месте можно ознакомиться с новинками и тенденциями.

Весь день я провел на выставке. Разговаривал, изучал, договаривался. Внутри у меня болело, ныло и распирало, но я старался держать внимание на том, что происходит вокруг. На красивых акустических системах, на одетых в алюминий проигрывателях и усилителях, на проекторах, экранах, плазменных панелях. Запоминал цены, характеристики и скидки. Жал руки знакомым и незнакомым, отвечал на формальные вопросы. Время от времени я отходил в относительно безлюдное место и звонил Кире. С ней было все более-менее в порядке, судя по тому, что она пыталась шутить. И это радовало. И я снова шел по длинным коридорам и квадратным комнатам, наполненным народом, музыкой, фильмами и аппаратурой.

«Доброго вечера, Муслим!

Спасибо большое за письмо. Сегодня был нелегкий день. Чувствовал себя не лучшим образом, болит солнечное сплетение, и я как будто после перепоя. Понимаю, что помяли в боях. В Москве проходит выставка High-End, весь день был на выставке. Хорошая тренировка по умению переключаться. Кстати, есть интересные аппараты.

Кире все лучше и лучше. Но я запретил делать резкие движения и крайнюю осторожность тоже не отменял. Пускай бдит.

Сейчас лягу снова воевать и искать нашего «оппонента».

Что Вы посоветуете делать с инвалидом?

Обнимаю, Кирилл».

Я воевал, или, вернее, работал, делал «зачистку» территории час или два. Каким-то образом почти сразу нашел место, где находился тот, кто напал на нас в прошлый раз. Раскрыл воронку и поглотил все, что смог обнаружить в округе. Не разбираясь, кого и что я находил — любые комки, сгущения, пятнышки и еще неизвестно что, — все уничтожал. Все, что светилось, светилось еле-еле или совсем не светилось, а, наоборот, темнело в темноте, выбрал все, что смог найти.

«С инвалидом пока делать ничего не надо. Тем более, как я вижу, он сейчас пространственно далеко от вас. Маловероятно, что он уехал для того, чтобы напасть издалека. Сейчас он просто наблюдает. Но информацию мало получить, ее нужно правильно интерпретировать. В вашей ситуации это безумно сложно. Нужно знать предысторию. Хотя бы в общих чертах. Если он перейдет к каким-либо действиям в вашем направлении, я сразу тебе сообщу. Посмотрим. Если он проявит хоть какую-то агрессию, сразу нужно будет его обезвредить, но не раньше.

Пока все более чем нормально. Я даже не предполагал, что первый тайм мы так легко отыграем, практически без потерь.

Я хочу и несказанно надеюсь, чтобы ты был готов остаться без меня. Будем реалистами, это произойдет. Не хочу говорить, скоро ли произойдет, просто произойдет. У тебя все есть для того, чтобы хорошо контролировать ситуацию, уберечь себя и Киру, развивать свое видение и способности.

И сильно не заморачивайся на всем этом. Не забывай, что сейчас ты здесь и бери от этой жизни все не-

обходимое. Развлекайся, когда не воюешь. Делай либо одно, либо другое. Когда воюешь, не думай о мороженом. Но когда ешь мороженое, не воюй. Не забывай об отдыхе, теле и душе, или что у тебя есть еще там. И к Кире относись, как к прекрасной даме, а не как к искусственной болванке для межзвездных перемещений. В нужный момент она себя проявит, мой милый мальчик. Старайся не напрягать ее всей этой мистикой. В ее жизни и так этой мистики до хрена. Встряхивай ее только тогда, когда деваться уже некуда, а остальное время просто люби, со всеми вытекающими.

Муслим».

«Доброго дня, Муслим!

У Кире самочувствие и настроение улучшаются.

Я стараюсь следовать написанному Вами. Даже не стараюсь, а следую.

Я теперь занят еще одной проблемой, которая возникла постепенно и пока не решается. Необходимо объяснить Сенке, что не нужно стремиться сюда самой. Я стараюсь со своей стороны, Кира тоже обещала помочь. Раньше Сенка не чувствовала нашего времени и не капризничала, когда я нечасто ее вызывал. Теперь она очень хорошо чувствует Кирины переживания и таким образом ориентируется во времени. Например, мы в Египте играли весь вечер в пинг-понг. И когда я потом позвал Сенку, она с горящими глазами бросилась ко мне и тоже потребовала научить ее играть.

Муслим, я давно хотел спросить, сколько Вам лет?

Кирилл».

«Мне 104 года. Вот так, мой милый мальчик.

Рули, как считаешь нужным. Ты абсолютно готов

к принятию любых решений, в том числе всего того, что касается Сенки.

Кирочке написал письмо. В отличие от тебя она, по-моему, меня не очень слушает. Вот что значит упертая девчонка. С другой стороны, она сама знает, но пока это до нее дойдет, как бы чего не случилось.

Муслим».

Утром в офисе на большом листе бумаги написал ребятам задание и поехал к Кире. Весь день мы провели вместе. Гуляли по Москве, пили кофе с чизкейками, отогреваясь в кафе, зашли на выставку фотографии.

«Впечатляет. Это я о возрасте. Поделитесь. Возможно, есть какие-то способы питания, упражнения для того, чтобы в сто лет можно было прыгать с парашютом, заниматься сексом с девчонками и, главное, более связно мыслить, чем обычные люди. Если Вы дадите свои рекомендации, я буду несказанно благодарен. Я все время экспериментирую с разными подходами к жизни, но ни к какому понимаю так и не пришел. А у Вас правильный подход налицо.

Кире вчера вправил голову. У нее очень рассеянное внимание, это первое. Второе — она и не хочет ничего учиться или работать над собой. Но под моим влиянием ее образ мышления понемногу меняется (я надеюсь). Вчера объяснил, как ей несказанно повезло, что кто-то может ей что-то посоветовать и указать на ошибки. С помощью моих советов она может сделать свое тело намного более привлекательным, а с помощью Ваших организовать свое отношение к жизни. В противном случае станет обычной девуш-

кой и жизнь ее будет проходить обычно. Сказала, что до нее дошло. Или, скорее всего, что мне кажется более вероятным, она согласилась со мной, чтобы побыстрей окончить неинтересный ей разговор. Она еще та притвора.

Обнимаю, Кирилл».

«Полегче, мой милый мальчик. Обычной Кира уже не будет никогда. Угробить себя, это запросто. Безусловно, ее надо направлять и организовывать, даже иногда и по попе можно, но делать это желательно предельно деликатно, нежно объясняя причины и глядя при этом рукой по голове и целуя ухо. Вот так. Она очень ранима и ловит каждое твое слово. Случайно оброненное тобой совершенно безобидное для тебя высказывание она запомнит и выстроит на его основе доказательство своей неполноценности.

Далее. Рекомендации дам. Как оставаться молодым и бодрым. Прежде всего, посоветую не выражать отрицательных эмоций. Это наполнит тебя энергией. Это сложно, но к этому нужно стремиться.

И я придумал формулу такую, чтобы можно было ей пользоваться, а не смотреть на нее и думать, что когда-нибудь настанет и мой день.

Она проста и банальна до безобразия, но она работает.

1. Тебе 40 или, например, 35, какую дашь установку... И будет 40 всегда. Ничего нет, кроме твоей мысли. Ты думаешь о себе, как о сорокалетнем, теперь и до конца жизни. В 60-70, общаясь со сверстником, ты прощаешь ему занудство, мешки под глазами, слабую потенцию, обвисший живот, думая о том, что он намного старше тебя...

2. Ты и ведешь себя соответствующим образом. У тебя впереди вечность. Тебе 40 будет всегда, и это никогда не кончится. Ты с легкостью начинаешь любое дело, не думая о том, что можешь не успеть, ты занимаешься всем, чем хочется, заводишь любые знакомства, пускаешься во все тяжкие, если хочешь, конечно.

3. Ни в чем себя не насилуешь. Ешь то, что хочется, спишь столько, сколько хочется, и проч., проч., проч. При правильной установке, спустя какое-то время тебе будет хотеться только того, что благотворно на тебя влияет и поддерживает твой ум и тело в соответствующей, в данном случае сорокалетней, форме.

4. И если ты видишь на своем теле лишний килограмм, а на лице еще одну морщину, ты не оправдываешь это быстробегущим временем, а понимаешь, что ты вчера либо переел, либо недоспал, либо недопил, что это не закономерно, а случайно, и что завтра, если ты сейчас же побежишь в зал или к девушкам, этого уже не будет.

5. Внимательно следишь за телом. Тебе 40, и ты должен соответствовать.

6. Контролируешь мысли. Они могут быть любые, хотя, конечно, светлые приветствуются, но они непременно должны быть мыслями сорокалетнего.

7. При общении с людьми старайся не озвучивать свой возраст, по крайней мере, с малознакомыми. Можешь врать. Вернее, это не вранье. Тебе ведь 40. Я одно время искренне не помнил, сколько мне лет, я ведь знал точно, он не менялся десятилетиями. Когда случалась необходимость, мучительно подсчитывал свой возраст, но не ужасался цифрам, а скорее удивлялся.

Пока все. Буду рад помочь, чем смогу. Если чего еще вспомню, старый хрен, непременно поделюсь. А ты спрашивай, мой милый мальчик, если чего не понял, не робей. Вот только теперь во мне что-то сломалось, природа берет свое, и я таю. Но я ни о чем не жалею. Мне было кайфно в этой жизни, мать ее в попу. Желаю и тебе того же. У тебя должно получиться лучше. У тебя есть Кира.

Муслим».

Постепенно мое самочувствие поправилось, Кирино улучшилось. Прошедшие войны почти забылись. Первое весеннее тепло в этом году пришло рано, и мы часто встречались вечером у меня в офисе, слушали музыку, потом гуляли по Воробьевым горам, ужинали в кафе. Я через раз звал Сенку, которую все интересовало и которой все нравилось. В переписке с Муслимом в связи с отсутствием боевых действий мы перешли на мирные общие темы. Расспрашивали друг друга и рассказывали друг другу.

«С парашютом впервые прыгнул лет десять назад. Думал, что бы еще такого измыслить для поднятия жизненного тонуса, ну, и для привлечения девушек, конечно. Но мысль, судя по всему, была неправильная. Поскольку просто прыжками ограничиться не смог. Пошел по пути нагнетания экстрима. Стал заниматься затяжными прыжками, потом начал прыгать со скал. Выполнил четыре успешных прыга, ну а пятый стал последним. Неверно рассчитал траекторию. Практически был размазан по склону. Собирали по частям. Собрали. Проявил удивительную живучесть. Больше сотни швов. Живу до сих пор.

Тебе не советую идти по моим стопам. Не стоит раньше времени себя гробить. Вокруг вполне достаточно увлечений и без этого экстрима. Кстати, как начал прыгать, стал быстрее стареть. Судя по всему, избыточный адреналин не способствует вечной молодости.

Вот так. Мотай на ус.

Муслим».

Зная, сколько лет Муслиму сейчас и сколько лет назад он разбился, выяснилось, что прыгать он начал лет в 90. А разбился где-то около 95. Стоило задуматься и прислушаться к его советам.

Временами Кира грустила, я видел это, но поначалу не мог найти причину. Только через некоторое время до меня дошло, или Кира проговорила — уже не помню, — но выяснилось, что вся проблема, по мнению Киры, в моих желаниях и ее возможностях. Раньше, до встречи с Кирой, я придерживался свободных взглядов на сексуальные отношения. О чем Кира знала от меня же. Для Кириной сверхчувствительной природы совершенно невозможно было, да она и не хотела, принять ни подобные отношения с моей стороны, ни со своей. Но Кира считала, что недодает мне того, в чем я нуждаюсь, из-за этого ужасно переживала и даже думала освободить меня от себя, то есть уйти. Она не видела или не хотела видеть, что для меня не было устойчивых состояний. Да, я раньше вел себя так, но, встретив ее, перестроился, вернее, даже не перестроился, а перетек в другое состояние, в состояние бытия с нею. Я видел свою психику как равнину, на которой мое состояние, которое я для себя описывал в виде небольшого шара, могло находиться в любом месте бесконечной или очень большой плоскости, свободно перекачиваясь по ней и проявляя при этом одинаковую устойчи-

вость. Психика Киры мне представлялась как холм. А ее шарик, ненадолго задерживаясь на вершине, все время скатывался с этого холма и находился в пограничных состояниях. То в сильной депрессии, то в сильно приподнятом состоянии. Именно такие положения и были устойчивыми для Киры. С одной стороны, такое строение делало Киру очень чувствительной, а с другой — крайне неуравновешенной. Я старался донести до нее, и словами и поступками, что мои желания изменились. Кира мне не верила, мучила и себя, и меня. Но и я не сдавался, зная, что трудная победа приносит более устойчивый результат.

В письмах с Муслимом мы тоже незаметно начали затрагивать и тему взаимоотношений.

«Извини меня, мой милый мальчик. Прости старого дурака. Это я, наверно, некоторым образом по вольнодумию и походя, спровоцировал подобные настроения у столь чувствительной девушки. Частично в шутку, частично по недомыслию, но, преследуя благородную цель, доказать ей твою любовь, я как-то предложил ей привести тебе красивую молодую особу и сказал, что ты не воспользуешься ситуацией, потому что ты ее любишь, а все остальное — это спорт, и приятно, как спорт. Что-то в этом духе.

Но я исправил свою ошибку. Мы переписывались. Она обещала мне не делать глупостей. Еще раз извини, но для меня это все так естественно.

Держись, мой милый мальчик. Я завидую тебе, твоим проблемам и твоему счастью.

Муслим».

«Доброго дня, Муслим!

Спасибо за поддержку. Откуда у Киры такие мысли, я понимаю. Чем больше я общаюсь с Сенкой, а это та

же Кира, только в концентрированном виде, тем больше понимаю ее. Ниже некоторые наблюдения.

Когда мы с Сенкой выходили из квартиры, она всегда спрашивала: «Ты дверь хорошо запер?»

Через некоторое время до меня дошло, что спрашивает она не просто так.

— А в чем проблема?

— А вдруг другая Сенка забежит, пока нас нет. А вдруг...

После этого я понял, почему она всегда, когда мы приходим с прогулок, обыскивает дом. Спрашиваю:

— Сенка ищешь? А что будет, если найдешь одну?

— Я буду с ней **ВОЕВАТЬ**.

Это было сказано таким тоном, что стало ясно, что шуток не будет и крови не избежать. Она даже сидха прогнала, хотя должна была все сделать, чтобы его задержать рядом с собой. Я, кажется, не рассказывал Вам эту историю. Думаю, Вам будет интересно.

В мире Го и Сенки высшей доблестью считается собрать звезду, это когда все пять разных существ живут вместе. Госеп, сенка, сидх, кей и гром. Звезда имеет какие-то суперсвойства, какие, правда, никто не знает. Собрать звезду необходимо в определенном порядке. Для начала нужно объединиться сенке и госепу, потом к ним при благоприятных условиях может присоединиться сидх. Сенка приревновала госепа к сидху и прогнала последнего так далеко, что его после этого никто никогда уже не видел. Ну и какие эмоции должна испытывать Кира? Ответ очевиден.

Вначале, когда мы только познакомились, я вел себя с ней, как со всеми своими девушками до нее, сразу рассказав ей о других своих подругах и о том, что я никому не принадлежу и встречаюсь со всеми девушками

сразу. И мы дружим все вместе. Кира на контакт с моими знакомыми не шла, но меня не отвергла, сказав даже, что я могу встречаться с кем пожелаю, только без нее. А сама затаилась. Я же, видя, что Кира, несмотря на свою игру, очень ревнует и переживает, стал постепенно отдаляться от своих подруг и побочных связей. Кира это заметила. Оценила. Но теперь переживает по поводу меня и наложенных ей на мою жизнь ограничений. Она чувствует, что мне немного не по себе сейчас без свинга и что мне очень чужды отношения тет-а-тет. Но лучше без свинга, чем без Кире. С Кирой я провожу все свое время, и мне это нравится. Обнимаю, Кирилл».

«Мне интересно, все, что ты пишешь о себе и о Кире, мой милый мальчик, не сомневайся, и вообще меньше сомневайся. И я очень хочу, чтобы между вами не было непонимания. У меня была одна девушка, которую я, наверно, любил, если до сих пор помню ее. Мне было тридцать, ей двадцать три. Я тогда погряз в разврате, и поначалу, когда понял, что она не свингер, не относился серьезно к нашим отношениям. И хотя она была супер, я не мог смириться с сексом на двоих. Мы встречались недолго. А когда мы расстались, я чуть не умер от тоски. Вначале я даже не понял, что происходит. Это было совершенно неожиданное и новое для меня чувство. Промучившись около полугода, я вернулся к своей любимой девушке, решил бросить свинг ей под ноги. И все у нас было хорошо какое-то время, пока она не начала мучиться от того, что ей казалось, я тоскую по свингу, и она, на этот раз она, от меня ушла. Правда похоже? Очень глупо с ее стороны, так как я был счастлив, и мне было с ней безумно хорошо. В общем, у нас нача-

лась маленькая война с периодическими примирениями, которые всегда заканчивались бешеной страстью и безумным сексом. Как-то вечером я пришел к ней, а у нее в гостях двое молодых людей, она работала стенографисткой в журнале, а они были ее сослуживцами. Они уже немного выпили и ждали меня. Она сказала, что они свингеры и что она хочет мне сделать подарок. Я поначалу обрадовался, но мой восторг поутих, когда я заметил, что она пьет рюмку за рюмкой и ее трясет. Комок подступил к горлу, и я понял, что я не хочу ее подарка. Просто не хочу. Ничего. Мне хотелось сгрести ее в охапку и увести прочь от этих людей. Уложить в кровать и охранять ее сон. Очень странно. После этого инцидента она заболела идеей стать свингером, и может быть, постепенно у нас все и получилось бы, но вскоре она умерла от воспаления легких. Знаешь, тогда люди сравнительно часто умирали от болезней, от которых сейчас умирают крайне редко. И был еще один случай, когда я склонил одну девушку на свингерство. Мне казалось тогда, что я ее не люблю. Так, симпатичная, легкая, умная, хорошенькая, но чувства такого конкретного не было. Она хотела быть со мной и была согласна на все. Она сразу понравилась моим друзьям-партнерам, и мы начали ходить на встречи. О! Это был позор моей жизни. Я не смог смотреть, как она занимается сексом с другими. Бешеная ревность обуяла меня и родила какую-то странную тяжелую любовь. Мы прожили вместе два года. И эти два года я был только с ней. Вот так. Никому об этом не рассказывал. С тех пор проколов больше не было, как ни странно, и любви тоже. Так что любовь, Кирюшенька, штука тонкая. Насколько тебе важна сексуальная свобода?

Муслим».

«Доброго дня, Муслим!

Увы, ответ, наверно, не всегда несет присутствие одного цвета.

Ниже я напишу общие рассуждения (короткие, поскольку у меня недостаточно времени), они будут искренними, возможно, среди них есть шанс увидеть отблеск ответа.

Кира необычная девушка.

Вы наверняка знаете, как после хорошей аппаратуры сложно слушать дешевую. Как исчезновение тембрального разнообразия упрощает музыку, делает ее неинтересной. Я не сравниваю Киру с аппаратурой, нет, ни в коем разе, скорее с музыкой. Тяжко общаться с другими девушками после Киры. При всем богатстве выбора альтернативы нет.

Я вполне самодостаточный человек, не менее восьми лет ни с кем не живу совместно из-за того, что мне это в тягость. С Кирой мы прожили две недели в Египте без последствий для моей психики. Что удивительно.

Да и хрен с ним, со свингом. Я очень давно, если не всегда, пытался создать группу людей, в которой все равны, все друг к другу хорошо относятся и все со всеми спят. Я думаю, Вы понимаете, что из этого получилось. Ничего, равным счетом ничего. Девушки плетут интриги, мужчины ссорятся. Расползаются, как только остаются без присмотра, или пытаются разбиться на пары. Я понимаю, что это была попытка построить утопию.

Да, я желал познакомиться с безумно красивой особой противоположного пола, которая мыслила бы, как я. Мы бы приводили друг другу секс-партнеров, это нас заводило бы еще сильнее. Накал жизни был бы больше и больше. Мы бы ходили в экспедиции, слушали музыку, писали, занимались сексом с кем попало

и где попало, при этом никогда бы не давали друг другу никаких обещаний (поскольку слова — это труха), но доверяли больше, чем самому себе. Но сейчас я понимаю, что все, что я делаю, как мыслю, это не просто утопия, это полный бред для других. Сдаюсь. Нет, не сдаюсь с соплями, а прикалываюсь над этим своим утопизмом.

Я скучаю без Кире. Я не хочу быть без нее. Но я и не хочу ее заставлять быть такой, как мне нравится или каким я вижу свой идеал. Дзен состоит в том, чтобы принять и жить в том, что есть. Ну, это я неправильно написал, но стирать не буду. Я не хочу, чтобы она была свингером для меня. Пусть будет такой, как есть, такой, как хочет, такой, как может.

Ведь нет остановки. Нет и не будет (кроме как для олигофренов). Мы всегда будем к чему-то стремиться, будем меняться, делать и ошибаться. Я хочу помогать в этом Кире. Готов для этого набивать шишки. Платить за это переживаниями, здоровьем. Всем, что есть. Готов меняться, менять убеждения, воевать, побеждать и погибать.

Бессвязно, но искренне.

Обнимаю, Кирилл».

«Спасибо. Действительно очень искренне. И в самом деле, расцветочка получилась неоднозначная. Ты очень неплохо описал то, что у тебя внутри. Мне понравилось твое письмо, более чем. Все, что ты так доходчиво изложил мне, Кира чувствует именно так, то есть чувствует цвета, потому как она очень и очень чувствительный прибор. Я посоветовал бы тебе дать ей почувствовать твою ЛЮБОВЬ, а пока она чувствует только то, что ты написал, впрочем, это тоже круто, это больше, чем любовь. Кстати, у тебя в письме ни разу не встретилось это слово.

Как свингер и мужчина, которому выпало счастье общаться с этой уникальной девушкой, я тебя понимаю и полностью на твоей стороне и с тобой. Уверен, у вас все получится.

Остановки на самом деле нет. Ты молодец. И идея у тебя была супер.

Муслим».

Глава 7

Она идет в ногу со мной.
Она — я.
Я — она.
Иногда сбивается,
Или сбиваюсь я.
Она есть.
Ее не было вчера
И не будет завтра.
Она улыбается мне только сейчас.
Сейчас.
Укол в самое.
Но в «сейчас» нет меня.
Сожалею о прошлом,
Мечтаю о будущем.
Живу около.
Мир без настоящего.
Как остановиться?

Ближе к вечеру Кира приехала ко мне в офис. Часа два мы разбирали английскую грамматику. Потом собрались поехать куда-нибудь поужинать. Когда мы вышли на улицу, уже стемнело. Кира сама предложила, чтобы я позвал Сенку и показал ей ночную Москву. Сенка открыла глаза в машине и сразу стала крутить головой во все стороны, разглядывая все вокруг. Мы медленно поехали на смотровую площадку на Воробьевых горах. Там, с одной стороны — высокое красиво подсвеченное здание университета, с другой — набережная Москвы-реки. Стараясь держаться подальше от людей, мы прошли на край смотровой площадки и оттуда рассматривали лежащий

внизу и мигающий разноцветными огнями город. Повернувшись к зданию университета, я обратил внимание Сенки на почти полную луну. Сенка, как обычно, удивлялась, сколько у нас в мире еще всего, чего она не видела. Начала задавать вопросы, но на полуслове застыла, остановив взгляд на луне. Я же прикидывал, пока есть время, как лучше ей все объяснить и рассказать. Сенка молчала и смотрела не отрываясь. Я тронул ее за плечо.

— Сеночка, это Луна — спутник Земли. Большое шарообразное тело, которое вращается вокруг нашей планеты.

Сенка, обычно очень подвижная и быстро реагирующая на мои слова, не издала ни звука и продолжала смотреть в небо во все глаза.

— Сеночка, ты меня слышишь? — Я нежно обнял ее и аккуратно постарался развернуть в другую сторону. Сенка поворачивалась телом, но ее взгляд был устремлен в ту же сторону. Лицо потеряло выражение, она смотрела как загипнотизированная. Я попытался ее расшевелить, но она резко оттолкнула меня.

— Не мешай.

Я опешил и стоял, не зная, что делать. Никогда раньше Сенка так себя не вела. Она тянула шею к луне, потом у нее подкосились ноги, но я успел ее подхватить. Пока я думал, что предпринять: нести ее к машине или ускользнуть по тропинке вниз и там пытаться привести в чувство, Сенка зашевелилась в моих объятиях. И даже сама смогла кое-как держаться на ногах. Я что-то говорил, пытаюсь ее успокоить, но ответа не было. Изогнувшись, не отпуская рук, заглянул в лицо. Оно выражало растерянность и удивление. И, как мне показалось, было чужим, не Сенкиным. Я сгреб ее в охапку и понес к машине, думая, задержит меня милиция или нет. Милиции, видимо, связываться не хоте-

лось. Я уложил Сенку на переднее сиденье. Быстро завел мотор и рванул вниз по улице. Метров через пятьсот остановился у бордюра. Похоже, это была не Сенка, или если она, то с ней что-то произошло, возможно, какой-то сбой. Я переживал одновременно и за нее, и за Киру. Сенка немного приподнялась, изогнулась, чтобы увидеть то, что находится за окном машины, показывала рукой на фонарь на темной улице:

— 0-0000, — попыталась что-то сказать.

— Да, любимая Сеночка, это фонарик.

— 0-0000. — Все так же тянула дрожащий палец к пятну света.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Смотровая площадка осталась далеко позади, дорога до поворота была пустынна, не считая одной припаркованной машины с потушенными огнями. Впереди тоже никого не было, только далеко мигал желтым светом светофор. Выскочив из машины, я достал Сенку и поставил на подкашивающиеся ноги. Она все время что-то пыталась произнести, но я не мог понять, что. Мысленно нарисовал круг вокруг нас, стараясь представить его как можно четче, и выдернул Сенку из него. Она обмякла, и я, уложив ее снова на переднее сиденье машины, забрался внутрь и попытался отдышаться. Итак, что мы имеем? Мы имеем некий сбой в сознании, который, кажется, вызвала луна. Или не луна? Возможно, просто совпадение по времени. То, что смог вывести из этого нестабильного состояния, — хорошо, это удача. Но в какое состояние удалось привести? И кого? Кто сейчас придет — Кира или Сенка? Или никто?

Время тянулось медленно. Я сидел, массировал ладонь Киры и смотрел ей в лицо. Оно было расслабленным и ничего не выражало. Через некоторое время, длительность которого я был не в состоянии определить из-за своего волнения, тело рядом со мной зашевелилось, глаза открылись, и я узнал Киру.

— Привет, мы где? Еще на Воробьевых горах? — Кира, судя по бодрому тону, чувствовала себя хорошо.

Я не стал скрывать от нее того, что случилось, и рассказал, как все произошло. Я был очень рад, что Кира со мной. Но что с Сенкой? Мы с Кирой обеспокоились. Я сильно, а Кира так, немножко.

— Да что ей станется? Где-то миры сдвинулись, где-то раздвинулись, вот она к себе домой и улетела.

— Думаешь, она уже с Го чай пьет?

— Конечно. Типа того. О ночной Москве ему рассказывает. А Го тормозит, как ты. Ну, если хочешь, позови свою Сенку прямо сейчас и убедись, что все в порядке. А то ты со своими переживаниями испортишь нам весь вечер. Только рассчитывай по времени так, чтобы в кафе уже пошла я. — Беспокойство Киры было минимальным.

Я так и сделал. Оказалось, действительно все в порядке. Сенка не знала, что произошло. Она посчитала, что это я отправил ее обратно без предупреждения, и требовала продолжения.

— Пойдем дальше на огоньки смотреть.

Ночью я писал письмо Муслиму. Не только чтобы рассказать и попросить совета, но также потому, что не мог уснуть.

«Доброй ночи, Муслим!

Сегодня день не для слабонервных.

Сейчас час ночи. Я отвез Киру и вернулся к себе.

Мы с Кирой встретились у меня в офисе, потом поехали ужинать. Решили по дороге в кафе позвать Сенку. Узнать, как дела, показать ночную столицу.

Рядом Ленинские горы, университет и смотровая площадка, красивый вид на огни Москвы. Плюс сегодня ясное небо, на небе луна. Сенке очень понравились огни. Она постепенно смелеет, меньше боится

людей, чувствует себя свободнее, водит по сторонам носом. Нашла в небе луну и застыла. Лицо потеряло выражение. Я немного подождал. Потом постарался ее позвать. Бесполезно. Она смотрела на луну и ничего не слышала. Я отвел ее в тень. Спрашиваю:

— Что плохие вибрации?

— Нет.

— Хорошие?

— Нет.

— А какие?

— ... я не знаю. Они... они...

Сенка пыталась вырваться и снова смотреть на луну.

У нее подкосились ноги. Повисла на мне.

Я потащил ее к машине. Около машины она немного пришла в себя. Посмотрела на меня с удивлением.

— Ты кто? — И выключилась.

Я посадил ее в машину, вернее, положил, поскольку тело уже ее не слушалось. (Поискал Киру и Сенку внутренним видением, мне показалось, что они обе не здесь, что они обе на переходе.)

Мы отъехали от людного места. Я вернул Киру. Переход длился дольше, чем обычно. А может, это от волнения мне так показалось. Вернулась Кира. Веселая.

Мое сердце зашкаливало.

Я рассказал, как было дело, Кире. Она подтвердила, что чувствует себя хорошо.

Я волновался за Сенку, поэтому решил позвать ее снова. Она была веселая и как всегда полна энергии.

— А где огоньки? Почему мы в другом месте?

Оказалось, что она ничего не помнит. Я не стал скрывать, какое действие оказала на нее луна. Впрочем, я тоже хотел посмотреть, что же будет. Тем бо-

лее пути отступления, кажется, были. Вышли из машины. Сенка как ртуть. Показываю луну. Застывает. Каменное лицо. Пытаюсь привести ее в чувство, бесполезно. Вызываю Киру. Все в порядке.

Едем ужинать.

Завтра напишу, сегодня иду спать. Надо переварить. Тем более что у меня немного поехала голова. Сначала я думал, что это от адреналина. Я испугался, когда первый раз тащил Сенку со смотровой площадки (хорошо, что она такая худая теперь, шутка). Но несколько позже понял, что тут что-то другое. Я как будто резко оступел. Мои чувства стали большими и негибкими. Как слоны.

Мы с Вами. От Киры привет. Кирилл».

На следующий день. Я как обычно потренировался и работал в офисе. Чувствовал себя паршиво. Если представить, что мысленный поток — это река, а чтобы работать, мне необходимо думать, то моя река мыслей перекрылась каким-то внешним предметом и давила во все стороны, вызывая головную боль и опасения прорыва в новом месте. Позвонил Кире, она с хорошим самочувствием и настроением собиралась в спортклуб — плавать, тренироваться, общаться. Я хотел поговорить о вчерашнем, но у Киры голова была занята уже другим, а моя просто была занята. Так что разговора не получилось. Пришел ответ от Муслима.

«Ты хочешь сказать, что Луна гипнотизирует Сенку? В принципе это может быть. Ты там поосторожнее. Я не против исследований, только за, при условии, что ты хорошо контролируешь ситуацию. Это такие непознанные области, что произой-

ти может все что угодно. Вообще в измененном состоянии сознания любой человек открывается внешним влияниям, а здесь случай уникальный. Если это не приносит вреда, а я понял из твоего рассказа, что не приносит, можно поэкспериментировать, но очень осторожно и желательно в домашней обстановке, на балконе или террасе. И что бы ни случилось, не паникуй. Ничего смертельного быть не может. Могут быть задержки при переходах, это нормально.

Муслим».

Ближе к обеду мне не стало легче. Я искал во внутреннем пространстве врагов, но ничего подозрительного не нашел. Все дело было только во мне. Попробовал себя сам полечить, но и это не принесло облегчения. Кое-как написал письмо.

«Доброго дня, Муслим!

После ночи я думаю, что в Кире, кроме Сенки, произошло еще что-то, или кто-то. Это не Сенка в измененном состоянии, а кто-то третий. Этот третий пытался со мной общаться на Воробьевых горах.

Что-то мне не очень хорошо после этого. Отупение огромное. С трудом вспомнил, как писать некоторые слова. Конечности трясутся.

Кирилл».

Муслиму, видно, не спалось, поэтому ответ я получил через час.

«Все нормально, мой милый мальчик, без паники. Я с тобой. Я вижу тебя вполне отчетливо. Никаких негативных изменений с тобой не произошло. Ты немного уплотнился и продолжаешь уплотняться, что для госепа скорее хорошо, чем плохо. Возможно,

луна — это что-то вроде кода, ключа от Сенки, наподобие того, который я дал тебе от Киры. Тут нельзя знать наверняка, но можно исследовать эту возможность.

Держи хвост пистолетом.

Муслим».

Как-то прожил этот день и весь следующий. Застывая на полуслове, забывая, что собирался сказать, подолгу вспоминая, как пишутся знакомые слова, пытаюсь унять слабость в конечностях. Только вечером я заметил, что понемногу возвращаюсь к нормальному состоянию.

«Муслим, спасибо!

Это хорошо, просто здорово, что Вы видите и смогли рассеять страхи по поводу моего самочувствия. Сегодня я уже более-менее поправился. Я почти уверен, что это была не Сенка. У Сеночки голосок тонкий, как у ребенка. У Киры несколько ниже. А тот был еще ниже и намного более протяжный. Было похоже на первое появление Сенки. Когда она еще плохо управляла телом и говорила с трудом. И голос... это точно был кто-то другой.

И почему меня так колыхнуло от появления этой новой красавицы? Вот вопрос.

Я вообще достаточно тупой, и на меня сложно влиять, я полная противоположность Киры. Она настолько чувствительна, что даже истерична. Я же устойчив до оупения. Но меня трясло два дня. Возможно, вибрации другого мира или другого сознания так повлияли на меня.

Кира заинтригована и согласна попытаться вызвать того, кто приходил, еще раз. Для выяснения. Сегодня пятница. Завтра Кира с семьей. Мы догово-

рились провести вместе воскресенье. Но в Москве снегопад. Видимости никакой. Можно только надеяться, что в воскресенье погода улучшится и будет видно луну. В этот раз эксперимент проведем у меня дома.

Кирилл».

Я встретил Киру в субботу вечером около ее дома. Приехал немного раньше, забыв, что в это время на дорогах пробок не бывает, и, пока она собиралась, прошелся вдоль противоположного дома, до подъезда, где когда-то жил Давид. Падал снег, засыпая припаркованные машины. Было тихо и снаружи благодаря снегу, который глушил звуки, и у меня внутри. Я не увидел ни большой черной «ауди» Давида, ни машину Адама, его охранника. Проминая снег на асфальте до мокрых следов, я подумал, что вот уже полгода, как нет Давида. Тень временно потеряла своего представителя в нашем мире и сейчас ищет другого... И все начнется заново? Или теперь этим представителем уже являюсь я? Кого я хочу увидеть, гипнотизируя Сенку луной? Зачем я это делаю? Рискую Кирой, которую я люблю и за которую готов отдать жизнь, что, возможно, когда-нибудь и придется сделать. Что толкает меня изнутри к этому очень рискованному эксперименту? Не Тень ли? Или никакой Тени никогда не было? Это только воспаленное воображение Давида, которое породило, а потом передало мне эту идею фикс о некоей фантастической Тени, бестелесном существе, ищущем проход в наш мир через Киру. Вот оно, сумасшествие. У меня были вопросы, только вопросы. Я снова переместил свое внимание на снег, двор с машинами и подъезд, где раньше жил Давид. Прислушался к вибрациям дома. Почувствовал обычный человеческий фон. Но есть

еще что-то. Сконцентрировался на этом. Вон там, где-то на одном из верхних этажей. Что-то здесь происходит. Что? Я прислушивался к ощущениям. Вибрации совсем другие, чем у Давида, но внимание направлено на Киру...

— Ну и где ты гуляешь? — Увидев меня, перебегающего улицу со стороны дома Давида, Кира неодобрительно покачала головой.

Ночью мы устроили ужин со свечами.

Вечером следующего дня поднялся ветер, который разорвал тучи. В прогалинах на темном небе как будто летела луна. Показывая Кире магический шар, я услышал уже привычное: «Что это за народное творчество?». Угостил Сенку мандарином и подвел ее к окну. Увидев луну, Сенка замерла, потом у нее подкосились ноги и она повисла на мне. Это продолжалось совсем недолго. Не-Кира-не-Сенка резко оттолкнула меня и злыми испуганными глазами обвела комнату. Она была в панике. Заметалась по кухне. Я попытался приблизиться к ней, чтобы успокоить, но понял, что может дойти до рукоприкладства, и отошел к окну, решив охранять его. Моя гостья злилась, но пока, кажется, только на себя.

— Ну вот, доигралась. Ха-ха, доигралась. Вот оно мне надо было? Доигралась, ха-ха.

Я выжидал, контролируя окно. Через несколько минут Не-Кира-не-Сенка устала метаться и обреченно уселась на табуретку. Меня она игнорировала. Посидев немного с растерянным видом, начала осматривать кухню, а потом себя. Вытянула перед собой руки, посмотрела на ноги, потом опять на руки. Резко встала.

— Зеркало дай. Зеркало где?

— Первая дверь в коридоре — ванная.

Она ломанулась в ванную, я потихоньку за ней. Аккуратно заглянул. Не-Кира-не-Сенка уставилась в зеркало огромными глазами. Трогала свое лицо. Медленно поворачивала голову из стороны в сторону.

— Вроде я. А вроде не совсем я. Всегда хотела иметь такую грудь. — Она говорила сама с собой, игнорируя меня. — Волосы длинные... Причесочка... Хорошо... Просто симпатяга... А мне идет рыжий цвет...

— Ты кто? — Я решил напомнить о себе.

— Я кто? — Она продолжала любоваться собой. — Нет, ты кто?

— Меня зовут Го, а тебя, наверное, Сенка?

Она посмотрела на меня в зеркало, состроив мину, которая должна была мне показать, какую чушь я несу.

— Возможно, ты Кира. В таком случае я — Кирилл.

— Это уже ближе. — Так же через плечо.

— Расскажи мне о себе.

— Чего это я буду своему сну о себе рассказывать? — Она потрогала зеркало, стены, открыла воду, поставила под струю руку. — Уж очень все реально, реальней, чем в жизни. — Она вышла в прихожую и начала водить рукой по обоям. Закрыла глаза. — Обои, как настоящие. Неужели во сне такие же обои? Фактура... — Открыла глаза, отдернула руку. — Может, все-таки сон?

— Конечно, сон, — я поддакнул.

Мы вернулись на кухню. Я занял позицию у окна.

— А ну отойди, дай посмотреть.

— А ты обещаешь не делать резких движений?

— Слышь, ты, сон, ты мне условий не ставь. Дай посмотреть, может, там ничего и нет.

Я немного отошел, но стоял очень близко, чтобы, если она решит броситься из окна, успеть схватить ее.

— Город... Что за город?

— Москва.

— Значит, мы сейчас в Москве. Мне снится Москва. Что-то как-то слишком реально снится. — Она обернулась и наконец-то сфокусировалась на мне. — А ты что здесь делаешь, крепыш?

Меня так еще никто не называл, и я рассмеялся.

— Я здесь живу.

— Твоя квартирка?

— Моя...

— А я? Я что здесь делаю? Полуголая... — Она посмотрела на свои обнаженные ноги.

— Ты у меня в гостях. Ты моя девушка.

— Да ладно... На кой ты мне сдался, крепыш?

Я снова улыбнулся. Крепыш...

Показал ей наши с Кирой фотографии, которые она с большим интересом посмотрела. И, похоже, все больше и больше вникала в ситуацию, насколько это возможно в ее положении, все чаще поднимала на меня в недоумении глаза, в которых как будто начинало что-то просыпаться. Увидев фотографию Апреля, долго ее вертела в руках...

— Это мой сын? Апрель?

— Да, это Апрель. Ты, наверное, попала в свое будущее. — Не знаю, почему я так подумал. — У вас какой сейчас год?

— 198-й.

— А у нас 2005-й. — Я уже понял, что моя идея неверна. И решил поставить вопрос по-другому. — А Апрелью твоему сколько лет? У нас ему четырнадцать.

— И моему четырнадцать. — Не-Кира-не-Сенка находилась в растерянности.

— Так... Ты, как самая умная из нас двоих, придумай какое-нибудь объяснение.

— Какое объяснение, черт возьми? У меня восемь классов образования, да и те детдомовские. Я глупая и невежественная... А ты вообще мой сон... Как вот только из него выбраться... — Она снова разговаривала сама с собой.

— Я верну тебя, как ты только пожелаешь, вернее, когда мы закончим...

— Что закончим?

— Нашу беседу.

— Куда вернешь?

— К тебе, в твой мир. К твоему Апрелью.

— Так это ты все устроил?

— Ну, да. Можно сказать, что я.

— Врешь. — Она сжала кулаки. — Пускай это и не сон... Но ты здесь ни при чем. Это Рашид. Он попросил меня согласиться поучаствовать в его экспериментах. Он хороший, добрый и очень умный, и хорошо ко мне относится, да и братья просили... В общем, я согласилась. Он обещал мне, что я смогу узнать что-нибудь о своих родителях, да и вообще о себе... Кто я? Откуда? — Она как будто подобрела. — Так что если это не сон, то галлюцинация, вызванная неопробованными препаратами... Или его этими дурацкими проводами, к которым он меня цепляет... — Она с надеждой посмотрела на меня. С надеждой на то, что я подтвержу, что я — галлюцинация.

Вместо этого я спросил.

— Ты одна с учителем? Или с тобой еще кто?

— Давид с Данилом... Это мои друзья. Братья Ардо.

— Я в курсе. Кира тоже их хорошо знает.
Вот как! Выходит, что Давид еще жив...

Постепенно Кира-2, как я назвал для себя гостью, более-менее успокоилась, вернее, как мне кажется, отдалась ситуации, надеясь, что все решится само собою. Единственная вещь, с которой она никак не могла смириться, это тот факт, что ее вызвал я. Она даже сказала, что в детстве сама могла вызывать людей из ниоткуда, но ее никто никогда никуда не утягивал. Мы перебрались на диван в комнату и, усевшись в разных углах, разговаривали. Ко мне Кира-2 относилась с недоверием, но интерес пересиливал. Я рассказывал ей о Кире, о ее родителях, о сыне, о знакомых, все, что знал. Она не верила, но слушала. В качестве ответного хода говорила о себе. Оказалось, что она сейчас в горах, в гостях у братьев Ардо. Катается на доске. Вернее, катается она плохо в отличие от Киры и поэтому редко, и то только потому, что несолидно приехать на горнолыжный курорт и не выходить на гору. А в основном ведет веселую жизнь. Дискотеки, бары, мужчины. И учитель Рашид тут же, как лучший друг братьев, а теперь и Кирин — философ, врач, парапсихолог...

Я внимательно вглядывался в новую Киру. Удивительно, но черты ее лица казались мельче и четче. Изменилась манера поведения, жесты, взгляды, позы. Передо мной сидел совсем другой человек. Вместо капризной, избалованной, демонстративной и очень непростой девушки я разговаривал теперь с легким и простым, даже компанейским созданием. О таких часто говорят: свой парень. И говорила она совсем по-другому. Коротко, отрывисто, жестикулируя.

— А что мне делать-то? Ничего не умею. Ничего не знаю. Спорт бросила. Бегать больше не хочу... Вот

весь год переезжаю с курорта на курорт. То на море, то в горы. — Она как-то странно в меня всматривалась... — Слушай, крепыш. А я тебя узнала... Точно! — Она вскочила с дивана и направилась ко мне, указывая на меня пальцем. — Ты... Ну, как там тебя... Сейчас, сейчас... Ну, олимпийский чемпион наш единственный... Лемм. Кирилл Лемм. Точно. Это ж надо...

— Да, он. Только я не олимпийский чемпион.

— А какая разница, это же сон, или бред. Я, кстати, тоже Европу два раза брала, зимнюю. На 60 метров.

— А как же ты меня не сразу узнала? Мы же с тобой должны были быть хорошо знакомы.

— Да, ты прав. Очень хорошо знакомы. Только... — Она как будто что-то вспоминала. — Мы не были близки, даже ни разу не переспали, а всячески избегали друг друга. А потом... Ты очень изменился... Я ведь уже давно закончила, да и ты тоже... — Она осеклась. — Вернее, наш Кирилл тоже сразу после Олимпиады ушел, лет десять назад. И с той поры мы не виделись. Так что портретного сходства особого нет. Просто я вдруг поняла, что ты — это он.

Похоже, это открытие ее воодушевило и немного успокоило. Она залезла на диван с ногами.

— Кстати, дней за пять-шесть до моего прихода сюда... — Она осеклась. — Ну, до этой галлюцинации была еще одна. Маленькая. Я тогда тоже под проводами лежала у Рашида. Не в курсе?

— В курсе. Значит, это ты была... Мы тогда на Воробьевых горах гуляли. Ты в тот первый раз ничего толком сказать не могла, только на фонари показывала.

— Угадал. Знаешь, так случается. Во сне. Все так замедленно и тяжело. Как будто пространство текучее и плотное. Хочешь побежать, а не можешь, хочешь за-

кричать, а голос в горле застревает. Как будто тело не твое. Но про фонари это ты правильно сказал. Были фонари. Я еще думала, откуда они взялись, фонари эти? Такие огромные... Хотя если это сон, или галлюцинация, то естественно ты... — Она ткнула в меня пальцем. — Ты же часть моего сна... Ты можешь знать, что происходило раньше. В другом сне. Так?

— Так.

— И ты хочешь сказать, что тогда, в том сне, ты тоже меня позвал, крепыш?

— Хочу.

— Ты очень высокого мнения о себе. Почему-то я здесь у тебя только тогда, когда со мной Рашид работает. Тебе не кажется это странным?

Я промолчал. Но она, видимо, и не ждала ответа. И продолжала сама с собой.

— Вообще-то он со мной уже лет пять экспериментирует. И вот только сейчас стало получаться. — Она посмотрела на меня с подозрением и, как мне показалось, с надеждой. — Он чуть не умер от счастья в первый раз. Ну, когда я фонари видела... А ты говоришь, что он ни при чем...

— Ладно, Кирочка, не бери в голову. Я же сон, твой сон, какой с меня спрос. Кстати, как у вас Давид себя чувствует?

— Хорошо чувствует. А что с ним будет-то? От меня ни на минуту не отходит. Всегда рядом.

— Интересно. А у тебя паспорт и ноутбук случайно не пропадали в последнее время?

— Кражи были в гостинице, ноутбук украли. Да. Еще камеру. Три пачки сигарет. И точилку.

— Какую еще точилку?

— Кант у сноуборда затачивать. Или на лыжах. Апрель ей часто пользуется. Я нет...

— А паспорт?

— Паспорт у администратора лежит.

— Будь добра, послушайся совета своего сна, сходи и возьми его. Я о паспорте. Скажи, что хочешь билет купить. На самолет.

Кира-2 не очень-то слушала меня. Она рассматривала картины на стенах, пренебрежительно скривив губы.

— Это мы с тобой рисуем. Вместе, — прокомментировал я.

— Вот эту лабуду? Ну-ну. Вон та, — она указала пальцем на картину, которую нарисовала Сенка, — еще ничего. Мне нравится. А остальное... Ничего не понять... Вот здесь... Твои портреты. Похоже. Хорошо. — И, как будто что-то вспомнив, совсем не к месту. — Но ты учти, что я сейчас в горах. — Она, видимо, никак не могла решить, вступать со мной в серьезный разговор и таким образом признать реальность происходящего или нет.

— Нет, ты сейчас в Москве.

— Нет, я сейчас в горах.

— Ладно-ладно, какая разница, я согласен, что ты сейчас в горах. Кофе хочешь? — Я подумал, что лучше не спорить на тему, в которой я и сам пока не разобрался. Да и кофе попить тоже не помешало бы, чтобы немного улеглось напряжение.

— А вот и хочу! Может, у тебя и трава есть? А сигареты? — Видно, Кире-2 тоже хотелось отвлечься.

Трава отсутствовала, как и сигареты, — моя Кира не курила, я тоже, пришлось довольствоваться коньяком с кофе.

Постепенно Кира-2 более-менее успокоилась. Особенно когда мы вспомнили спортивную жизнь, в которой нашлось много общего. Я показал фотографии своих знакомых. Некоторых она узнавала с трудом. Других — сразу. Разглядывала с удовольствием, смея-

лась. Я понял, что для нее эти фотографии были своего рода шаржами на людей, которых она хорошо знала. Все было так, да не так. Она видела тех же, но других. Своих, но чужих. Думаю, это ее еще больше убедило, что все вокруг ненастоящее, что то, что происходит, — галлюцинация, или сон. Она узнала многих, почти всех. Но как в кривом зеркале комнаты смеха. Мы обсуждали людей на фотографиях. Она говорила, что с ними стало в ее мире, а я в свою очередь рассказывал, кто они есть. Кто-то из звезды превратился в рядового спортсмена, а кто-то — наоборот. Кто-то спился, кто-то разбогател. Кто-то преуспел совсем в другом деле.

Расслабившись от подобных воспоминаний и сопоставлений, опьянев от коньяка, Кира сделалась намного более словоохотливой и стала рассказывать о себе. Оказалось, что она не помнит своих родителей, как будто их и не было вовсе. Ее самые первые воспоминания — это детдом. Самый обычный и поэтому страшный. Это те чувства и эмоции, которые остались на всю жизнь и которые диктовали ее отношение и поведение до сих пор. Это было заметно по тону, которым она говорила об этой части своей жизни. Я молчал и слушал, и чувствовал грусть.

Из детского дома ее вытащил тренер по легкой атлетике, впечатлившись ее беговыми качествами. Она попала в спортивный интернат, где жизнь ее, можно сказать, наладилась. По крайней мере, она теперь была сыта и одета. Впрочем, и всем остальным тоже была довольна. Она сказала, что это был рай по сравнению с детским домом. После этого ее жизнь шла по сравнительно обычному руслу, но годы, проведенные в детском доме, навсегда определили изрезанные берега.

— Когда нас наказывали, то ставили голыми на колени на холодный кафельный пол в туалете. Некоторые стали инвалидами, застудив себе суставы.

— А чем ты занимаешься, что любишь? Музыка слушаешь? — я перевел разговор с несчастного детства. — У нас с Кирой любимая группа «Тайгерсы». Знаешь такую?

— Нет, не знаю. Можешь включить?

Я поставил диск.

Murder is easy,

Murder is fan,

Murder is better than sex

I always come*.

На моем любимом диске «Тайгерсы» всегда в ударе. Машина времени в своем роде.

— А, тигровые лилии. Да, я знаю. Мне тоже нравится. Включи громче, давай покричим. Я не понимаю, чего они там поют, но иногда люблю включить громко и покричать вместе с ними. Лучше всего при этом прыгать на кровати.

Кровати у меня в квартире не нашлось. Поэтому кричать пришлось без нее. Конечно, нам было далеко до фальцета Мартина Жака, но удовольствия, я думаю, мы получили от этого не меньше.

Когда я сделал музыку тише, мы посмотрели друг на друга немного другими глазами. Все-таки совместный труд сближает, особенно пение.

— Я всегда делаю то, что хочу. И не скрываю своих желаний. — Она уверенно направилась ко мне. — В жизни. А в своем сне уж и подавно мне никто не запретит делать, что хочу. А хочу я теперь тебя. Очень. Вообще, секс — это, пожалуй, единственное, что я умею делать хорошо. Ты увидишь. И оценишь. Я не сомневаюсь. — Она приблизилась ко мне

* Убивать просто,
Убивать здорово,
Это приятнее секса,
И я всегда прихожу, чтобы сделать это. (англ.)

вплотную, обняла уверенно, но вместе с тем нежно, и начала целовать мою грудь, стаскивая с меня рубашку. Я опешил только в первый момент. Но потом сразу принял условия игры. Да и как можно не принять. Такие условия... Такие выгодные условия. В ней проснулась какая-то властная сила. Она вела, я велся. И получал от этого удовольствие. Неслыханное. Я закрыл глаза. Это была не Кира. Не моя Кира. Это была совсем другая девушка. Все, что она делала со мной и я, ведомый, делал с ней, отличалось от того, что мы делали с Кирой. Было в этом что-то нереальное. И тут я осознал, какие глубины таит в себе моя Кира. Уже и сам стал подумывать, не сплю ли я. Но потом отключил мысли и отдался ситуации. Думать будем потом. Позже.

Мы лежали на диване, и моя новая Кира рассуждала как бы сама с собой, какой реальный у нее получился сон. В чем-то даже реальней реальности. Ощущения сильнее, чем в жизни. Вторая удача Рашида подряд. Интересно, а он теперь все время сможет ей такие галлюцинации устраивать? Она ехидно смотрела на меня и ждала возражений, но я не протестовал, потому что и сам не понимал, что происходит. Необходимо время для осмысления. Я попросил ее внимательно послушать, что я скажу. Я не настаивал на выполнении моей просьбы. Но очень просил прислушаться. Я тогда уже понял, что на нее нельзя давить. Ее нужно убедить поступить правильно. Я сказал, что не следует никому ничего рассказывать. Ни учителю, ни братьям, никому. Нужно, не откладывая, купить билет на самолет и постараться улететь в Москву. Почему постараться? Что в этом сложного? А то, что с ней может произойти то же самое, что и с Кирой год назад. И покинуть горы на этот раз может оказаться сложной, почти невыполнимой задачей. Возможно,

за билетом вызовется поехать Данил, и его машина упадет в пропасть. Он не погибнет, но будет лежать в коме в больнице. И тогда ее попросят задержаться, чтобы на первых порах помочь Давиду с делами, да и из чувства сострадания. Она так растрогается и будет винить себя во всем, что сама останется. Дальше — больше. Ее всеми путями попытаются оставить в горах навсегда. Уговорами, лаской, силой, любовью, обещаниями. Я не стал углубляться в подробности событий годичной давности, хотя мне было что рассказать...

На обратном пути в гостиницу на перевале Данил не справился с управлением на скользкой дороге, машина пролетела по камням больше двадцати метров и повисла над пропастью. Данил выжил, но лежал теперь без сознания в единственной городской клинике. Клиника, правда, в результате этого чудесным образом преобразилась. Появились вазы с цветами, новые занавески и оступевшие охранники. Озабоченные врачи и перепуганные медсестры только и говорили о том, что у них лежит Ардо, собственной персоной. Кира с Давидом отвезли Апрелья в аэропорт, посадили в самолет и пожелали пятерок. Кира пообещала прилететь, как только Данилу станет лучше. Апрель помахал рукой любимой мамочке, подмигнул Давиду и скрылся за турникетом.

Дни тянулись угрюмой вереницей. Давид помрачнел и, казалось, разозлился, развлекаясь по вечерам обслуживанием туристов, стоя за барной стойкой и время от времени делая попытки привлечь к этой работе Киру, ссылаясь на отсутствие Данила и наплыв постояльцев. В горы Кира поднималась теперь в основном со своими налетевшими с разных концов

света на хорошую погоду и безумное солнце друзьями. Давид иногда присоединялся к их шумной и пестрой компании, но чувствовал себя в ней, похоже, неуютно. Или делал вид, что ему неуютно. Раз в несколько дней он и Кира уезжали в город навестить все еще не пришедшего в сознание Данила. После этого они обычно заезжали в гости к семье Ардо, состоящей, как оказалось, из тридцати двух человек, включая стариков и детей, и занимающей огромный особняк на окраине, окруженный старым парком. Когда Кира проходила сквозь строй разновозрастной толпы Ардо, которую объединяло чувство сострадания к их главному кормильцу (Данил обладал контрольным пакетом акций семьи, являясь первенцем, тогда как Давид задержался в утробе на двадцать минут, передав тем самым все права в тогда еще не окрепшие руки первого вырвавшегося на свет отпрыска Ардо) и чувство ненависти к якобы виновнице случившегося, то есть к Кире, ее прошибал ледяной холод. Они угрожающе шептались на непонятном Кире языке, разглядывали ее и показывали на нее пальцами. Давид, правда, пресекал подобное выражение переполняющих его многочисленных родственников противоречивых чувств, но как-то нехотя и неуверенно. Кира мгновенно потеряла всякое сострадание к ним, увидев их вблизи.

В один из таких приездов она была приглашена в кабинет отца, где ее встретил хозяин дома с супругой. Родителям Ардо на первый взгляд было не больше шестидесяти, да и то с натяжкой. Выглядели они бодро и свежо, несмотря на скорбный вид. Мать сидела в кресле, облаченная в длинное черное платье, на ногах — туфли из змеиной кожи неопределенного цвета, на высоком каблуке, в худой руке у нее был мундштук с папиросой. Она курила. Из глу-

бины ее скорби веяло холодом и тяжелой, пока еще не вышедшей на поверхность и незаметной окружающим, болезнью. Незаметной всем, кроме Киры. Рядом с массивным, угрожающе огромным дубовым столом стоял одетый в черное отец, как будто не решаясь сесть в покоившееся рядом агрессивно настроенное внушительных размеров кресло. Казалось, оно раскрыло пасть из красного бархата обивки и ждет свою очередную жертву, чтобы поглотить ее мякоть и кости в мощном дубовом желудке. Но черный человек спокойно сел в кресло, которое не только не сожрало его в ту же минуту, но даже как-то виновато скрипнуло и сжалось под тяжестью своего хозяина. Черные глаза сверлили Киру неосведомленность, черные мысли повисли в воздухе тяжелой паутиной. Когда тишина готова была взорваться, черный человек жестом пригласил Киру сесть в изящное приветливое кресло, видимо, с большой неохотой стоящее рядом с уже укрощенным столом. Кира, не раздумывая, села, стараясь выглядеть как можно более непринужденно.

После состоявшегося впоследствии разговора Кира долго убеждала себя, что это был сон. Родители Ардо в здравом уме и твердой памяти предложили подписать Кире составленный на трех языках и по всей форме брачный договор, по которому она становилась женой Данила со всеми вытекающими. А поскольку Данил оставался все еще без сознания и не было причин считать, что это состояние в ближайшее время изменится, вытекало следующее: пока Данил не в состоянии исполнять супружеские и прочие обязанности по известным и не подлежащим сомнению причинам, Давид в полной мере будет замещать брата.

— Насколько я понимаю, — сказал черный человек, не сводя с Киры своих черных глаз, — ваши нежные отношения позволяют все это устроить. Если я правильно информирован, вы все трое более чем дружны.

— Были более чем дружны. А теперь мы просто дружны, — попыталась вставить Кира, но была проигнорирована.

— Ты ученая, — как будто не услышав Кирино замечания, продолжал черный человек, — шустрая и вполне воспитанная девушка, чтобы понять меня правильно, и пока Данил не с нами, можешь достойно заменить его по многим вопросам. Сейчас очень трудно найти надежного человека...

Он перевел взгляд на жену. Она одобрительно кивнула. Черный человек зашелестел бумагами и начал зачитывать Кире имеющиеся, по его мнению, первостепенные пункты договора. Кира пыталась не дать охватившей растерянности начать проступать пятнами на ее лице. Согласно договору, дети, рожденные от Давида, признаются Данилом своими собственными и обладают такими же наследственными правами, как и родные (если таковые, конечно, появятся), кроме того, уже имеющийся сын Киры Апрель усыновляется и также имеет равные с другими права. На этом месте черный человек великодушно посмотрел на Киру. Далее подробнейшим образом описывалось Кирино наследство. Но она уже не слушала. Она думала о причинах, побудивших этих черных людей предлагать ей подобное, но ничего не придумала.

— Спасибо, конечно, — сказала она вежливо и сдержанно, когда вновь нависшая тишина прервала ее тяжелое раздумье. — Но замужество не входит в мои планы.

Черный человек чуть-чуть привстал, какая-то фраза, казалось, готова была слететь с его губ, но черная женщина, будто в невидимом искусном змеином прыжке, опередила его и спокойно произнесла.

— *А вы все же подумайте. Мы подождем...*

Она смотрела на меня с недоверием, перемешанным с интересом.

— Надеюсь, что этого с тобой не произойдет, — не глядя на нее, сказал я. — Но если вдруг что-то подобное случится, пожалуйста, разыщи меня. Там, у себя. Кирилла Лемма. И вообще, найди меня в любом случае. Я пригожусь тебе.

— Звучишь прям, как золотая рыбка. «Не губи меня, я еще пригожусь тебе...» — Кира пыталась веселиться, но ей было несмешно.

Я назвал свои телефоны и электронные почтовые ящики, хотя понимал, что полное совпадение маловероятно. Пускай попробует. Нет — значит, надо искать через общих знакомых.

Вечером я рассказал обо всем своей Кире.

— Бедненькая. — У Киры слезы текли ручьями. — Я в детстве больше всего этого боялась. Как я боялась детдома. Ты представить себе не можешь. Как же она там? Без тебя...

Я пытался задавать Кире вопросы о том, откуда может взяться и как проявиться здесь Кира-2. Кира пыталась отшутиться. Говорила, что нет ничего, кроме ее собственного болезненного измененного сознания. Что ее болезнь и кривая психика поймали меня в свою ловушку. Это звучало неубедительно. Я видел и общался с Кирой-2. Это была совсем другая девушка, со своей собственной историей.

— Неубедительно, — сказал я.

Она пожала плечами.

— Ты хочешь услышать от меня что-нибудь про параллельные миры или другие реальности?

— Хочу. И желательно что-то убедительное.

— Убедительно не получится.

— Ну тогда хоть как-то...

Она рассказала мне о математических параллельных мирах. Не о тех, которые есть, а о тех, существование которых вытекает из математических формул и длинных выкладок. Таких миров должно быть бесконечное множество. Есть близкие — очень похожие на наш. Есть совсем одинаковые — близнецы. Есть далекие, сильно отличающиеся. Мы живем одновременно во всех. Потому что любой из нас — многомерное существо. Но сознание наше трехмерно и видит и действует только в прямолинейно текущем времени. Оно не может охватить время, а может лишь по нему перемещаться в одном направлении и соответственно ощущать и проявлять только одну реальность из множества параллельных. Таким образом, наше ограниченное сознание проходит через точки существования. Но реальны мы только как сумма по всем параллелям. А отдельно взятая жизнь не существует, поскольку зависит от линейного времени, которого нет в вечности.

— И где-то там, — она сделала неопределенное движение рукой, — есть мир, где мы познакомились намного раньше. И у нас есть ребенок. Или два.

— Или три, — сказал я.

Кира называла выходные зеленой полосой. А будни — желтой. И мелькали эти полосы одна за другой,

то замедляясь, то учащая свое движение. Желтый, зеленый, желтый, зеленый. Желтый, зеленый, красный. Красный появлялся не часто, но всегда означал какое-нибудь неудобство или неприятность, выходящую за рамки желто-зеленого мира. Красным высвечивались скандалы с Олегом, ссоры с мамой, различные энергетические нападения и влияния. Красным горел учитель Рашид со своими учениками и удалившийся на время Максим. Даже несмотря на то что Кира не смогла удержаться и, когда Рашид напал на нее и Кириллу после смерти Давида, сместила его восприятие и всей его группы, время от времени она все же чувствовала его внимание. И внимание Данила. Данила она пожалела. И зря. Возможно, именно он вернул Рашиду память...

В один из зеленых выходных произошло событие, которое Кира отнесла сначала к разряду красных, но немного поразмыслив, все-таки придала ему зеленый цвет. Кириллу каким-то образом удалось через Сенку войти в контакт с другой Кирой. Такой же, но другой. Сначала Кира отнеслась весьма скептически к сообщению Кириллы. У нее извращенное и большое, переделанное и перестроенное всем кому не лень сознание. Мало ли что там можно увидеть. Но по мере того как Кирилл все более посвящал ее в подробности, вырисовывающаяся картина становилась стройной, логичной и похожей на правду. Кирилл вводил Сенку в состояние, в котором проявлялась Кира из другого мира, Кира-2, как ее назвал Кирилл. Кира старалась не давать оценок случившемуся, не пытаться домыслить, откуда взялась эта Кира-2, хотя было очевидно, что она из другой реальности. Параллельной или перпендикулярной — не суть. Из другой. И, вероятно, далекой. Далекой, потому что история Киры-2 очень уж сильно отличалась от жизни Киры. Близкие реальности не могут

нести на себе подобные отягощения. Близкие — как близнецы. То, что проявилась такая далекая реальность, наводило на размышления. Но мыслить Кира не хотела. Она устала. Устала от невыносимой и беспредельной метафизики своей жизни. Да к тому же была абсолютно уверена, что это не поможет. Ограничения, которые накладывает сознание на видение и мыслительный процесс, настолько искажают картину истины, что все попытки выйти за пределы видимой реальности становятся совершенно бесполезными.

Глава 8

Ограничение всегда приключение.
Глубже ограничение —
Острее ощущения.
Цвет, свет,
Боль, удовольствие,
Исключительность,
Страх, блаженство.
Что неограниченно,
То безгранично.
Без вкуса и запаха.

То, что рассказывал Кирилл, часто вызывало у Киры даже слезы. Было жалко себя. Ту, которая не она. Ту, которая и она тоже. Кира-2 не знала своих родителей. Все, что она помнит — это детдом. Хорошо, что хоть московский, а не какой-нибудь тьмутараканский. Что могло случиться? Почему родители отдали ее в детдом? Впрочем, могли... По крайней мере, отец. Он не хотел мириться с Кириными необычными способностями, занимая такую должность и ненавидя своего «свекра-колдуна». Нет, мама не позволила бы. Что-нибудь придумала бы. Хотя бы навещала. Или посылала бы кого-то навещать... А к Кире-2 никто никогда не приходил. Даже соседи и друзья. Их просто не было... А может, с родителями что-то случилось?

Размышляя подобным образом, Кира вдруг осознала, что она, собственно, тоже почти как детдомовская. Что толку, что у нее были родители. Их как будто и не было. Она все равно училась и жила в интернате.

Ну вообще-то интернат — не детдом. Интернат был классный.

Интернат для детей, чьи родители служат народу и ведут этот самый народ за собой, часто, правда, находясь при этом далеко за пределами своей тогда еще необъятной родины. Интернат, где все и всё на виду, где учителей и воспитателей больше, чем учеников, на завтрак икра, на обед черепаховый суп, на ужин осетрина под соусом из белого сыра и грибов. Родители только снятся. Впрочем, Кире они даже и не снились. В силу своей прозорливой профессии отец Киры, заметив и по-своему объяснив Кирины особенности, решил избавиться от нее как можно раньше. Мать не возражала. Кира, будучи четвертым и самым младшим ребенком в семье, была для нее непосильной ношей, мешавшей отдаваться всевозможным удовольствиям и преходящим радостям.

Киру мучило от одиночества; тоска и отчаяние наваливались и накрывали ее хрупкое существо, замутняли сознание, особенно по праздникам, когда других детей забирали родители или родственники. Друг Сандро, маленький, но крепкий мальчик с похожей судьбой, с голубыми глазами, с черными как смоль волосами, с беспредельным желанием прийти Кире на помощь, и его дед Георгий, часто навещавший их в интернате, спасали ее детскую неприкаянную душу своим присутствием в ее жизни и участием.

Два высших образования Киры против восьми классов Киры-2 отдаляли реальности, пожалуй, больше всего. Да и то, что Кира-2 стала выдающейся спортсменкой, спринтером, и знала Кирилла давно, но была с ним не близка, не дружна, не давало Кире покоя, и она часто возвращалась мысленно к этому обстоятельству.

С другой стороны, Кира-2 родила Апреля в тот же год и в тот же день и тоже от Олега. Здесь все сходилось до мелочей. Были у них и общие друзья и подруги. Причем немало. Кира-2, перестав заниматься легкой атлетикой, обратилась к сноуборду, правда, не преуспев в этом занятии, как Кира. И вот здесь начинается самое интересное. Она едет в горы и знакомится там с братьями Ардо. С запозданием лет на пять относительно Кире, но это не мешает Кире-2 сблизиться с ними настолько, насколько была близка с ними и Кира. Более того, Кира-2 входит в непосредственный контакт с учителем Рашидом, и он даже уговаривает ее на проведение экспериментов. И она соглашается. Она с ним дружна до такой степени, что не может ему отказать.

Кира же никогда не общалась с учителем. Братья ей много про него рассказывали и просили ее о встрече с ним. Она не горела желанием. С ней часто пытались познакомиться люди, увлекающиеся парапсихологией и эзотерикой, люди ищущие, но не нашедшие. Она всегда уклонялась от подобных контактов. И вообще ее это не интересовало уже давно, а только напрягало. Учителя Рашида ей пришлось вычислять уже потом, когда он попытался использовать силу, чтобы привести Киру к себе. И самое главное. Там был жив Давид. Ну, естественно, Кира-2 не могла его убить, да и незачем ей. Она ничего про себя не знает и не понимает. И сама поддается для исследований. Кира же всеми доступными способами пытается избежать любых экспериментов над собой. Собственно, именно по этой причине ее теперешняя жизнь похожа на игру «догонялки», которая при благоприятном раскладе для догоняющих Киру обещает превратиться в игру «доктор», или «Джек Потрошитель». И если учитель Рашид и там интересуется ею и Кира-2 для него представляет такой же интерес, как и здесь, значит, и в той реальности ее структура то-

же необычна. Значит, и там она «дверь». Только в отличие от Киры даже не представляет, что в ней находится. Зато это хорошо представляет учитель. Откуда у него такие сведения? Ведь там у нее нет истории. Вернее, есть. Но эта история сводится к детскому дому. Кира не помнит своих родителей, и по документам их как будто и вовсе не было. Выходит, что-то было... И то, что было, судя по всему, хорошо известно тамошнему учителю Рашиду.

А братья? Они также полностью под его влиянием? Похоже, что да.

И здесь у нее возникло желание. Как будто резко захотелось есть или пить. И сил нет терпеть. Желание проникнуть в ту реальность... Она попыталась наступить на него и раздавить. Оно треснуло. И потеряло свою целостность и силу... Но осталось. Где-то далеко.

И оттуда, издалека, оно постоянно тянуло свои длинные руки.

«Только одним глазком», — сказала себе Кира. Сказала и начала искать эту далекую, невероятную, странную реальность. Но если бы это было так просто, это не было бы так заманчиво. Было не просто. И она не нашла. Вернее, нашла совсем не то, что искала.

Она ощутила блаженство. Точнее, блаженством было отсутствие каких бы то ни было ощущений — тревоги, напряжения, ожидания, шума тела и мыслей. Не было ничего. Было парение отсутствия. Это состояние почти невозможно описать. Оно восхитительно. Само по себе. И ничего не хочется, хотя ничего и нет. Первый раз за все время разнообразных экспериментов над своим сознанием ей было так хорошо. И не было этому хорошо никакой причины. И не нужна была причина. И когда перед ней возник он, она не пережила ни удивления, ни радости. Было все то же самое ничем не вызванное блаженство, которое с его устойчивой пози-

ции ничто не могло хоть чуть-чуть сдвинуть. Хоть самую малость. Он был ничем и никем. Она не могла его описать и зафиксировать. Она просто знала, что он с ней, что он говорит с ней. Он был Кириллом и в то же время кем-то совсем иным. Он был Го. Но она также знала, что у него еще много имен.

Это был ее второй раз посещения мира Сенки и общения с Го. Она так и не поняла, как именно это получилось. То ли она своим невероятным усилием в поисках новой реальности прорвалась туда, то ли Го пригласил ее на чай, только после этого ее желание проникнуть в реальность Киры-2 действительно пропало. Не просто треснуло и потеряло силу. А исчезло. Если не навсегда, то на какое-то время точно. С другой стороны, ей захотелось к Го. Или неважно к кому. Туда, где так спокойно и замечательно. Но больше не получалось...

Зато получалось у Кирилла. Он открывал переход и гонял девчонок туда-сюда как хотел и когда хотел. И, похоже, ему нравилось. Кому же не понравится? Кира сначала ревновала и к Сенке, и к Кире-2, потом, убедив себя, что это все равно она же, почти успокоилась и даже стала поручать им работу, которую сама не очень-то хотела делать. Сенке нравилось все. И ходить по магазинам, и мыть посуду, и ездить с Кириллом в офис. Кира-2 была, конечно, потребовательнее, но и она часто соглашалась на все, чтобы побыть здесь.

История с последней занимала ее даже больше, чем с первой. Была ей ближе. И Кира чувствовала какую-то внутреннюю заинтересованность в жизни своей близняшки. Кирилла же мучила проблема устройства мира. Он и раньше все время копал в этом направлении, вызывая Киру на длинные философские разговоры о бесконечности Вселенной и ограниченности сознания, о времени, о других мирах, об их множественности и взаимодействии. Теперь же копал все глубже, пы-

таясь зацепиться за что-то, что он хорошо знал и в чем разбирался, чтобы потом быть в состоянии самому спокойно обдумать и придумать, придумать, например, новую теорию; найти ответ, ответ на вопросы, которые копились и больно толкались в его голове, шумели и не давали покоя.

— Вот смотри, Сенка, Кира-2, — они же реальные. Абсолютно реальные. Ничуть не менее реальны, чем ты.

— Само собой. — Кира сделала хитрое лицо. — Для тебя.

— На что ты намекаешь?

— Только на то, что они реальны только для тебя.

— Ты хочешь сказать, что если рядом со мной будет еще кто-то, для него они не будут реальными?

— Для него буду реальной только я. И мое раздвоение личности. Или мое сумасшествие.

— Хорошо. А если рядом будет Муслим?

— Ну, тогда для вас двоих.

— То есть для всех тех, кто понимает и знает. Для тех, чье сознание и знание соответствуют определенному уровню.

— Ну да.

— Следовательно, сознание формирует реальность.

— Видит дальше тот, у кого зрение острее. Или бинокль мощнее. — Кира засмеялась.

Кирилл не стал развивать тему технических приспособлений, прекрасно понимая, куда клонит Кира. Он выдержал паузу, принес из кухни бутылку вина и продолжал.

— Хорошо. А что говорит наука?

— У нас сыр есть?

— Принести?

— И яблоко порежь...

— Наука бывает разная... — Кира аккуратно щелкнула своим бокалом по бокалу Кирилла. — За нас... Физика. Метафизика. Чего изволите?

— А что есть?

Кира задумалась.

— Теорема Белла.

— Опять?

— Снова. Без нее никуда. В общем, она единственная пытается доказать научность метафизики... Впрочем, давай издалека.

— Прекрасное далёко... — запел Кирилл.

— Далёко под названием ЭРП.

— Что это за зверь?

— Скорее, звери. Господа Эйнштейн, Розен и Подольский обнаружили интереснейший парадокс. Совершенно ЭРП. Только я переименовала в РЭП.

— Ты ведь не любишь РЭП.

— Все лучше, чем ЭРП. Произносить удобнее. Да и привычнее.

— РЭП так РЭП. И что у нас с РЭПом?

— Он гласит, что если квантовая механика имеет место быть, то есть верна и работает, то некоторые частицы могут мгновенно входить в контакт, даже находясь на противоположных концах Вселенной...

— Что значит «некоторые»? Это совсем не научный подход.

— Некоторые — это те, которые хотя бы один раз когда-нибудь были в физическом контакте. Но это неважно.

— Как это неважно? Здесь все важно!

— Если принять теорию большого взрыва как верную... Впрочем, это даже необязательно. Можно просто считать, что вся материя когда-то соприкасалась.

— Логично...

— Ну, тогда все частицы контактировали хотя бы единожды... Но подобное взаимодействие, то есть мгновенный контакт сквозь галактики, во-первых, не имеет научного объяснения, и это чистая метафизика, а во-вторых, оно противоречит уравнениям специальной теории относительности, которая ограничивает все виды взаимодействия скоростью света.

— По-моему, ты начала очень издалека...

— Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко... — пропела Кира, подражая Кириллу. — А у тебя есть основания предполагать, что твоя Сенка находится где-то ближе?

Кирилл улыбнулся. Его лицо всегда принимало выражение радостного умиления, когда речь заходила о Сенке.

— Ну да. — Кивнул он. — Она явно не ограничивает себя скоростью света.

— Так вот. Сначала РЭП хотел свести к абсурду квантовую теорию.

— Как интересно. Только зачем?

Кира задумалась. Кирилл уже хотел снять свой вопрос, но она продолжала:

— Ну, у них там, как и всегда у всех, имелись свои заморочки. Эйнштейна, например, совершенно не устраивал принцип неопределенности Гейзенберга и уравнение Шрёдингера.

— Как это?

— Они, уравнения эти, вносили в микромир нездоровую неопределенность.

— А может, именно здоровую?

— Может. Но только Эйнштейн был уверен, что Бог не мог допустить, чтобы мир электронов так сильно отличался от обычного мира вокруг нас. Достаточно долго он всячески цеплялся и придирился к создателям квантовой механики. Находил и откапывал раз-

личные парадоксы, которые, как он считал, должны были завести его оппонентов-теоретиков в тупик. Больше всего он негодовал по поводу необходимости описывать явления микромира в терминах вероятностных и волновых функций, а не просто с позиции обычных координат и скоростей частиц. Именно это он имел в виду, когда произнес свое знаменитое высказывание: «Господь Бог не играет в кости». Да и два других разработчика РЭПа — Розен и Подольский сомневались в необходимости присутствия во всех уравнениях квантовой механики вероятностного фактора. Данные о РЭПе были опубликованы в 1935 году.

— Это был эксперимент или теоретическая зарисовка?

— РЭП выводится строго математически из квантовой механики. Но ему предшествовал эксперимент.

— И ты можешь в двух словах...

— В двух могу. Но не более. В сильном магнитном поле была расщеплена частица атома, и оказалось, что разлетающиеся осколки мгновенно обладают информацией друг о друге. То есть между осколками распавшейся частицы сохраняется связь, вроде переносной рации, так что каждый в любой момент знает, где находится другой и что с ним происходит.

— «Первый», прием. Как слышите меня? «Первый», я тринадцатый. Как слышно? Прием...

— Что-то в этом духе. Так вот, с 1935 года была проведена куча экспериментальных исследований, указывающих на справедливость уравнений квантовой механики. Она прекрасно работает.

— А вероятностный фактор?

— И принцип неопределенности Гейзенберга и уравнение Шрёдингера — все имеет место быть.

— Получилось, что Господь Бог все же играет в кости?

— Поигрывает на досуге.

— Что же выходит?

— А выходит то, что эффекты парадокса РЭПа должны существовать — даже если они запрещены постулатами специальной теории относительности, поскольку и предпосылка, и вывод справедливы.

— Предпосылка — это то, что квантовая механика работает, а вывод — то, что частицы могут мгновенно входить в контакт, находясь на противоположных концах Вселенной?

— Совершенно верно.

— И что? Всех выручил Белл?

— Да нет. Не совсем выручил. Скорее ввел физиков в состояние неопределенности и прострации и вызвал яростные споры. В 1964 году он предложил три возможных варианта интерпретации эффекта РЭПа. Он предложил включить в новую физику хотя бы одну из трех альтернатив.

— «Хотя бы одну» — значит, что можно включить и две, и три?

— Можно-то можно. Но кто даст? И с одной-то проблемы. И одна-то никак не впихивается...

— И что за альтернативы?

— Первая — квантовая механика не работает. Вторая — объективная реальность не существует. И третья — принцип локальности не действует. Надо выбрать, по крайней мере, что-то одно.

— Но мы ведь остановились на том, что квантовая механика работает.

— Да. Но давай все же разберем все три.

— Не вопрос. Только ты мне как-то по-другому формулировала теорему Белла.

— А я тебе сейчас ее и не формулировала. Три альтернативы — это ее следствие. А формулируют ее обычно так: если некоторая объективная реальность существует и если уравнения квантовой механики структур-

но подобны этой реальности, то между двумя частицами, когда-либо входившими в контакт, существует некоторый вид нелокальной связи, проще говоря, связи магической. Или. Можно проще. Если принять, что существует мир, например в виде плоскости бильярдного стола, в этом мире находится материя, которая входила когда-либо в контакт (два шара на столе), и в нем действуют законы квантовой механики, то если мы повернем один шар на зеленом сукне этого мира, в тот же момент повернется и другой. Согласно нелокальной, или магической, связи. А поскольку мы приняли, что вся материя когда-то находилась в контакте, то получается, что любая частица в мире несет информацию о всей материи во Вселенной. То есть все связано со всем.

— Ну, такое понятие мира было высвечено еще задолго до квантовой механики и теоремы Белла. Чистой воды буддизм.

— Тебе виднее. Спорить не буду. Ты у меня знатный буддист.

— Дзен буддист. И вообще, я уже не он.

— Да? А кто?

— Никто. Не отвлекайся.

— Итак. Первый вариант. Мы на нем подробно останавливаться не будем. Поскольку экспериментальные данные говорят все-таки в пользу квантовой механики. Заметим только, что если она все-таки не работает, то не работает абсолютно и безоговорочно. То есть человечеству предстоит глобальное переосмысление, поскольку почти все теории современной физики зависят от того, справедлива ли квантовая механика или нет. Отказ от нее равносильен отречению от Бога. Ну, для тех, разумеется, у кого есть свой Бог. Во взглядах на мир изменится все, а не просто кое-что. Сол-Пол Сираг называет эту альтернативу «новой бильярдной моделью». Далее. Второй вариант. Мне самый близкий. По крайней мере, я живу именно в этом варианте.

— А я?

— Не знаю. Думаю, ты живешь со мной. Мы живем вместе.

— Хорошо бы...

— Итак. Если объективная реальность не существует, человечеству с его догмами и научными подходами тоже придется не сладко.

— Уточни, пожалуйста, свою объективную реальность. — Кирилл улыбнулся, как похотливый кот, намекая, видимо, на то, что из уст Киры объективная реальность вылетает уже совсем необъективной.

Кира стрельнула в него глазами.

— Под объективной реальностью я понимаю доктрину о том, что Вселенная существует отдельно от представлений или воли исследователя... Здесь мы имеем две модели.

— Здесь, это где?

— Где не существует объективная реальность.

— Понятно... Все ближе и ближе к Сенке... — Кирилл улыбнулся.

Кира посмотрела на него снисходительно, но не стала отвлекаться на его замечание.

— Первая — это модель «Вселенной-соучастницы», или «Вселенной, создаваемой наблюдателем». Ее предложили Гейзенберг и Уилер из Принстона.

— Гейзенберг Вернер? Это который лауреат Нобелевской премии? — Кирилл внимательно разглядывал Киру и наслаждался. Как она сейчас была активна и увлечена! Ни намек на ее вечное недовольство. Ни тени сомнения. Как бодренько она выступает. А память! Какая память! Ведь все помнит. Любо-дорого смотреть. И слушать. Вполне можно лекции читать.

— Он самый.

Кира сделала паузу, как будто ждала, пока Кирилл закончит свою мысль. И продолжала.

— Во «Вселенной-соучастнице» Гейзенберга до проведения измерений человеком квантовые явления существуют потенциально, а после проведения — реально. Потенциальность характеризуется странностью. Там время течет в обратном направлении, и там не применим ни один из обычных законов физики. Эти законы вступают в силу только после вмешательства человека, то есть проведения измерений. «Вселенная, создаваемая наблюдателем» Уилера, тоже изображает реальность как результат человекско-квантового взаимодействия. Но Уилер дополнительно вводит фактор вероятности, учитывающий, что моментальные взаимодействия РЭП способны повлиять на этот результат еще до проведения измерений. Это означает возможность существования психокинеза и иже с ним и объясняет любые странные события, от религиозных чудес до зеленых человечков. Здесь и «Сеть» Джано Уотса, и древняя шаманская вера в то, что Фрэзером было названо «законом последействия». У Кроули это «магическая связь».

Вторая модель, не опирающаяся на доктрину объективной реальности, это параллельные миры. Ее математическое обоснование сделал Уилер.

— Тот же самый?

— Да, он же. Согласно его расчетам более десяти в сотой степени вселенных существуют одновременно в различных измерениях.

— Более десяти в сотой степени — это число с очень большим количеством нулей... Ну о-о-очень. — Протянул Кирилл, видимо, подражая Сенкиной манере. Но Кира была настолько увлечена, что не нашла возможным отреагировать на его замечание.

— Каждая из этих вселенных настолько же совершенна и протяженна в пространстве и времени, как и

наша, и мы существуем в каждой из этих вселенных, но по-разному. Теория вечных повторений. Или возвращений. Яркий пример... Я говорю, возможно. Потому что, возможно, все и не так. Так вот, примером такого параллельного мира может служить мир Кирры-2. Все, что может вообще произойти, действительно происходит.

— А что не может?

— А что не может, не происходит.

— Это как?

— Ну, вот эта комната, например. Здесь возможны любые перестановки предметов, которые здесь находятся. Но невозможны перестановки предметов, которых здесь нет.

— Очень доходчиво.

— Сол-Пол Сираг говорит, что в соседней Вселенной он тоже физик, но занимается исследованиями в другой научной области. На пару вселенных дальше — он уже актер, который ушел из физики и больше в нее не вернулся. В другой Вселенной он умер в концентрационном лагере и в настоящем вообще не существует. Это вполне допустимая интерпретация проблемы. Я в этом несколько не сомневаюсь...

— Ну, это понятно...

— Да? Очень хорошо, что тебе понятно.

— Понятно, что ты не сомневаешься. И главное — приятно. Обычно сомнения опутывают тебя, как сетка канарейку. Очень радостно видеть тебя такой уверенной.

— Твоей радости недолго осталось радоваться. Я скоро закончу и опять упаду в сомнения.

— Думаешь, стоит?

— Не думаю. Это происходит автоматически.

— А это еще хуже... У нас же объявлен бой с автоматизмом и механистичностью. Есть над чем работать.

— А тебе лишь бы работать... Я продолжу? Или тебя уже утомила моя болтовня?

— Нет, что ты! Мне очень интересно.

— Так вот. Третий и последний вариант. Если принцип локальности не действует, мы оказываемся в мире магических связей. В физике понятие «локальности» имеет чисто техническое значение, ее можно описать следующим образом: размеры Вселенной для живых существ ограничены величиной скорости света. То есть мы никогда не узнаем о существовании на другом конце галактики кого бы то ни было, пока не получим от него сигнала, путешествующего сто тысяч миллионов лет со скоростью света. До этих пор в нашей локальной Вселенной его просто не будет существовать. С точки зрения специальной теории относительности эта локальная Вселенная — единственная Вселенная, это все, что нам удастся зарегистрировать как движущееся в пределах досветовых или световых скоростей. Любая «нелокальная» вселенная лежит где-то за пределами и для нас не существует вообще. Она в категориях специальной теории относительности метафизична и бессмысленна. Однако если при интерпретации РЭП и теоремы Белла мы будем исходить из того, что квантовые события в конце концов определяются мгновенными взаимодействиями и существуют нелокальные связи всего со всем, то мы можем взаимодействовать с нелокальной Вселенной при помощи сети квантовых взаимодействий.

— Нелокальный, как я понял, — магический?

— Потусторонний, необъяснимый, странный... Фактически мы с тобой в одно и то же время можем находиться в Калифорнии, пить с Муслимом чай и слушать музыку в московском ЦДХ; или одновременно в Калифорнии с Муслимом пить что-нибудь покрепче и в двойной звездной системе Сириуса ничего не пить.

Или в одно и то же время пребывать в прошлом, настоящем и будущем.

— Ну, очень интересно...

— Главное, многообещающе. Возможный способ представить эти совершенно непостижимые вещи предложил доктор Джек Сарфатти, который допустил, что взаимодействия РЭП — это информация без переноса энергии. Ограничения, которые накладывает представление о локальной Вселенной, то есть ограничения по скорости света, он назвал электромагнитным шовинизмом. Информация без переноса — это информация без энергии и без сигналов, и без чего бы то ни было. Следовательно, ничем и никем не ограниченная. — Кира перевела дыхание. — Тем самым он не ставит под сомнение правильность специальной теории относительности, чья сфера применения ограничивается рамками определения локальности. Чистая информация может принимать вид взаимодействий РЭП, которые не ограничены сигналами или скоростью света. Сарфатти настаивает и уверен, что эта сверхсветовая информация может с таким же успехом лежать в основе межзвездной телепатии и соответственно объяснять земную. И тут к Сарфатти подключается доктор Сираг, и теперь они вместе утверждают, что сверхсветовая информация, возможно, также отвечает за поразительные явления синхроничности. Синхроничность, в формулировке Юнга и Паули...

— Стоп. Давай здесь остановимся и вздохнем. Я не знаю ни одной. Формулировки в смысле.

— Я говорю здесь о синхроничности, которая обозначает феномен смыслового параллелизма фактов психики и внешних событий.

— А простым языком?

— Ночью тебе снится сон, что ты один из племени Майя, потом ты едешь в офис и слушаешь в машине ра-

дио, там рассказывают, например, о ритуалах Майя, в этот момент звонит сотовый, и просят к телефону Майю. После обеда к тебе в офис приходит новая клиентка. Красивая, стройная, высокая, фигуристая — в общем, как ты любишь, представляется Майей и приглашает тебя на ужин в индейский ресторан. А в ресторане на столах салфетки с изображением сценок из жизни Майя...

— Достаточно про Майя. Я понял.

— На самом деле такая синхроничность в нашей жизни встречается нередко, но мы обычно не обращаем на это внимания. Иногда нас весь день преследует какая-то комбинация цифр или букв, или слов. Причем часто начинается еще во сне. Было у тебя так? Когда приснится что-нибудь, а потом весь день, как «по следам бременских музыкантов».

— Ну, это когда музыканты сняты... — Кирилл засмеялся. — Да, было. И не один раз. Только я даже и предположить не мог, что эти совпадения называются синхроничностью, да еще в формулировке Юнга и Паули.

— Синхроничность просто описывает, что происходит. Совпадения формируют связи. Хотя и не причинно-следственные, но весьма существенные. Сверхсветовой же перенос информации на квантовом уровне может объяснить, как именно это происходит.

— Как же?

— Каждая субатомная система в нашей реальности, или множественных реальностей мгновенно подстраивается под согласованное целое за счет сверхсветовой обратной связи. Очень похоже на теорию странных петель Капры, согласно которой все является причиной всего, как в даосизме или в И-Цзин. Я думаю, это тебе близко...

— Более или менее.

— Так вот. Что мы имеем?

— Ну, если я тебя правильно понял, первое — если не работает квантовая механика, в чем я сомневаюсь, то все данные, которые на сегодняшний день имеются у человечества, будут объяснены позже. Когда человечество, точнее, его лучшие умы, придумает что-нибудь, что работает. Когда это случится и случится ли — неизвестно. Так?

— Так.

— Идем дальше. Второе. Если объективная реальность не существует и в основе всего лежит мир потенциальности, то все данные, которые на сегодняшний день имеются у человечества, — лишь свидетельства внезапного взаимодействия между потенциальностью и реальностью. А потенциальность Гейзенберга, как я усек, вообще-то здорово смахивает на представление о потусторонних, то есть всевозможных других, мирах. Здесь тебе и нагваль Кастанеды, и астральные миры каббалы, и волшебная страна кельтов, и мир Толкиена с хоббитами, эльфами и драконами, и все, все, все. Ну и любая магия. И любые создания, типа Сенки. — Он опять нежно заулыбался. — Так?

— Именно. Мы нашли место для Сенки. В чистой потенциальности может происходить все что угодно — в прямом, обратном или поперечном течении времени, только в измеряемой реальности мы ограничены законами физики.

— Но ведь я измеряю Сенку... Если можно так выразиться.

— Можно. Но ты измеряешь не Сенку. Ты ее не видишь. В физической реальности ты общаешься со мной. Просто мое сознание изменено так, что Сенка смогла засунуть сюда свой нос.

— Буду спорить. Не нос.

— Ну уж не знаю, что она сюда засунула... Тебе виднее. Только измеряешь ты все равно меня, можно

обозвать это как угодно, меня сумасшедшую, или меня в трансе, или мое раздвоение, нет, растроение...

— Я бы на перспективу сказал — размножение...

— ...личности. Но это в реальности нашей физики — я. Ну ты не отвлекайся. Дальше.

— Дальше... Если объективная реальность не существует и существуют параллельные миры, то Кира-2, наверно, из одного из таких миров. Кроме того, где-то там... — Кирилл махнул рукой куда-то вверх и назад, — находится бесконечное множество Кирилов. И только один суммарный может считаться существующим.

— Так. Ну, это уже следующий этап. А на этом этапе я бы еще отметила, что если кто-либо из нашей реальности просунет нос или что там у него есть в соседнюю, то искажения взаимодействия отсюда туда — оттуда сюда могут быть очень значительными из-за рассогласованности и хаотичности. История знает подключения к соседней реальности или реальностям, расположенным в двух-трех квантовых скачках от нашей. Люди потом утверждали, что они разговаривали с Богом, путешествовали во времени, общались с инопланетянами. Ну, и так далее. Кто во что горазд. Они даже приносили с собой пророчества, которые потом сбывались...

— Да ладно...

— Сбывались, но не всегда и не совсем так.

— То есть...

— Наша реальность соприкасается с другими в некоторых точках. Но не во всех.

— А пример?

— Сколько угодно примеров. Пророчества Мосмена. Их бережно собрал и записал Джон Кил.

— Джон Кил физик?

— Нет. Репортер.

— А Мосмен...

— Мосмен тоже не физик. Мосмен — страшилка из Западной Вирджинии. Монстр с гигантскими красными глазами, с фигурой человека и громадными крыльями, напоминающими крылья моли.

— Какая гадость. И он делал пророчества?

— Контактеры с ним делали. От его имени.

— Так может, его и не было?

— Скорее всего. Что-то, безусловно, было. Но из-за невежества и неподготовленности контактеров получился Мосмен. Он иногда был невидимкой и ездил на черном «Кадиллаке».

— Я что-то читал об этом. Писали, что в тот год...

— В 1968-й...

— ...Вирджинию поразила эпидемия массовой истерии.

— Именно. Но тем не менее остались пророчества.

— Ну, я этого уже не помню.

— Я напомню. Пророчество первое. Папу Римского во время визита на Средний Восток ударят ножом. Второе. Роберт Кеннеди в смертельной опасности, и эта опасность исходит от кого-то, кто находится в кухне гостиницы. И третье. 24 декабря в полдень произойдет крупномасштабный сбой в работе энергетических установок в Западной Вирджинии.

— Но Папу Римского никто не ударил ножом... во время визита на Средний Восток.

— Его ударили ножом через год, когда он был с визитом в Маниле.

— Ну, сбылось. Через левую ногу. Зато про Кеннеди все точно. Роберта Кеннеди, брата убитого в 1963 году президента Джона Кеннеди, действительно застрелили в гостиничной кухне. Я это хорошо знаю. Я почему-то интересовался смертями Кеннеди... А третье?

— Не сбылось. Но! 24 декабря, когда Кил с компанией любопытных, затаив дыхание, ждал, произойдет ли сбой в работе энергетических установок, в Западной Вирджинии обрушился мост. Более сотни человек погибли. Кил решил, что его обманули намеренно, чтобы он не успел кого-нибудь предупредить.

— Смешно. Ему бы поверили?

— Конечно, нет.

— Тогда какая разница?

— Действительно... Кил потом писал, что контактировавшие сущности обладают отвратительным чувством юмора, и они намеренно вводят в заблуждение и мучают тех, кто с ними связывается.

— Типа средневековых демонов?

— По крайней мере, очень похоже. Вообще-то с точки зрения модели множественных реальностей эти сущности могли быть абсолютно честными. Все их предсказания могли сбыться в той или иной реальности. Кил просто оказался в одной из реальностей, смежной с их, в которой сбылась лишь часть их пророчеств.

— Ну да. Как ты там говорила? В параллелях происходит все, что вообще может произойти...

— Совершенно верно. Ладно, мы отвлеклись. Давай дальше. Про локальность и ее отсутствие.

— Ну, если принцип локальности не действует и сверхсветовая, то есть мгновенно передающаяся, информация без сигнала действительно существует, мы попадаем в реальность Юнга—Паули, в которой синхроничность не менее важна, чем линейная причинно-следственная связь.

— Умничка! — удовлетворенно вставила Кира.

— Если принцип локальности не действует и некоторые продвинутые цивилизации используют сверхсветовую информацию так же банально, как мы элект-

ричество, то некоторая ее часть время от времени попадает к нам, хотя большая ее часть не содержится на обычно воспринимаемых нами длинах волн.

— Ты супер. Можешь сдавать экзамен.

— А то. Ну, наука, оказывается, совсем рядом. Не все так плохо. Пару промываний мозгов — и все.

— Но и не так все хорошо. Наука — это прежде всего заранее запланированный и поставленный эксперимент, который подтверждает правильность предположения. Никто такой эксперимент не придумал. Пока.

— Зато у нас на руках результаты.

— Только эксперимент поставил кто-то другой. — Кира прыгнула со стула и бросилась к Кириллу на колени. Обняла за шею. Прижалась. — Люби меня. И мы прорвемся...

— Порвем врагов.

— Порвем время. Это наш главный враг.

— Потому что оно бежит?

— Потому что оно есть. Помнишь, ты мне сказал, что есть один Кирилл, который объединяет всех, и только он реально существует.

— Конечно, помню. Ты мне ответила, что это следующий этап.

— Этап, когда мы осознаем время. Пойдем его. Понять — значит избавиться от его законов.

— Я люблю тебя. — Кирилл сгреб Киру в охапку и понес на кровать.

Я изучал различные религии, философские учения и духовные течения. Их было много. Поток. Поток еды. Еда. Пища для души. Чаще всего не очень хорошего качества. Не всегда свежая. И не всегда еда. Но все съедобное я пробовал на зуб. Остальное примерял на себя. Но зуб мой был крепче, чем то, что я

пробовал, а то, что я пытался натянуть на себя, трещало по швам и, очевидно, было мне не по размеру. Лет в двадцать попала мне в руки хорошо написанная книга о дзен. Я запоем прочитал ее, и мне приснился сон.

Стою я около телефонной будки, в руке — книга о дзен. Эта книга есть у меня и сейчас, пережиток застоя, самиздат, листы А4, прошитые, в коричневой твердой обложке. Я жду, пока моя девушка позвонит всем своим знакомым. Я жду очень долго. Очень. В какой-то момент мне надоедает ждать, и мне приходит мысль о том, что так и пройдет вся моя жизнь — в ожидании чего-то. Зачем мне это? У меня есть книга, пойду-ка я в лес, который здесь рядом, за рекой, и буду жить и познавать мир так, как написано в книге. Книга — это, собственно, все, что мне необходимо, в ней есть все указания, осталось только им следовать. Я развернулся и пошел прочь от телефонной будки. Сзади слышались крики моей уже бывшей девушки, но я не оглянулся. Я ушел. То, что я принял решение, и осталось только его выполнять, воодушевляло и пьянило меня. Жизнь в будущем виделась прямой и простой. Я вышел на выгнутый арочный мост. Сзади гудел город, впереди раскинулся лес до самого горизонта. Я поднялся на высшую точку моста и остановился, не потому, что я не решался идти дальше. Нет, просто я теперь никуда не спешил. Я стоял и смотрел на мир вокруг и видел, как он прекрасен. И вдруг меня как молния пронзила мысль, или нет, мне просто стало странно, страшно и безнадежно. Ведь в лесу мне придется следовать правилам книги, так же как я следовал правилам общества в городе. Что же делать? Я размахнулся и швырнул книгу в реку. Она летела, нелепо хлопая страницами, как раненая птица, а во мне что-то ломалось. Когда книга начала снижаться, она пролетела совсем близко от заходящего солнца, и в этот момент

мир обрушился. Он рушился, как взорванный старый небоскреб, оставляя вместо себя сияющую пустоту.

С того времени я жил, постоянно помня о сияющей пустоте. Время от времени она мне снилась, а иногда показывалась наяву. Думать и описывать ее нет никакой возможности. Кроме сияния и пустоты, больше ничего в этой пустоте не было. Не было и меня.

И только недавно благодаря Кире и нашей истории в этой сияющей пустоте начали слабо проступать математические формулы. Я думаю, они там находились всегда. Но их увидеть мне не давало именно сияние пустоты и эйфория, сопровождающая сияние.

Глава 9

Будешь возвращаться сюда снова и снова,
Потому что не доделал, недолюбил, не познал.
Сюда приводит тебя только твое желание
Исчерпать и исчерпаться.
Как только насытишься
И наполнишься,
Либо устанешь и не захочешь
Больше,
Вспомнишь, что
Было, —
Никогда не вернешься сюда снова,
Попав в ловушку следующей
Иллюзии
Бездонной
Вечности.

«Извини, что задержался с ответом, мой милый мальчик. Я в большой растерянности. Хотел придумать какие-нибудь воодушевляющие слова, но не придумал. Не знаю даже, что и сказать. Интересно, но даже мне не по себе. Представляю, каково вам. Могу лишь пока посоветовать постараться к этому всему не очень серьезно относиться. Пусть это будет игрой. Возможно, все-таки это не параллельный мир, а игра материи перехода. У магов есть такое понятие. Считается, что если сознание при определенных условиях и на определенной стадии развития попадет в область так называемой слабой материальности, то оно может само создавать второстепенные миры, что-то наподобие веток у дерева.

Можно оставить эти миры развиваться, а можно путем коррекции этих миров, вернее, коррекции своей судьбы в этих мирах, совместить их. Второстепенный уничтожится, вернее, сольется с основным. Я лично с этим не сталкивался. Так что практическим советом помочь не могу. В любом случае, спокойствие и только спокойствие.

Имей в виду, что для вас сейчас определяющим является мир, в котором я тебе, старый хрен, сейчас пишу письмо. И этот мир важен. Остальное — упражнение и развлечение. Воспринимайте все остальное, как захватывающее кино, в сценарий которого вы можете вмешиваться.

Я с вами, точнее, то, что от меня осталось. Ну, что есть, то и есть.

Муслим».

«Спасибо, Муслим.

Понемногу приходим в себя. Кира рисует мне картину (это я ее попросил, чтобы занять чем-то, а то она все время думает о Кире-2). Хотя сейчас только восемь часов вечера, а обычно я работаю до десяти, я собираюсь поехать домой, хватит работать.

Мне этот мир не кажется теперь таким уж реальным.

Вопросы.

1. Можно ли, стоит ли влиять на другой мир (миры)?

2. Каким образом можно было бы передать мне, Кириллу-2, в тот мир Кирилл код? Но так, чтобы Кира и Кира-2 его не видели. (Было бы круто, девчонки бы шмыгали туда-сюда). Эта мысль пришла мне только сегодня утром. Если я могу в нашем мире с помощью

Сенки и луны вызвать Киру-2, кажется вполне вероятным, что другом мире я смогу с помощью Сенки и луны вызвать мою Киру.

3. Можно ли передавать что-то между мирами?

4. Может ли быть код к кому-то еще? Например, код, который может изменять мое сознание.

Кирилл».

«Можно влиять на реальности. Кроме того, они могут влиять на тебя. Ты, вероятно, не совсем понял. Я тебе в прошлый раз писал о второстепенных мирах. Если удастся повлиять на второстепенный мир таким образом, что условия дальнейшего развития обоих миров совпадают, то второстепенный мир сливается с основной веткой и даже усиливает ее. То есть, допустим, что вам удастся в мире Киры-2 достигнуть таких же отношений и условий, как в нашем мире, тогда дальнейшие ветви развития сольются. Кстати, если он не второстепенный, миры не сольются. Можно поэкспериментировать. Хе-хе.

Далее, если мир Киры-2 второстепенный, передать код не получится, потому что если мы придумаем, как это сделать, то управление Сенкой должно перейти во второстепенный мир, а это невозможно.

Остальные вопросы пока без ответов. Буду думать, хотя не уверен, что что-нибудь придумаю.

Муслим».

Кира действительно немного расклеилась. Она все время думала о судьбе Киры-2, о детском доме, об опытах, которые проводит с ней Рашид, вернее, проводит с Кирой-2.

Мы встретились на неделе вечером, ужинали в кафе и договорились в выходные снова позвать Киру-2 в надежде узнать, как у нее дела, смогла ли она купить

билет в Москву, смогла ли связаться со мной, Кириллом-2.

В субботу утром мы с Кирой сходили погулять, зашли в магазин и купили всякие вкусности для себя и отдельно для Сенки. Кира подготовила для нее специальное меню. Я же загрузил в компьютер программу, с помощью которой теперь всегда мог узнавать положение луны на небе. Из нашего окна она должна быть видна почти весь вечер.

С Сенкой мы мило поужинали, послушали музыку. Потом я показал Сенке картину, которую Кира рисовала почти всю неделю. На большом полотне была изображена Сенка, смотрящая на луну. На ее лице читалось страдание, а в сжатом кулаке, который она держала перед собой, было девять пальцев. Картина получилась фантастически, завораживающе-прекрасной.

— Так, это кто? Я? Страдаю? Ах, так? Меня заставлять страдать? Ну, я ей сейчас покажу! Давай бумагу и краски, — скомандовала Сенка голосом, не терпящим возражений. Сама отправилась на кухню к столу, где мы обычно рисовали.

Я открыл и разложил баночки гуашевых красок, достал лист бумаги для рисования обычного формата.

— Нет, не пойдет, — Сенка покачала головой, указывая на лист бумаги. — Должен быть не меньше чем тот, на котором она меня нарисовала.

Повезло. У меня нашлось несколько больших листов, один из которых я и разложил на столе.

Сенка рисовала, как обычно, самозабвенно. Впрочем, все, что она делала, она делала с полной самоотдачей. В любой из моментов Сенка обращала свое внимание только на один предмет, поэтому и сила ее концентрации была столь высока. Я, как обычно, стоял сзади — это было мое место, как у подмастерья,

который помогает мастеру. Ранее методом проб и ошибок я выяснил, что наиболее целесообразно стоять строго за спиной у Сенки. При таком положении удобно ловить баночки с краской и слева, и справа, поскольку она настолько яростно макала в них кисточку, что последние переворачивались и раскатывались по столу, а иногда и вовсе улетали. А я их хватал и ставил на место. И одновременно внимал удивительному действию рисования Сенки. Она накладывала краски так же, как в прошлые разы, обычно для себя, но необычно для всех остальных людей — сначала она отображала передний план, затем чуть глубже, и так, пока не доходила до самой дальней плоскости. Вследствие такой техники на листе появлялись отдельные точки и мазки, и очень долго нельзя было понять, что именно она пытается изобразить. Из-за того, что лист бумаги был немаленьких размеров, этот процесс выглядел еще более фантастическим.

Через полчаса, когда я уже весь испачкался в гуаши, несколько раз неудачно поймав краску, Сенка закончила заполнять красками своим диковинным методом бывший еще недавно белым лист.

— Вот. — Она удовлетворенно сложила кисточки. — Страшно?

На картине были изображены зловещих цветов шары, грязно-желтые и темно-красные, один, грязно-красный, парил как бы впереди остальных, закрывая собой большую часть площади листа. Сверху вниз били ярко-желтые и бело-голубые лучи; мимо шаров они падали на тонкую полоску земли, расположенную снизу, на которой в различных раненых позах извивались и корчились человеческие фигуры.

— Очень страшно, Сеночка. А что это?

— А ты что, сам не видишь? Как же тебе страшно, если ты не понимаешь, что это? — Сенка подняла на меня глаза.

— Мне очень и очень страшно и мне очень нравится твоя картина, но что это, я сам не могу догадаться.

— Это ваша судьба, — тихо и торжественно сказала Сенка. Даже голос у нее стал чуточку ниже. — Теперь, наверное, еще страшнее? Будет знать, как меня страдающую рисовать. — Последняя реплика, очевидно, была адресована Кире.

Я любовался реалистичностью этой фантастической картины и уже подыскивал подходящее место на стене.

С луной у нас и в этот раз не возникло никаких проблем. Она мелькала среди неплотных летящих туч, чего вполне хватило для появления Киры-2.

Проблемы возникли с Кирой-2...

На этот раз наше свидание никак нельзя было назвать дружелюбным. Только появившись, она сразу показала свой вредный характер. Придя в сознание, она оттолкнула меня и бросилась к окну, крича, что если я приближусь к ней, выбросится или как минимум сокрушит все в квартире. Она как-то догадалась или помнила, что, чтобы вернуть ее в ее мир, мне необходимо обнять ее. Так мы и просидели два часа, я на кресле в одном конце комнаты, она в углу дивана на другом конце. Я планировал, что встреча продлится не более часа, переживая за сознание Киры, но ничего не мог поделать против этой бандитки. Но понемногу мы разговорились, и выяснилось, что она снова в больнице у Рашида, подключена к проводам, на голове шлем, и снова на уколах. Кроме того, она под большим секретом рассказала Давиду, что у нее была очень реалистичная галлюцинация другого мира и что она скрыла от Рашида.

— Ты же, кажется, поверила мне в прошлый раз. О нас с тобой, о параллельных мирах, о переходах. Что за муха тебя укусила, когда ты вернулась к себе?

— Я подумала, что это за бред приснился мне под действием уколов и проводов Рашида. Я подождала несколько дней, ты меня не зовешь. Позвонила по телефонам, которые ты мне дал, попадаю непонятно к кому. Ну, думаю, совсем я сбрендила. Вот и согласилась снова на уговоры Рашида. Думаю, дай посмотрю, будет ли снова такая галлюцинация с тобой, крепыш, или нет. И вот снова ты. Значит, это все-таки дело рук Рашида. Понял?

— Ну, милая, куда же ты спешишь? Я же объяснил, что не могу звать тебя часто, мне необходимо время. У нас тут свои дела. И я же просил тебя... Впрочем, сейчас это уже неважно.

В этот раз я больше рассказывал Кире-2 о Кире и о нашей жизни. На сложные моменты она махала руками:

— У меня восемь классов, крепыш, не грузи, давай дальше про меня, только попроще.

Несмотря на огромную разницу между Кирами, оказалось, что в последнее время они вели почти одинаковую жизнь — горы и море, курорты и курорты.

— Кира очень хорошо английский знает, меня учит. Ты, наверное, если столько времени проводишь за границей, тоже владеешь?

Кира-2 презрительно скривила губы.

— Да, знаю. Несколько слов.

— В смысле? Каких слов?

— «Sex» знаю и «yes» знаю — мне хватает.

Я представил, как она управляется с этими двумя словами. Да, моей Кире их уж точно не хватило бы. Наверно, если бы Кира знала только эти два слова, мы вообще не встретились бы, поскольку наводку на меня она получила на английском, когда отдыхала на вулканическом острове Тенерифе. Помогая неграм с материка, находящимся на островах нелегально, скрываться от местной полиции, она удостоилась чести быть

принятой слепой негритянской шаманкой, которая и направила Киру ко мне. Не прямо, конечно. Нужно было приложить известные усилия. А главное — поверить... И сделать все так, как сказано. Кира не поверила, но почему-то сделала, как ей велели. Ее что-то заставило... То, что внутри.

— Слушай, а ты была пару лет назад, может, чуть больше, на Тенерифе?

— И пару, и больше. Я много раз там была. И на Фуэртевентуре. А что?

— Ты неграм помогала?

— А чего им помогать?

— Прятаться от полиции.

— А... Тем, которые отдыхающим на пляже массаж без лицензии делают?

— Им самым.

— Ну да. Жалко их. За ними полицейские на мопедах гоняются. Старики европейские их выдают, ну а я... Что я, зверь, что ли? Так... Иногда помогала. А что?

— А они тебя к себе не приглашали?

— Да, нет... Хотя, постой. Один раз. Да. Нас с подружкой в знак благодарности один парень привел к какой-то ихней старухе. Типа колдуньи.

— И что?

— И ничего. Она говорит, я не понимаю ничего. Ольга английский немного знала. Попыталась переводить... Но мы все равно ничего не поняли. Бред какой-то получался... Так, чаю из какой-то травы попили. Круто было. Трава — супер. Я потом три дня под кайфом ходила...

— Понятно...

— Что тебе понятно?

— Ну, если бы ты постаралась все-таки вникнуть в то, что до тебя пытались донести, может, вы с Кириллом уже были бы вместе...

— Да нужен он мне был... — сказала она и тут же осеклась. — Я имею в виду, что с Кириллом мы и так давно знакомы, но он мне и не нравился никогда...

Только через два часа я смог уговорить ее не сопротивляться и отправил назад. Очень и очень просил никому больше не рассказывать, что она бывает в другом мире. А также искать меня, потому как, если тучи сгустятся, вытащить ее никто, кроме меня, того меня, не сможет. На этом и расстались. Я видел, что Кира-2 так и не поверила мне, по крайней мере, полностью. Что, впрочем, совершенно естественно — не так просто поверить даже в возможность существования параллельных миров, а уж участвовать в переходах, притом при таких странных обстоятельствах, тем более. Но я сделал все что мог, чтобы убедить ее.

На следующий день, когда мы еще лежали в кровати, пили кофе и легко болтали, Кира вдруг почувствовала недомогание. Дальше — больше. Началось, как обычно. Сначала боль и тошнота в солнечном сплетении, потом потеря ориентации. Какое-то время я старался понять, в чем дело, проверил внутреннее пространство, но нигде ничего нового и подозрительного не обнаружил. Моя воронка удерживала красный кристалл строго посередине, ничего нового в бесконечности не появилось. Была видна, как всегда, только масляная звезда, которая, впрочем, не проявляла никакой активности. Через час безуспешных попыток улучшить состояние Киры я сдался и позвал Сенку. Сенка еле открыла глаза, настолько плохо себя чувствовало тело. Я поменял Киру и Сенку восемь раз за пятнадцать минут. С каждым разом состояние моих любимых девушек улучшалось. Остановился на Сенке. Она уже чувствовала себя вполне сносно, и мы пошли на кухню

пить чай с мандаринами. Сенка мне рассказала, что ее тянут в другой мир, тянут неправильно, через железные провода, через которые она пройти не может, не повредив себя. Она борется изо всех сил, но ее все равно утягивают в тот мир. Один раз она даже уже начала что-то чувствовать и слышать, но где-то далеко, едва различимо. Слышала голоса. Они просили назвать какие-то цифры и координаты перехода.

— Они спрашивали тебя по-русски?

— Я не знаю, как называется этот язык, на котором ты сейчас со мной разговариваешь. — И Сенка, имитируя звавших ее, заговорила низким мужским голосом: «Назови числа. Числа... Какие числа... Какие константы... Координаты...»

Говорили по-русски, но с акцентом. Я записал слова Сенки на компьютер, собираясь потом дать прослушать Кире.

— И что ты им ответила, ты понимаешь, о чем они тебя спрашивали?

— Конечно, понимаю, так я им и сказала. Я им сказала «Пошли вон».

Я вернул Киру, и мы вышли пройтись в парк. Кира чувствовала себя хорошо, но голову следовало проверить.

Через несколько часов все началось снова. Кира лежала, я держал ее за руку. Я накачивал в ее тело энергию, которая, там практически не задерживаясь, куда-то утекала, и лечил появляющиеся неравномерности энергетики тела. А также старался удерживать ее сознание в теле. Но поскольку я не знал, как это делать, то мои старания давали жалкие результаты. Через какое-то время я не выдержал и снова позвал Сенку.

— У нас война, кто-то ломится в наш мир через меня. Они очень сильные. Но они нарушают законы. Го

меня удерживает от изменения. От неправильного изменения. Они ломают меня. А Го им не дает...

Сенка долго не задержалась, попросила поменять ее несколько раз для увеличения сил и улетела драться. Мы же с Кирой остались лечиться. Ненадолго состояние Киры улучшилось, потом снова ухудшилось. Я боролся за Киру до самого вечера. В какой-то момент Кира потеряла сознание на очень долго, минут на пятнадцать, наверное. Когда вернулась, слабым голосом рассказала, что была утянута в другой мир.

— Я слышала эти голоса, о которых говорила Сенка. Это люди с гор. Я их узнала. Рашид и компания. С ними был еще кто-то, мне неизвестный. Не Давид и не Данил.

— Это мир Киры-2? Как ты думаешь?

— Думаю, что да. Скорее всего. Видимо, Рашид узнал, или догадался, или как-то зафиксировал, что Киры-2 посетила другую реальность, и теперь повторяет условия, которые к этому привели. Наверное, именно сейчас мучают нашу детдомовку. — Кира отрешенно смотрела в потолок. — Жалко ее, дурочку. Хотя поверить в то, что происходит, ей действительно должно быть очень непросто. Может быть, позвать Сенку, узнать что у них происходит? Если Рашид и компания не поломали еще их мир и не разорвали Сенку пополам.

Сенка пришла веселая. Они выиграли войну. Го закрыл все возможности перехода через Сенку.

Мы все переживали за Киру-2. Я пытался нащупать в себе вход в мир Киры-2, но ничего не получалось. Я знал, что он где-то совсем рядом, буквально в той же точке пространства, но нет, контакта не получалось. Я пробовал и так и этак — всегда с отрицательным результатом. Кира, в свою очередь, тоже искала вход в мир Киры-2, и у нее тоже пока не получалось.

«Здравствуй, милый мальчик!

Итак, по теме. Если принять, что Кира-2 рассказала своему учителю о вашем мире, а попадала она в ваш мир, когда учитель ставил опыты, а ты в это время вызывал Киру-2, то возможно, когда он пытался проникнуть в мир, где Кира-2 побывала, а ты в это время занимался своими делами, то есть не помогал ему, он попал в мир Сенки. Но попал, естественно и неправильным образом, поскольку, как бы ты там ни думал, мир Сенки — это мир, созданный измененным сознанием Киры, что, впрочем, не исключает его существования, а от этого мира ключи, надеюсь, только у тебя. Ну так вот. Попасть к Сенке можно, только изменив сознание Киры с помощью ключа. Электронные методы изменения сознания существуют, но они вредны и, как показывает практика, не приводят к положительным результатам. Но в мир Сенки им попасть не дали, что на человеческом языке означает, что некоторые мозговые центры у Киры-2 вышли из строя под действием психологических импульсов. Это не очень опасно, если не часто. Если же злоупотреблять такими опытами, то Кира-2 сойдет с ума.

А тот факт, что Кира на мгновение была втянута в другой мир, говорит о том, что, потерпев неудачу, они поменяли резонансную частоту. Если они не почувствовали, что Кира на мгновение была притянута, и не зафиксировали частоту, то все в порядке. Но в любом случае срочно скажи Кире, что если с ней вдруг ни с того ни с сего произойдет что-либо подобное, пусть ни в коем случае не выдает свое присутствие и не отвечает ни на какие вопросы, а усилием воли постарается не потерять связь со своим миром.

Вероятность спонтанного ухода Киры и прихода Киры-2 судя по тому, что ты написал, не равна нулю. На человеческом языке это означает, что у Кирочки начнут проявляться спонтанно состояния измененного сознания. Что-то типа раздвоения личности. Это если абстрагироваться от эзотерической части и принять во внимание медицинскую. Хе-хе. В общем, как бы там ни было, нужно противостоять спонтанным переходам. В принципе принудительные можно продолжать, но только если есть желание.

Пока все.

Муслим».

После объяснений Муслима понимания больше не стало. Я так и не понял, как относиться к происходящему. И что вообще происходит. Он имел в виду, правда, не очень уверенно писал об этом, что Сенка это глюк Киры. И я готов был с этим согласиться... если бы только не знал Сенку. Она стала для меня не менее реальной, чем люди вокруг. А возможно, даже более настоящей. Ну, хорошо, размышлял я, пускай Сенка — глюк, мира Го не существует. Кто же тогда передавал мне, что необходимо «выйти из леса», кто входил в меня на пляже в Египте? В меня входил Кирина глюк? Смешно. А что с Кирой-2? Она — глюк Сенки? Глюк глюка? Копия копии называется симулякр. Кира-2 — симулякр Киры? Неубедительно, однако. А вот поведение Киры-2 очень даже убедительное. Я начал вспоминать о сексе с ней, потом заметил, что отвлекся, и вернулся к размышлениям. Нет, более вероятным кажется, что и все эти миры и Киры, и Кириллы — всё существует. И, по-видимому, миров неисчислимо множество. М-да, об этом потом. Теперь я принимаю существование Киры-2, существование Сенки не об-

суждается, и раз так, я хочу принять участие в ее судьбе.

После выходных я немного расклеился, видимо, потерял энергию. А может быть, слишком много думал, что тоже не шло на пользу. У Киры болело солнечное сплетение, но в целом она чувствовала себя вполне терпимо. Созваниваться мы стали еще чаще, я очень боялся, что Рашид неожиданно утянет ее в свой мир.

На неделе мы встретились всего один раз, как обычно, учили английский, вернее, Кира учила меня. Эти уроки добавляли специфический вкус или привкус нашим отношениям. Они как бы ставили нас на землю. Я почти всю жизнь с переменной интенсивностью пытался овладеть английским языком и сейчас достаточно сносно при необходимости мог объясниться. Но коряво, и только при необходимости. А хотелось, чтобы лилось... Хотелось свободно и качественно. Но количество новой поступающей информации примерно равнялось количеству забываемой, и я, в общем, топтался на месте. С Кириной помощью дела пошли лучше. Но ненамного. У меня был теперь классный учитель, но, как и раньше, не было достаточно времени, чтобы учиться. Ну, хоть так. Лучше, чем никак. Киру, правда, поначалу сильно напрягало, что ей приходится объяснять мне одно и то же по несколько раз, но со временем она привыкла и особенно не расстраивалась. После освежившего нас обоих английского, погуляли по набережной, зашли в кафе. Сенку не звали, и Киру-2 соответственно. Тем более что и луны на небе не было. По моим расчетам она должна была взойти только под утро. Обсуждали ситуацию с Кирой-2.

Перед выходными Кира снова заболела. Тяжело и как-то по-новому. Тело отказывалось слушаться. Она очень испугалась, что окажется парализованной...

Как когда-то. Я рыскал по внутреннему пространству в поисках виновников, но безрезультатно. Думал, может быть, это влияние из мира Киры-2, но проверить не мог. Сама Кира тоже ничего не понимала, ее состояние быстро ухудшалось. В субботу она уже еле разговаривала из-за того, что мышцы лица поддавались с трудом. Я получил письмо от Муслима, распечатал на принтере, прыгнул в машину и, бросив все дела, помчался к Кире. Листок с письмом я положил на торпеду и на светофорах читал.

«Что же это за хреновина опять? Кира тает на глазах. Главное, я не вижу причину. А следствие таково, что ее вибрации убивают друг друга, взаимно гасятся за счет откуда-то появившейся обратной поляризации. Если так будет продолжаться, то примерно через сутки-двое мы ее потеряем. А если кто-нибудь сейчас на нее чихнет, то и раньше. На человеческом языке резко выключилась иммунная система. Это при том, что у Киры иммунитет при рождении был на порядок выше, чем у всех остальных. Именно поэтому она сейчас еще жива. Не могу предположить, кому она нужна мертвая. Или это по твою душу? Но поскольку она выпирает из твоей воронки, то и приняла удар на себя. Как бы то ни было, у нас 24 часа. Вкачивай в нее энергию, пока я не прекращу эту поляризацию.

Муслим».

Я вкачивал. Все свое внимание я использовал на заливание энергии в Киру. И когда ехал к ней, и потом, после того как вынес ее на руках к машине и мы ехали уже по пробкам обратно ко мне домой. Дома я положил ее на диван, где она и лежала до вечера в одной позе, разница была только в одном — глаза Киры были или открыты, или закрыты. Я продолжал закачивать

энергию, а когда уставал, пил кофе на кухне или ходил по комнате из угла в угол. Поскольку я не видел, что я могу еще сделать, то, отдохнув, продолжал. Несколько раз пытался звать Сенку, но безрезультатно. Кира теряла сознание на несколько минут, потом приходила в себя. Сенка не появлялась. В один из промежутков отправил письмо Муслиму. Позже получил ответ.

«Вообще, вырабатываемые живым организмом вибрации не поляризованы, хаотичны, а Кирины поляризовались обратно вибрациям жизненной энергии и сводят ее к нулю. То есть вибрации убивают свой источник. Представь, ты рукой кинул камень, а он развернулся и отшиб тебе руку.

Пусть вообще не шевелится, да она особо-то и не может. Поддержи ее ласковым словом, а если можешь, собой.

То, что Сенка не зовется, пока оставляю без комментариев. Думаю.

Муслим».

К утру я уже приуныл. Устал. Все мои старания казались пустыми. Кира лежала на диване, держала мою руку и иногда слабо улыбалась. Энергия не задерживалась в ее теле, она существовала только как поток, вызванный мной. Поэтому и останавливаться я не решался.

Получил новое письмо от Муслима.

«Милый мальчик!

Мне как-то неожиданно стало хуже, а что ожидаемого могло быть в моей ситуации?.. Чувствую, что пора.

Держитесь, я с вами, даже когда меня нет.

Муслим».

Я вернулся из кухни, где стоял компьютер, в комнату к Кире. Что-то изменилось. Кира улыбалась не так безнадежно, как десять минут назад. И я увидел, что поток энергии задерживается в ее теле. Я тоже улыбнулся в ответ. Будем жить.

— Чаю хочу, с конфеткой. Сделаешь?

Я проснулся ближе к обеду. Киры рядом не было. Вскочил как ужаленный. На кухне Кира в моей рубашке что-то резала на разделочной доске.

— Пиццу готовлю. Чего-то так есть захотелось. Будешь?

После завтрака появилась Сенка.

— Ну, рассказывай, красавица. Как ты себя чувствуешь?

— А ты не будешь ругаться?

— Нет, не буду, никогда. Ты знаешь, как я тебя люблю? Рассказывай.

Но рассказывать она не спешила.

— Пойдем в парк гулять. Там и расскажу.

Как всегда, во всем виноват оказался я. С самого начала нашего знакомства, наших отношений, даже не знаю, как назвать мое общение с Сенкой, я расспрашивал ее об устройстве их мира. И вот Сенка, чтобы поведать мне что-то интересное, отправилась в Кичу. Кича — это такое место, в котором законы мира превращаются в ноль, или, если сказать по-другому, в Киче рождаются законы, которые создают все вокруг. Именно влияя на Кичу, можно изменить весь мир. Чтобы никто не смог этого сделать, Кича имеет несколько степеней защиты. Главная защита — это скорость реакции Кичи. Кича всегда на горизонте. Она держит расстояние от себя до существ. Никто не может к ней приблизиться.

— А я могу, — гордо говорила Сенка. — Можно сказать, что моя скорость выше, чем скорость реакции

Кичи. Тебе никто не сможет рассказать про Кичу. Только я. Тебе же интересно? Вот я туда и отправилась.

— Удивительно. Ну и что там? Посмотрела?

— Не успела. Там геруды. Я думала, я быстрее геруд. Узнаю, что творится в Киче, и назад, они даже не поймут, что я проскочила. Но оказалось, что я ошиблась — геруды тут как тут.

— Кто такие геруды?

— Геруды — это существа, которые охраняют Кичу.

— Странно, Кича такой важный объект, даже, можно сказать, архиважный, куда, если кто-то попадет, то сможет что угодно с миром сделать, а охраняется живыми существами... Ведь какими бы сильными и непобедимыми эти геруды ни были, с ними наверняка можно договориться или обмануть их. А еще они сами могут что-то придумать и изменить мир.

— Нет. — Она задумалась. — Не могут. И договориться с ними не получится. И они не живые... Или не совсем живые. — Она пошевелила пальцами, видимо, решая для себя, кого можно назвать живым, а кого нет. — У геруд очень ограничена свобода действий. Или ее нет вообще. Я не знаю. Никто не знает. Я как раз и хотела все это точно разузнать и тебе рассказать. Геруды не способны к развитию. А также к самостоятельному принятию решений. Ну а в остальном они, наверно, живые...

— Интересно...

— Они похожи на матрицы или на клубки уравнений, если говорить о строении. Их нельзя изменить, изменение этих уравнений заблокировано. Геруды и развиваться из-за этого не могут. Это, наверное, сделано для того, чтобы никто не мог с ними договориться и пробраться в Кичу. Они больше всего напоминают

сетки. Такие большие плоские сетки. Они немного изгибаются. Как только я осознала их присутствие, я стала тяжелеть, то есть ощущать себя плотной. Все плотнее и плотнее. Странное и необычное для меня чувство. Я вдруг поняла, что у меня появилось тело, и это тело не может двигаться. Я перестала быть молнией, а превратилась сначала в облако, потом в море и в конце концов в неподвижный камень. Это все геруды. — Она загрустила и тяжело вздохнула. Вздохнула еще раз, уже не так тяжело, резко выпрямилась. — Зато теперь я знаю, как они действуют! Как бы я узнала, если бы не пошла к ним?

— Действительно, как?

— Ну ладно, не сердись. Я от Го уже получила.

— А Го в курсе был твоего похода?

— Нет. Он своими делами занимался. Я не стала его отвлекать. Он и не заметил. Си заметил, что я в Киче и меня Геруды обездвижили. Знаешь, я как бы стала направлена в одну сторону. У меня же вибрации все разные. Они... как, представь, куча палочек, а тут раз — и все палочки стали направленными в одну сторону, и ты уже не можешь ими управлять. Я застывала и застыла.

— И что дальше? — Я вспомнил болезнь Киры и слова Муслима, что наша проблема в том, что вибрации Киры стали поляризованными, направленными в одну сторону.

— Ну, Си обратил внимание Го на то, что происходит. А пока Го реагировал, Си решил мне помочь. Он хотел разуплотнить меня за счет себя. Придать мне движения и вытянуть меня из Кичи. Си очень большой в отличие от меня и достаточно разреженный в отличие от Го. Он смог дотянуться до меня, оставаясь большей своей частью вне влияния геруд.

— А как же он к Киче приблизился? Он ведь не Сенка, его скорость меньше реакции Кичи...

— А он и не приближался к Киче. Попробуй абстрагироваться от своего представления о пространстве. Он приблизился ко мне... И это неважно, что я была в Киче. Понимаешь?

— Так точно, — ответил я по-военному, хотя до ясности было еще очень далеко. Я лишь понял, что наша математика скорости там не действует. — И что?

— Си помог мне, но ненадолго. Движения, которое ему удалось мне придать, не хватило, чтобы ускользнуть. Си тоже стал застывать. На него начала действовать сила геруд. Го, когда сообразил, что происходит, начал Си вытягивать, то есть засасывать.

— Так вытягивать или засасывать?

— Вообще, конечно, он хотел его вытянуть, ну и меня, разумеется, поскольку Си держал меня. Но так как Го умеет только засасывать, — она виновато улыбнулась, — то он, естественно, начал вытягивать путем засасывания. Он тянул осторожно, чтобы не повредить Си.

— А тебя?

— Меня можно не считать. В том, что мы — я и Си — собой представляли, меня было не больше одного процента. И кроме того, — она загадочно прищурилась, — не забывай, я была в Киче, а Си был с Го.

— Ну да, естественно, я об этом помню. — Я почесал затылок. — А Го не мог геруд засосать?

— Во-первых, где Го, а где геруды? — Она была похожа на училку.

— Да-да, помню. Геруды в Киче, а Го с Си.

— Именно. И, во-вторых, геруд засосать нельзя. Это действие к ним не применимо. Это как у вас — нельзя умножить синее на сладкое. Нельзя ведь?

— Нельзя.

— Вот Го сначала тихонько Си потянул. И не вытянул. Потом посильнее, и снова не вытянул. А геруды продолжают свое воздействие на Си, и он становится все плотнее и тверже. Го потянул еще сильнее и засосал Си в себя. Но зато меня вытянул.

— Как? Всего Си засосал? И ничего не осталось?

— Осталось... Но не все... Мало осталось. — Она нахмурилась.

— А ты как, милая?

— Я потеряла много сил, но уже выздоравливаю... — Жалобно вздохнула. А потом гордо и совсем не жалобно. — Знаешь, как быстро я восстанавливаюсь? — И опять жалобно. — А Си болеет. Сильно. Ему плохо. Он пошел на край мира, чтобы там побыть одному.

— У вас есть край мира? А что за краем?

Услышав, как прозвучал мой вопрос, я понял, что его не стоило задавать, поскольку в следующий раз Сенка, чтобы порадовать меня новой информацией, пойдет на край, которого нет, и за край. Но я поздно понял свою ошибку, и Сенка уже отвечала на мой вопрос.

— Опять ты мыслишь понятиями своего мира. Лови образы. Я подбираю слова, которые употребляете вы. Самые близкие из возможных. У нас нет края. Наш мир бесконечен. Но мы живем в одном месте, которое я обозначила для тебя словом «мир». Си пошел в области, которые граничат с областями, где мы не живем. Это как в лес для вас, или в пустыню, или в горы. Он хочет там побыть один, восстановить силы. Ты не переживай, Си не может умереть или погибнуть. Он же госеп.

Все стало на свои места. Пазл собрался, пускай картина получилась несколько необычной, мягко го-

воря, но зато цельной. То, о чем рассказывала Кира, о параллельных реальностях, о многомерности существ, постепенно проявлялось в нашей жизни. И я, как медведь в посудной лавке, как многомерный медведь в многомерной посудной лавке, стараясь быть предельно аккуратным, все же при каждом своем движении крушил посуду.

Я написал Муслиму, надеясь объяснить и извиниться.

Ответ от Муслима пришел, но я, пробежав его глазами, понял, что это все.

«Прочитал историю Кириной и своей болезней. Спасибо. О-о-очень интересно. Но, думаю, я и без вас загибаюсь. Впрочем, в определенном смысле это одно и то же. В таком случае спасибо тебе, что хоть что-то от меня осталось. Хе-хе.

Извини, что не сразу реагирую на почту. Все с трудом. Эти несколько строчек писал больше часа, с перерывами. Вот так. Не подумай, что жалуясь. Я счастлив.

Вот стишок тебе написал, старый хрен.

Береги Кирочку,

Доверяй ей,

Иди за ней.

Ты можешь.

Ты можешь даже то, чего не можешь.

Ты знаешь то, чего не знаешь.

Ты жив, даже когда ты мертв,

Потому что у тебя есть она.

А она есть, потому что есть ты.

Если вы вдруг расстанетесь, вы все равно сойдетесь...

Вы вместе, даже если и порознь.

Муслим».

Показал письмо Кире. На нее оно не произвело впечатления.

— Ему больше ста лет. Если он умрет, то только потому, что пришло его время. И ты тут ни при чем. Возраст. Чему тут удивляться? Скорее удивительно, что он жив. Не сомневайся и не переживай. К тому же это еще не факт, что он — это Си, а ты — Го. Вернее, я сказала бы, что отождествление его с Си, а тебя с Го — это лишь очередное искажение понимания, вызванное некорректностью Сенкиных объяснений. То, что Сенка рассказывает, нельзя понимать буквально. Помни об этом всегда. Я в их мире была и знаю, что у них всегда все спокойно. У них мир голой математики, причем в корне отличной от нашей. А тебе она рассказывает какие-то невероятные приключения. Это она для тебя переводит учебник геометрии в художественную повесть или даже роман.

С лунной у нас все время возникали затруднения. С помощью программы и компаса я всегда знал, где она должна была находиться. Но больше половины времени она проводила под горизонтом, за облаками или слишком близко от Солнца, и ее не удавалось увидеть ни мне, ни Сенке. Тем не менее я все же иногда виделся с Кирой-2. Постепенно все налаживалось. Она привыкала к переходам, и я тоже.

— Неужели это действительно ты, крепыш? — спрашивала она и тыкала мне кулаком в живот.

— Конечно, я. Ты так смотришь, как будто меня не узнаешь.

— Нет, я имею в виду, что это ты все-таки меня зовешь. Ты, а не Рашид со своими проводами и уколами. Ведь я сейчас в гостинице, в своем номере отдыхаю.

Лежа. Можно сказать, сплю. Странно. Хотя может быть, это последствия уколов. Да. И ты мне снишься.

— Может быть, и снюсь. — Не стал возражать я. — Может быть и последствия, почему нет? Все может быть. А может и не быть. Не заморачивайся, лучше расскажи, как у тебя дела?

Кира-2 долго молчала и только глазела на меня. Видимо, думала, верить или не верить. Новая галлюцинация или новый сон? Это было теперь для нее обычным занятием. Каждое свое появление она начинала с разбора полетов.

— Ладно, Кирилл, — она впервые назвала меня по имени. — Странно, но многое происходит именно так, как ты говорил. Или как мне приснилось. Вещий сон. Сон в руку.

— А что у вас происходит? Стоп. Лучше давай по порядку. Что с тобой было в прошлые выходные?

— Я была у Рашида. Вместе с братьями. Вернее, сначала мы на гору пошли. И там встретили Рашида. Представляешь, он классно стоит на лыжах. Профи. Катается как бог. Впрочем, местные почти все так. Если не убогие. После мы зашли к нему. Шашлычок и все такое. Были какие-то новые люди... В общем, выходные мы провели в его гостинице.

— Как так? У него своя гостиница?

— Ну да. Маленькая совсем. Типа коттеджа. Там только иностранцы останавливаются. Дорого. Но очень по-домашнему. Им нравится.

— И чем вы занимались? Он тебя подключал?

— Да. Но у него в этот раз ничего не получилось.

— Естественно.

— Ты намекаешь, что помощь с твоей стороны отсутствовала?

— Я говорю, что я не звал тебя.

— Понятно.

— А кабинет у него где? В гостинице?

— В гостинице тоже есть. Но маленький. Видно, для лечебных целей. А аппаратура, чтобы со мной работать, — она гордо на меня посмотрела, — пока только в больнице. Ну, там недалеко. Полчаса на машине по заповеднику. — Гордость сменилась досадой. — Только в этот раз мне что-то плоховато стало. После шашлычка, наверно. Хотя шашлык мы ели в субботу, а в город поехали в воскресенье вечером. Обычно я ничего не чувствую. По крайней мере, никаких отрицательных эмоций... А здесь мне что-то так нехорошо сделалось. В животе, — она посмотрела на свой живот, — вот здесь, — показала на солнечное сплетение, — война была. Жгло, болело, вертелось. Как будто кто-то на карусели катался. И голова... Кружилась и гудела. Я встать не могла. Рашид отпускать не хотел нас обратно в гостиницу. Полежи, говорит, день-другой в больнице, мы за тобой поухаживаем. Но я на них такого Полкана спустила, говорю, что больше никогда не дам ничего делать с собой. Отвезли в гостиницу как миленькие. А Рашид такой добрый-добрый, сю-сю да сю-сю. Я в понедельник и во вторник из номера не выходила, меня всю выворачивало. Попросила Данила мне купить билет в Москву. Вечером приходит Давид, лицо такое скорбное-скорбное, и говорит: «Ты не представляешь, что случилось». И пересказывает мне точь-в-точь твою историю про аварию с Данилом. В деталях. Потом его родители пришли меня навестить. Все так вежливо. Гостинцы принесли. Делами поинтересовались, Апрелем... Как положено. До начала дурацкого разговора. А потом... Даже и не знаю, как сказать...

— Контракт предложили брачный?

— Ну да... А ты откуда зна... — она осеклась. По-видимому, ответ пришел раньше, чем она закончила свой вопрос. — У вас так же было?

— Было. Я в прошлый раз просто не стал рассказывать такой неверующей девушке всю историю до конца, дабы не получить по голове...

— И это правильно. Могла бы дать...

— Ладно, рассказывай. Предложили контракт... И что ты?

— А что «и»? Какие здесь могут быть «и»? — Она замахнулась, чтобы дать мне по голове. Я увернулся. — Естественно, послала их куда подальше. Ну, они говорят, мол, ты не спеши, подумай. Времени на подумать у меня много. «На что это вы намекаете?» — говорю. Они так переглянулись, заулыбались друг другу. Паразиты. Говорят: «Ведь ты пока никуда не улетаешь. Пока то да се. Вот и подумай». «Я замужем», — говорю. А они только улыбаются. Говорят, это легко поправимо. Представляешь? — Она начинала кипеть. Как чайник без свистка. Если бы у нее был свисток, он давно бы противно визжал.

— Представляю.

— А что Кира? Как она выбралась из этого дерьма?

— Она позвонила мне. Я за ней приехал и увез в Москву.

— Вот так просто — позвонила и увез?

— Позвонила просто. А вот увез... Очень не просто... Но у нас в конце концов все получилось... Ты меня не искала?

— Искала и нашла. Так испугалась, что всех и все вверх дном перевернула. Знакомых обзвонила. Нашли мне твой телефон.

— Звонила? Как я?

— Странный ты какой-то. В воспоминания ударился... Сказал, столько лет не звонила, был не нужен,

а теперь вдруг резко нужен стал, что снова обмануть захотела, только ты не такой легковверный теперь. Вообще, не понимаю, о чем это он, то есть ты.

— Да? Может, у вас что-то было?

— Да нет, вроде. Я ничего такого не припомню.

— Ну и ладно, с этим потом разберемся, неважно это все, он приедет за тобой?

— Нет, ты меня вроде как послал. Правда, не в открытую, а так, мягко.

— Ладно, я попробую повлиять на себя. На него... Может быть, и получится. Жди, возможно, он перезвонит. Или забей на гордость и звони сама.

— Да мне все равно, могу и еще позвонить. Только он явно мне на что-то намекал. На что-то из прошлого... Если вспомнить, все легче будет... Обвинял меня в чем-то. Упрекал. Как, говорит, хвост тебе прижали, сразу меня вспомнила...

— Может, ты ему правду расскажешь?

— Про вот этот психоз? По телефону? — Она посмотрела на меня с сожалением.

— Я понял. Ладно. По телефону действительно не стоит... Потом как-нибудь.

Сожаление ее не проходило. Она подбоченилась и смотрела на меня, как на полного придурка.

— Значит, так, — сказал я. — Вести себя, как обычно. Никому ничего не рассказывать. Под провод да больше не ложиться, уколы не делать. Понятно?

— Понятно. После последнего раза мне что-то и самой совсем не хочется. Ну, я думаю, и Рашид настаивать не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Он сам перепугался. И глубоко задумался. Думать будет долго.

— Пусть думает.

Пришедшая в себя, в хорошем расположении духа Кира, выслушав мой рассказ, сказала:

- Он ей перезвонит.
- Отчего такая уверенность?
- Я верю в тебя.
- Ты сегодня невероятно лаконична.

После последней встречи с Кирой-2 я постоянно искал в себе проход к Кириллу-2. Наверное, такие поиски в любом случае полезны, убеждал я себя, и, вероятно, это было единственным моим утешением, поскольку у меня ничего не получалось. Иногда мне казалось, что я нашел, нащупал искомое — что-то на грани ощущений и фантазий, но после более длительного и детального исследования понимал, что это не то, Не-Кирилл-2 и даже не путь к нему. Поработав так несколько дней, я сообразил, что задачу с наскока, пожалуй, не решить. Найти в многомерной бесконечности кого-то без точных координат или привязок намного сложнее, чем человека в стране или даже в мире, не зная его имени и адреса. Но и отступить тоже нельзя. Поразмыслив, я решил, что, возможно, удастся влиять опосредованно. Поскольку параллельности в наших мирах налицо, мысли и чувства Кирилла-2 должны хотя бы немного коррелироваться с моими. Поэтому я постарался захотеть поехать за Кирой-2 в горы. Я пытался сделать это желанием главным в себе.

Те маги, которые изобрели ключ для Сенки, безусловно, большие молодцы. Но использовать луну как ключ к параллельному миру, эта их идея, надо признать, не самая лучшая. Если это, конечно, они придумали, а не получилось случайно.

Ключ должен быть все время под рукой, а появление луны мы ожидали сутками. Вот уже прошла неде-

ля, в течение которой не было известий от Киры-2. От этого мы чувствовали себя не в своей тарелке. Я все время проверял здоровье Киры, считая, что если что-то случится с Кирой-2 в горах, то это отразится и на состоянии Киры у нас. Но с Кирой было все в порядке, можно сказать, что она была даже весела и довольна, что ей в общем-то не очень свойственно. Это вселяло в меня определенный оптимизм. Но луна, вот проблема, не появлялась, и казалось, ничего нельзя сделать. Я подумал, что можно попробовать предпринять мозговой штурм. Это означает, если сказать проще, решать задачу до получения ответа, не отвлекаясь ни на что другое. Я усадил Киру на диван, разложил перед ней всякие вкусности, сварил кофе — чтобы не убежала. Вообще заставить Киру отнестись к чему-либо серьезно и начать мыслить в определенном направлении — задача не из легких. Чтобы она пошла на контакт, ее надо подкормить, или подпоить, или создать ей условия комфорта каким-нибудь другим способом. Но это обязательное условие. Можно, правда, подкараулить в ней благоприятный настрой, который посещает ее во время хорошей прогулки, после концерта или плавания, но это не всегда удобно, поскольку ждать подобного добродушия иногда нет возможности и времени. В противном случае она отмахнется, отшутится или притворится больной. Так что пришлось прокладывать путь через желудок. И когда он был проложен, я начал разговор.

— Давай разложим влияние на Сенку луны по полкам. Луна оказывает воздействие на Сенку независимо от своей величины. Я подметил, что это может быть и узкий серп месяца, и полная луна, эффект один и тот же. Что это значит?

— Наверное, на нее влияет не изображение, а вибрации луны. На меня, кстати, тоже. В полнолуние, когда луна особенно активна, я не могу ее долго рассматривать. Мне слышатся какие-то голоса, меня куда-то тянет. Но, видимо, я все же менее чувствительна, чем Сенка.

— Но пока я не показал Сенке луну на Воробьевых горах — в тот первый раз, когда, кстати, она была почти полная, — с Сенкой ничего такого не происходило, хотя луна на небе присутствовала. Почему? Ведь вибрации луны действовали на нас и до того, как она посмотрела на луну.

— Видимо, потому, что на Сенку действует только то, на чем она концентрирует свое внимание. Когда ты показал ей Луну, она обратила на нее внимание и потом начала подстраивать себя под вибрации луны, — обычное дело для Сенки, насколько я понимаю, она именно так познает мир, — и почему-то попала на частоту сознания Киры-2. Возможно, вибрации Киры-2 находятся где-то в промежутке между ее собственными колебаниями и характеристиками луны.

— Значит ли это, что если я сейчас расскажу Сенке о луне и покажу, в каком направлении она сейчас находится, то Сенка сможет настроиться на ее вибрации?

— Раньше, наверное, не смогла бы, потому что не знала, что такое луна и как она вибрирует, а теперь вполне может и получиться. Кстати, ты, наверное, заметил, что все, что случается в первый раз, требует совокупности совпадения определенных условий. Когда у тебя впервые появилась Кира-2, я имею в виду еще на Воробьевых горах, Сенка глазела на почти полную Луну на безоблачном небе, а Рашид в это время подключал Киру-2 к своим проводам. Все сошлось

одновременно, и все равно Кира-2 не могла сначала ни нормально чувствовать себя в моем теле, ни управлять им. Но с каждым разом канал, или коридор, становился все шире и переход проходил легче и лучше. Потом на протяжении какого-то времени был необходим Рашид с его техникой, пока ты не справился сам, без него.

— Возможно, что и так. Допустим. Но что если Сенка потеряла сознание до того, как почувствовала вибрации луны? Если она не сможет их представить и имитировать? Что может помочь ей настроиться на луну?

Кира вздохнула. Казалось, я уже утомил ее. Она обвела глазами комнату. Встала. И стала в очередной раз с пристрастием рассматривать наши картины.

— На стенах скоро не останется места для результатов нашего совместного творчества. Пора увеличивать жилплощадь... — Кира приблизилась в упор к одной из наших абстракций и долго молча разглядывала ее и даже ошупывала. — Знаешь, покажи ей картинку луны, — сказала она, отстранившись от картины. — Или нет. Лучше фотографию. Да. Покажи ей фотографию луны.

Заметив на моем лице недоверие, хмыкнула.

— Попробуй, ты ведь лучше меня знаешь, что фото может дать доступ к любой информации об объекте.

— Да, знаю. Надо попробовать, — сказал я без малейшей надежды.

Я позвал Сенку. Долго и, судя по всему, нудно рассказывал ей о луне. Она даже начала зевать. Указал, где луна сейчас находится.

— Она прямо под нами. Представляешь?

— Не очень.

Она озиралась, ища, видимо, что-то интересное, за что могла зацепиться. С ней ничего такого, чего я ждал, не происходило. Рассказа о луне было явно недостаточно. Сенка взяла ноутбук.

— У тебя есть новые фотографии?

— Нет. Новых нет. Но зато есть вот что.

— Что это? — в своей обычной очаровательной манере она задала вопрос, растягивая гласные и делая акцент на слове «что».

Я не успел ответить. Сенка плавно сползла по диванной подушке, свесив голову.

— Обои для рабочего стола Windows. Синенькая вечерняя фотография с горой, за которую зацепилось облачко, с большим кругом луны. Называется «Восхождение». Вот так, — сказал я сам себе. — Спасибо тебе, Билл Гейтс. Ты прожил эту жизнь не напрасно.

Глава 10

Потянулся, встряхнулся, пошел.

Шел.

Левая, правая.

Левая, правая.

Левая, правая.

Споткнулся, вошел.

Передняя.

Не к месту.

Не в жилу.

И пусть.

Развернулся, ушел.

Задняя.

Сил нет.

Силы есть.

Вход — это выход.

Вышел, пошел.

Шел.

Правая, левая.

Задняя, передняя.

Кира-2 больше не обсуждала, сон я или галлюцинация. Она была настроена по-рабочему и общалась со мной, как со своим другом. По-деловому поругавшись, что я долго ее не звал, она попросила кофе, поскольку кофе у нас вкуснее, после чего сразу перешла к делам. Рассказала, что Кирилл-2 сам перезвонил и спросил, когда и куда приезжать.

— От меня Давид не отходит ни на секунду. Думаю, если он увидит, что я хочу уехать, то обязательно помешает. Меня не отпустит и с Кириллом что-нибудь нехорошее сотворит. Что делать?

— Я смотрю, настроена ты по-деловому. Даже, я сказал бы, по-боевому.

— Так что делать?

— Не знаю пока. Надо подумать.

— Не надо думать. Как было у вас?

— Утром Кира с Давидом поднялись на гору. Часов в девять. Когда я подъехал к гостинице, меня там встретил какой-то Вадик, худой и высокий парень лет двадцати на вид, со светлыми волосами и глупым видом. Знаешь такого?

Кира отрицательно покачала головой.

— Он мне передал Кирины вещи и показал место, где я должен ее ждать. Я высматривал ее справа на склоне. Как только заметил маленькую точку на горе, сразу завел машину. Она съехала, быстро отстегнула сноуборд и запихнула его на заднее сиденье. Все в жуткой спешке. За ней гнался Давид. Все решили секунды...

— Ну нет, это для меня не годится. А если я упаду или Давид меня догонит? Я не так хорошо катаюсь, как твоя Кира, нам надо что-то попроще придумать. А то, чувствую, буду жить в горах... Или не жить. Порвут на опыты? Порвут?

— Не знаю. Но очень может быть.

— Так что?

— Не знаю. Решай на месте.

— Ничего себе, решай! А если не получится?

— Ну, ты уже сама сказала... — Я улыбнулся. Не знаю, что на меня нашло. — Порвут на опыты. Или будешь любимой женой. Первой. Если повезет.

— А что ты веселишься?

— Ладно-ладно. Не кипятись. Просто я уверен, что вы справитесь. Если мы справились... Я не могу это вразумительно изложить и объяснить, но ты должна сама придумать план... И у вас все получится. Ис-

пользуй вместо сноуборда ноги. У тебя ведь сильные ноги... Я в свою очередь сделаю все что смогу.

— А что ты можешь, интересно?

— Кирилл ведь согласился за тобой приехать?

— Это твоя работа?

— Не знаю я. Может быть, и моя, а может быть, и нет. Будем считать, что главное — результат.

— Так, может, и стараться не обязательно. — У Киры загорелись глаза. — Само собой получится?

— Не получится. Как говорил дед Георгий, все предопределено, но, несмотря на это, необходимо действовать так, как будто все зависит от тебя. В магии такое утверждение не противоречиво. Его правильность можно почувствовать.

Когда я смог позвать Киру-2 в следующий раз, это произошло через пять или шесть дней, оказалось, что она уже едет в Москву с Кириллом.

— Все прошло гладко. Правда, пришлось почти все вещи оставить в гостинице. По твоему совету я воспользовалась своими быстрыми ногами. Кирилл ждал меня метрах в двухстах, за стоянкой. Часа два ждал. А я ждала удобного момента. Мы вышли с Давидом на улицу встретить какую-то гостиничную машину. Стали что-то выяснять, о чем-то спорить... Ну, а я в этот момент и дала деру. Прыгнула в машину, даже не оглянулась... Не хотелось видеть его растерянным... Так все быстро произошло. Все эти события... Он и Данил самые близкие мне люди. Ближе и роднее у меня никого не было. Никак не могу смириться с мыслью, что должна от них бежать... Может, это все-таки какая-то ошибка?

— Ладно, не грусти, они мальчики большие, как-нибудь сами справятся. Ты им ничего плохого не сделала. Лучше расскажи мне про меня. Как я там?

— Да так, не очень...
— Как это «не очень»?
— Не очень похож на себя. Ты толстый.
— Да ладно. Не может быть.
— Ну, не то чтобы толстый, но живот видно. Упитанный. И деловой. Весь такой с растопыренными пальцами. Одет с иголочки, часы дорогие, запах дорогой, морда надменная. Представляешь! Сутки в дороге без сна и отдыха, а он как только что от визажиста.

— Хочет понравиться...

— Ну, не знаю, чего он там хочет... Со мной не разговаривает. Морду отворачивает. Едет и молчит. «Пежо-407», серебристый. Салон приятный. Белая кожа. И все дела. Мы уже часов десять едем. Посты все проехали.

— Хорошо. Просто замечательно. Теперь вот что. Пора донести до нашего героя всю историю...

Кира посмотрела на меня с сожалением и стала грызть ноготь. Да уж, увидела бы это моя Кира... Вот шуму было бы. Я перехватил ее руку и опустил.

— А, извини. Дурная привычка.

— Надо избавляться.

— Да я стараюсь. Когда вспоминаю. — Она взяла одну руку в другую. — Ты хочешь, чтобы я рассказала ему про вас?

— По-моему, самое время. Чего ехать в тишине?

— А ты не боишься, что он меня с полдороги из машины выкинет за подобные откровения?

— Не боюсь.

— Ну да, чего тебе бояться? Выкинет же он меня.

— Не выкинет.

— Допустим, не выкинет. Но ты думаешь, он поверит? К тому же ты не забывай, что это здесь я такая шустрая и до разных умных слов охотливая. Здесь не го-

лова, а дом советов и библиотека с картотекой. Там у себя я точно двух слов не свяжу. Я слов-то таких не знаю. Вибрации, параллельные миры, пространственно-временные континуумы, эфемерное существо под названием Сенка. Я не справлюсь.

Интересно, значит, память тела существует. И что же запоминает тело, а что — сознание? Я взял с полки книгу. Конан Дойль на английском языке в подлиннике. Кира читает такие книжки, чтобы не забыть английский.

— Попробуй почитать, красавица.

— Шутишь? Я и по-русски читаю по слогам, стыдно сказать. — Кира-2 осторожно крутила в руках книгу. Открыв посередине, недоверчиво смотрела на текст, а потом медленно, но с выражением прочитала абзац, и с хорошим произношением, между прочим. Хихикнула. Изумленно посмотрела на меня.

— Круто! Вот это да!.. Супер. С ума сойти.

— Не сходи, пожалуйста. Ты такая смешная сейчас. — Я подвел ее к зеркалу. — Видишь, значит, эти умения запоминает тело. Как интересно. А что же помнит личность?

Кира увлеклась просматриванием книги, читала отрывки, шумно радовалась, опять читала и хвалила себя, я же думал о том, как убедить Кирилла в правдивости истории, которую ему расскажет Кира-2. В прошлый раз я попробовал передать фотографии, Кира-2 ушла в свой мир, прижимая их к себе, как это делала Сенка, забирая предметы. Но ничего из этой затеи не получилось. Я, собственно, ничего и не ждал, но проверить такую возможность следовало. Я отнял книгу.

— Слушай, дорогой человек. Расскажешь Кириллу историю из его прошлой жизни. Какую именно, я сейчас придумую. Если придумую правильно и с ним дей-

ствительно такое происходило, то после он поверит во все. Если нет, это хуже, но не смертельно, придумаем что-то еще.

Я долго вспоминал и выбирал, что такого интересного и запоминающего случилось со мной и вполне могло произойти и с Кириллом, но что оставалось малоизвестным для всех других, и в частности для его Киры. Я рассуждал следующим образом: это событие должно было оставить сильный эмоциональный след, иначе он его бы не запомнил, даже если оно и было в его жизни, и оно должно быть обязательно связано с другим хорошо известным или даже близким ему человеком и иметь протяженные во времени последствия. Именно взаимодействие с другим человеком и последствия этих взаимодействий могут дать хоть какую-то гарантию того, что такое событие произошло в нескольких мирах, пускай и с вариациями. Я вспомнил одно такое.

— Расскажешь Кириллу, что в детстве, когда летом он отдыхал в деревне, попал из рогатки прямо в глаз своей бабушке, целясь в птиц.

— Ну ты и кровожадный.

— Это был несчастный случай. Обычно я не попадал даже в птиц, за которыми охотился. Я не хотел их убивать, а лишь пощекотать. Маленький был и глупый. А бабушка... Она вообще стояла очень далеко, за кустами... Хотя об этом лучше не говори — детали могут и не совпадать. Так вот, бабушка потом так и не вылечила этот глаз. Он видел все хуже и хуже. И ничего нельзя было сделать. Врачи не смогли помочь.

— Нехорошо-то как!

— Я и сам очень переживал.

— Да, такое не забудешь.

— Сам сожалею, но изменить прошлое мне не под силу, по крайней мере, в этом состоянии сознания. Что было, то было. Если у него была такая же история, он наш. — Я замолчал, прикидывая, стоит ли напомнить ему еще что-нибудь. — Ну, и... — Я колебался.

— Ну, и?

— Ну а если захочешь его добить, скажи, первый секс у него был в одиннадцать лет.

— Ничего себе! Да ты прямо половой гигант. В одиннадцать лет... Нет, это же надо! — Похоже, этот факт заслонил перед ней все остальное, и она полностью переключилась на меня и мой первый сексуальный опыт. — Ну-ка, ну-ка, поподробнее, пожалуйста. Она была белошвейкой? Рассказывай, рассказывай. А я поиграю с ним в волшебников. Представляю его перекошенную гримасу...

— О-о-о, как ты сразу повеселела. Попала в родную стихию. Мы и так волшебники, играть нам ни к чему. Уточнять не будем, некогда. Хватит и просто упоминания.

— Нет уж. Нет.

Пришлось рассказать. Она так неистовствовала. Хорошо бы, чтобы мои старания помогли. Вот будет финт, если у него все было по-другому. Но я не стал делиться с Кирой своими опасениями.

— А когда эффект будет достигнут, — как можно увереннее сказал я, — можешь привет от меня передать. И рассказать всю историю. Кстати, когда вы приедете к тебе, у подъезда будет ждать Давид, отдаст тебе паспорт, извинится. Не пугайся. Он прилетит на самолете, так оно быстрее.

Теперь моя жизнь приобрела три грани. Кира, Сенка, Кира-2. Я думал, как с каждой из них проводить время, решал проблемы, развлекал, любил. К сожалению, время было одно на всех. В этом наш мир в корне

отличался от мира Сенки. Насколько я понял, время там все-таки присутствовало. Почему «все-таки», да потому, что вначале она вообще заявила мне, что у них нет времени. Но по мере общения с ней я понял, что оно все-таки есть, но обладает весьма странными свойствами. Это трудно описать. Там время подобно нашему пространству. В нем можно останавливаться и находиться в одной и той же точке, сколько пожелаешь. Можно также перемещаться назад. Но назад они не ходят. Практически никогда не используют эту возможность. Им и так хорошо.

— Если уйдешь назад во времени, то можно потеряться и потом никогда не попасть в нужную точку, — говорила Сенка.

Вот так. Как в пустыне. В бесконечной пустыне. Лучше не отрываться... В Сенкиных рассказах были скрыты свои пазлы. Понятно, что все, что она говорит, то, что выражает при помощи слов и образов, которые находит в Кириной голове, лишь туманный намек на то, что действительно происходит в их мире, так как нужных слов и образов просто не существует в Кириной голове, и главное, если бы даже они там и были, я бы все равно ничего не понял, поскольку я не располагаю подобными понятиями. Вот такая штука. Но, несмотря на это, мне безумно интересно слушать Сенкины рассказы и мне жаль, что наше время нельзя остановить и побыть с Сенкой столько, сколько хочется.

Я видел, что Кира хотя и относилась к Сенке все лучше, а к Кире-2 так и вообще с большим сочувствием, пониманием и интересом, тем не менее без удовольствия отдавала им свое время. Сенка же не хотела делиться с Кирой-2.

— У нее свой мир есть. Вот пусть там и проводит время. Ты говорил мне, что там все то же самое, даже ты есть. Зачем ей сюда? Я пытаюсь проследить, откуда

она приходит, может быть, и я туда тоже смогу попасть. Интересно... Только пока никак. Не могу найти путь. Киру твою чувствую, а ту Киру — нет. Ну, ничего, я же Сенка. Сенки везде пролезают, даже если их не ждут. — Прозвучало, как скрытая угроза. — Это должно быть где-то рядом.

В то, что Сенка в конце концов сможет обнаружить проход в мир Киры-2, я верил без труда, поскольку она уже доказала мне, что может гораздо больше того, что я о ней думаю. Как-то мы с Сенкой увлеклись разговорами, и когда настало время возвращать Киру, мы еще сидели в ресторане. Вокруг пили, ели, сновали туда-сюда официанты. Я занервничал. Слишком много любопытных глаз. Возвращать Киру обратно в такой ситуации так, как я делал это всегда, было небезопасно. Обычно я мысленно рисовал круг на земле, куда мы с Сенкой заходили, потом поднимал края этого круга, и мы оказывались в трубе. Крепко обнимал Сенку и очень резко выдергивал ее из очерченного пространства. При этом Сенка теряла сознание, и через какое-то время приходила Кира. Время, пока тело было без сознания, колебалось от пары секунд до нескольких минут. Производить такие манипуляции в ресторане не стоило, в машине невозможно, на улице же шел дождь. Я не знал, что делать, и слегка растерялся. Видя мое состояние, Сенка, хитро улыбаясь, спросила:

— Ну что, позвать тебе твою Киру?

— Да, пора звать, но ты видишь, какие проблемы, я не знаю, что и делать. А как ты можешь мне помочь? Нам место нужно, а его как раз и нет.

— Ты меня обними, я положу голову тебе на плечо и сама позову твою Киру.

— Ты сможешь? Я же тебе никогда не говорил, как я это делаю. — Я действительно скрывал от Сенки

свои действия, она видела только внешнюю сторону манипуляций и то только начало.

— Мне и говорить ничего не надо. Что я, глупая, что ли? Думаешь, не вижу, не чувствую, не знаю? Я же Сенка! — Она посмотрела на меня так многозначительно, так снисходительно, что мне даже сделалось неловко. — Я умная и очень чувствительная. Ты же знаешь. Знаешь?

— Знаю.

— Я за тобой наблюдаю, подсматриваю, прикидываю, отслеживаю. Я же умная. Ты вырезаешь пространство, а потом меня оттуда выдергиваешь, и я оказываюсь на переходе, а с перехода автоматически попадаю к себе. Я уже пробовала, у меня получается. — Она хитро улыбалась.

Да, я вспомнил, что был такой раз, когда мне показалось, что Сенка обмякла на какое-то мгновение раньше, чем я выдернул ее из круга. Поскольку ничего страшного за этим не последовало, я зарегистрировал в памяти этот эпизод, не давая ему объяснений. У меня уже набралась огромная коллекция таких непонятных фактов, которую я время от времени пересматривал. Иногда удавалось что-то из этой кучи вставить в описание того, что происходило вокруг. На этот раз все у Сенки получилось наилучшим образом — вокруг также пили, ели, сновали, и никто не заметил подмены.

Теперь мы все время пользовались ее новым умением, возвращая Киру без дополнительных хлопот. Так что я в общем-то не сомневался, что рано или поздно Сенка пролезет в мир Киры-2.

Но, как оказалось, и пролезать-то ей, если повезет, никуда не надо. Мне пришла в голову гениальная мысль в тот момент, когда я рассказывал Кире о нашем с Сенкой походе в ресторан. Киру не очень занимали

все эти истории, она слушала в пол-уха, и главным образом, наверно, для того, чтобы угодить мне, я же в свою очередь всегда подробно ей докладывал в основном для того, чтобы упорядочить все в своей голове и понять, что не понято. Оказалось, это неплохая идея. Я вдруг подумал, что если Сенка посмотрит на луну в том мире, то туда автоматически попадет моя Кира-2. Зачем мне все это надо, я не представлял. Зато я тут же начал соображать, как передать Кириллу-2 код от Сенки. Правда, была вероятность, что в мир Киры-2 таким образом попадет не моя Кира, а какая-то другая, из другого параллельного мира. Но такая возможность не показалась мне уж очень вероятной. Раз Сенка была промежуточной частотой, то и переход должен был быть туда и обратно. И я начал прикидывать возможности передачи Кириллу-2 кода от Сенки. Код — это только условное название, которое я использовал для простоты. На самом деле это был шар размером чуть больше теннисного мяча с вмятинами для пальцев, весь разрисованный желтыми и красными линиями и с одним сквозным отверстием. В отверстие следовало подуть. При этом получался странный шипяще-свистящий звук. Но я подозреваю, что этот звук не играл никакой роли. А главным было приблизить глаза на нужное расстояние до шара. При этом разрозненные цветные линии сливались в узор, который, видимо, и влиял на сознание Киры, вызывая Сенку. Пока я прикидывал и размышлял в этом направлении, неожиданно всплыла и вероятность того, что на зов Кирилла, воспользовавшегося кодом, явится какая-нибудь другая Сенка, Сенка-2. Или вообще кто-нибудь совсем невероятный... Но это меня ничуть не останавливало.

Мой аппетит разгорался. Я подумал, что раз Сенка может забирать предметы из нашего мира в свой, воз-

можно, она сможет забрать и меня. Это немного не так звучит, поскольку предметы она, конечно, в обычном смысле, не забирает, то есть, естественно, они остаются. Но! Оставаясь здесь, они появляются и там. У Сенки. Разумеется, не в виде предметов, поскольку там нет никаких предметов. Не предусмотрены. Они появляются там в каком-то другом виде. Я так и не разобрался, в каком именно. Можно сказать, что в виде потока информации. Не знаю. Но их в таком виде там может воспринимать не только Сенка, но и Го. Сенка часто забирала с собой наши фотографии, игрушки, украшения, которые показывала Го. Все это оставалось здесь в виде предметов, но и появлялось там.

Я поделился идеей с Сенкой. Она выразила сомнение, но согласилась опробовать. Забрать меня с собой. Я приготовился к самому худшему. И к самому лучшему. И к полному отсутствию результата. Постарался быть спокойным и индифферентным. Сенка крепко обняла меня и умчалась в свой мир к любимому Го. Тепло Киры расслабилось, и я осторожно перевернул ее на спину, сам же, лежа рядом, выключил внутренний диалог и слушал свои ощущения. Меня разрывало изнутри. Медленный внутренний взрыв заполнил мое сознание, высвечивая предметы в комнате в непривычных пропорциях и под несколькими углами одновременно. На фоне изменяющейся комнаты я видел, вернее ощущал, другие миры, или, может быть, это был один другой мир. Кира пришла в себя и что-то говорила мне. Я поднял руку и успокаивающе помахал. Давление в голове стало невыносимым. Я видел много планов одновременно, при этом успевал следить за всеми. Не переводя внимания с одного на другой, а именно одновременно. При этом присутствовал какой-то свистящий звук в ушах. Или, возможно, их просто заложило от поднявшегося давления. Еще немно-

го, и резко все исчезло, оставив после себя лишь сильную головную боль и чувство безмерной глубины любой точки пространства.

Мне очень хотелось услышать комментарии Сенки, поэтому я с трудом дождался следующей встречи.

Сенке тоже, видимо, хотелось поделиться со мной новостями, и, появившись, она затораторила:

— Обычно мои перемещения туда-сюда не фиксирует даже Го. Если, правда, заранее не попросить его держать на этом внимание. В прошлый раз, когда я вернулась с тобой, начался такой писк, вой, такой странный визжащий звук, что все сразу обратили внимание. Не смогли не обратить. А внутри этого звука появились сразу два Го. Представляешь? Один и точно такой же второй. Два огромных темных Го. Звук такой резкий стал, я думала, что все засосутся и потеряют себя, что звук этот все разрушит. Но Го хоть и медленный, но как-то сообразил, что произошло, и поглотил второй вихрь. Теперь у наших есть занятие...

— Что за занятие?

— Придумывать и размышлять, что это было. Что за звук, откуда взялся? Ну, и вообще, что произошло. Все лучше, чем ничего не делать...

— И что думают?

— По-разному... Говорят, что-то случилось в лабораториях Го.

— Го на нас с тобой не ругался?

— Ругался. На меня. На тебя — нет. Сказал, что я должна сама уже соображать, что делаю.

— Еще раз возьмешь меня к себе?

— Возьму, если хочешь. Только Го, как бы это сказать попонятнее, поставил что-то типа такого приборчика, что как только ты появишься, сразу он тебя засосет, автоматически. Промежутка не будет, ты как бы сразу провалишься в Го.

Я все равно не успокоился и просил Сенку еще раз забрать меня к себе. Но действительно, ничего похожего на то, что произошло со мной в первый раз, больше не повторялось. То ли что-то сдвинулось во мне в тот, первый раз, то ли внутри моего сознания что-то все же случилось, но мое восприятие стало менее устойчивым. Часто происходили спонтанные сдвиги, я видел что-то необычное, остро чувствовал объем пространства вокруг. Мои конечности удлинялись, но не в физическом смысле, а как нечто, видимое только мне, что могло дотронуться до предмета или человека за пять, десять или даже тридцать метров. При этом эти новые ощущения были достаточно многоплановые и не ограничивались вышеперечисленным. Зачастую моя ставшая повышенной чувствительность доставляла неудобства. Я задевал новыми длинными конечностями за разнообразные предметы, оглядывался, пытаясь понять, что именно вызвало ощущения. Когда я находил, что это было, я старался запомнить соотношения предметов и те ощущения, которые они вызывали. Временами ощущения становились настолько навязчивыми, что мне приходилось все время держать кулаки сжатыми, только в таком случае мои «новые конечности» теряли чувствительность.

Мои старания оказались не напрасными, а расчет верен. У Кирилла-2 за плечами, похоже, было то же самое. По крайней мере, что касалось детства. Кира-2 праздновала победу и пользовалась ее результатами. Кирилл-2 впадал в ступор, слушая историю о нас с Кирой. Кира-2 и о Сенке не забыла. Так что ему было над чем подумать.

— Даже больно было его оставлять одного в таком непростом состоянии, — говорила Кира 2. — Я подумала, чего доброго еще влетит куда. И так сутки за ру-

лем. А с таким грузом навалившейся информации... Надо было ему это все как-нибудь потом рассказать. В спокойной обстановке.

— Ничего, переживет. Он нормально доехал?

— Да, мы созвонились. Доехал нормально. Но голову ему перекосило по полной программе. Кстати, выяснилось, за что он на меня так зол. Я этого эпизода, естественно, уже не помнила. Он напомнил. У меня таких эпизодов, знаешь, сколько было? Если все помнить, помнилка сломается...

— Ты не отвлекайся. Что он тебе сказал?

— Давно, лет пятнадцать назад, когда мы вместе в сборной были, то ли на выезде, то ли на сборах, я по пьянке велела всем нашим мальчикам штаны снять. Сказала, у кого больше всех, с тем и пойду. И вот стоят передо мной десять оголенных в нужном месте мужиков... А у Кирюхи... В общем, желание его было не просто самым большим, а ну о-о-очень большим. Ну а меня тогда как переклинило. Понимаешь, странные отношения у нас сложились. Какая-то борьба внутренняя, что ли. Типа кто кого. Я спала со всеми, кроме него, а он со всеми, кроме меня. Избегали друг друга всячески. Не знаю, почему. В принципе он мне нравился. Но у меня ни времени не было, ни желания заниматься романтикой. В мои понятия не входило понятие любви, только понятие секса. А у меня, видно, где-то там далеко, под сознанием и под бессознанием, сидело что-то, что говорило: здесь не просто секс... А он... Оказывается, любил меня безумно. Все эти годы. С тех пор, как встретил... В общем, тогда протест во мне какой-то сыграл. Ну я и выбрала музыканта, который в ресторане играл...

— И что Кирилл?

— Он стал возмущаться. И не только он. Все наши. А я сказала, что имела в виду интеллект, мол,

а они что подумали? Лысяк спросил: «А штаны тогда зачем надо было снимать?» А я говорю, чтоб внимание отвлечь...

— Да уж... Нехорошо. И как он там сейчас?

— Нормально, отоспался. Думает...

— Пусть думает. Ему теперь много думать придется. Надо привыкать.

Дальнейшие отношения складывались у них не просто. Вернувшись в Москву, Кира-2 занялась привычным для себя бездельничаньем. Клубы да веселые компании. Кирилл-2 же, оказалось, так же как и я, работал целыми днями, а кроме всего прочего он еще и жил с Ирой. По описаниям Киры-2 я сразу понял, кто это. У меня есть достаточно близкая знакомая Ира, правда, до совместного проживания дело у нас с ней не дошло. Иногда Кира-2 заявлялась под утро к Кириллу-2 со своими пьяными и веселыми подругами, видимо показывая этим свое расположение и искренне не понимая, что ставит всех в неловкое положение. Нам с Кирой сначала казалось удивительным, что в том мире Кирилл-2 и Кира-2 никак не сойдутся, но потом мы вспомнили, как непросто начинались отношения у нас, и списали все недоразумения на переходный период.

Через какое-то время после длительных выяснений отношений Кирилл-2 забрал у Ирки ключи и отдал их Кире-2. Теперь она все так же несколько раз в неделю заявлялась к нему под утро все с теми же подругами или с другими, но теперь открывала дверь своим ключом. Кирилл-2 расстраивался и злился, но что с этим делать, не знал. Видимо, он считал, что лучше так, чем никак. Мне же Кира-2 говорила, что она заходит к Кириллу-2 только потому, что скучает по мне. А он ей напоминает меня больше всех прочих.

Давид действительно прилетел в Москву вслед за Кирой и через какое-то время, так же как было у нас, купил квартиру в новом доме в Отрадном напротив дома, где жила Кира-2. Их приятельские отношения быстро восстановились и грозили снова перейти в более чем приятельские. Давид очень умело ухаживал и заглаживал свои ошибки. Объяснял свое поведение приливом страсти и любви. Кира-2 не вспоминала ему, что он хотел задержать ее в горах, а он ей, что она обманув его, сбежала. Часть своего времени, насколько я понимал, она проводила с ним.

Кириллу-2 начали приходить странные письма от Тени, что заставляло задуматься.

История повторялась. Очень похожие события происходили у нас год назад. Да, мы с Кирой были несколько другими, но, если не обращать внимания на внешнюю обертку, их история очень напоминала нашу. Я не толкал Киру-2 в объятия Кирилла-2. Нет. Я подозревал, что их сближение неизбежно. Или Кира-2 умрет. Если в их мире, так же как и у нас, за ней охотились группы посвященных и маги-одиночки, а на это указывало все, что происходило, значит, или ее будет спасать Кирилл-2, или... Или ее никто не спасет. Но возможно, я тяжело душевно болен и у меня галлюцинации? Я иногда думал над этим и пришел к выводу, что если это и галлюцинации, то они очень качественные и для меня ничем от реальности не отличаются. А раз не отличаются, значит... Значит, это и есть реальность, в которой я вместе с Кирой. Так чего же еще?

Кира-2 проявляла легкомыслие, знакомое мне уже по моей Кире. И такую же непоследовательность, которая ее также несколько не смущала.

— Теперь у меня есть защитник, вот пускай он делает то, что необходимо. Я ничего не умею, ничего не знаю. Ничего в вашей многомерности не пони-

маю, с меня никакого спроса, потому что у меня восемь классов. У меня есть защитник и еще, ты сам говорил, сила, которая меня защищает, считаю, этого достаточно. До этого времени как-то все само собой решалось, и дальше все будет так же. Давай лучше с тобой куда-нибудь сходим, в клуб, например, или на дискотеку, на вечеринку свингерскую... Познакомимся с кем-нибудь новеньким. Все остальное мне неинтересно. Максимум что я могу, так это передать что-нибудь Кириллу-2, да и то только не очень сложное и заковыри-стое, а то перепутаю что-нибудь и будет трам-тарарам. А то он все время про тебя спрашивает. Это будет мой вклад в мою защиту.

Кириллу-2 передать надо было очень многое. Но сделать это через Киру-2 казалось невероятным, поэтому я сообщил ей адрес электронной почты Муслима в надежде, что у них он еще жив и поможет разобраться в местных магических хитроspлетениях.

Лето день за днем близилось к экватору. Прошел день Ивана Купалы, под незаметно проходящие ночи и длинные дни начался июль. Кира-2 уже почти все время жила у Кирилла-2 поскольку только он мог избавить ее от участвовавших приступов удушья, головной боли и войны в солнечном сплетении. Все это указывало на то, что за ней тоже охотились. Как и у нас.

Отношения у них, в отличие от наших, носили истерический характер. С ссорами и бурным сексом во время примирений. Муслим не нашелся. Тысячи разосланных писем со всевозможными комбинациями букв, которые встречались в адресе нашего Муслима, не принесли результата. Почему? Не знаю. Допускаю, что он умер там раньше, чем у нас, а возможно, необходимая комбинация букв не пришла в голову Кириллу-2.

Я передавал код от Сенки частями Кире-2, она общала его Кириллу-2. Для этого я условно разбил шар на сектора и каждый раз передавал только одну часть. Таким образом, я хотел обезопасить нас от того, что Кира-2 сможет представить весь шар целиком. Но, думаю, мои переживания были излишними, поскольку ее совершенно не интересовали ни сам код, ни тем более его части. К следующей нашей встрече она полностью забывала часть, которую запоминала в предыдущий раз. Кирилл-2 в другом мире постепенно собирал шар перехода, оставалось совсем немного.

Давид здравствовал. Его ухаживания приняли несколько навязчивый характер, что, впрочем, нравилось Кире-2. Нашлось еще одно действующее лицо — инвалид Максим. Поскольку Кира-2 увлекалась только тем спортом, для которого спортклуб не нужен, он с присущей ему легкостью и элегантностью познакомился с ней в магазине и сразу же расположил ее к себе.

— Я с таким мужчиной познакомилась, это что-то, — восхищенно говорила она, устроившись на ставшем для нее уже родным диване, попивая кофе, который она почти всегда просила ей приготовить, поскольку у нас кофе казался ей вкуснее и ароматнее. Кстати, почему? В этом предстояло еще разобраться.

— Притом прикинь, — продолжала она, — совершенно случайно познакомилась. Представляешь, я зашла в «Седьмой континент», ну, в тот, который рядом с моим домом, и ковыряюсь в заморозке. Ценник есть на брокколи, а упаковки не видать. Знаешь, какой у них там бардак? Иногда приходится откапывать то что нужно с самого дна. А можно и вообще не найти. Ценник есть — капусты нет. Ну так вот, я стою и копаю, как полярник. Рука еле шевелится от холода. И тут он подкатывает. Такой весь из себя холеный-

прехолоный, вкусный-превкусный, ароматный-преароматный. Импозантный, сил нет. «Давайте, — говорит, — девушка, я вам помогу. Чего изволите? Брокколи?», — Как будто мысли мои читает. Мне подурнело прям. «Брокколи», — отвечаю. «Сейчас, — говорит, — будет Вам брокколи — я все равно холода не чувствую, протез у меня...» И улыбается от уха до уха. И достает прямо оттуда, со дна, где я уже все перерыла, пакет капусты и кладет мне в тележку. «Хотите еще?» И кладет еще один. Как фокусник из рукава. Ну я, сам понимаешь, уже вся его, только позови. Но он не позвал. Домой проводил, пакеты донес... И прощай, пока. Супердядька. Даже телефончик не попросил...

— Что, обидно?

— Чего обидно?

— Что не попросил.

— Ну, так... Есть немного.

— Хм, а ноги у него на месте? Скорее всего, вместо одной ноги у него тоже протез... И на Аль Пачино он, случаем, не похож?

— Насчет ноги не знаю. Шел он, по крайней мере, очень бодренько, не прихрамывал, не тормозил. Говорил, правда, что у него и ноги нет, что может и ногой в холодильник, если мне понадобится. Но я подумала, шутит. Оригинально так с девушкой знакомится. Я и про руку не уверена... может, это фишка такая. Классная, кстати, фишка.

— Это не фишка. У него на самом деле два протеза... Если, конечно, он на Аль Пачино похож. — Я улыбнулся.

— Вылитый. — Она задумалась. Так нехарактерно для этой девушки.

Вот и пришел день, когда все части шара перехода оказались в руках Кирилла-2. Я очень надеялся, что

Кира-2 правильно передала последовательность составления целого из разрисованных кусочков, большинство из которых должны были иметь еще и вмятины или отверстия. Это была суббота. Я через Киру-2 передал последние подробные инструкции, в том числе как вести себя с Сенкой. День провели в ожидании. Но ничего не происходило. Кира немного нервничала. Еще бы. Каково это — осознавать, что в любой момент тебя могут перетащить в другой мир. К ночи позвал Сенку. Она в отличие от Киры была спокойна и сразу попросила чего-нибудь вкусного или интересного.

— Ты не была в новом мире?

— Нет. Еще нет. А должна была?

— Ну, не должна, но уже могла бы.

— Хорошо. Значит, впереди приключение! — Она запрыгала. — А что у нас вкусного?

Возникшая на смену Сенки Кира-2 сообщила, что Кирилл-2 не решился показать ей шар перехода. Говорит: «Я столько тебя добивался, что не готов рисковать тобой сейчас. Вдруг что-то пойдет не так?» Как он не похож на меня. Я тоже боюсь рисковать Кирой, но рискую. И Кира меня в этом абсолютно поддерживает. А что делать?

Глава 11

Ревность проснулась,
Оделась, умылась, ушла, но вернулась.
Ясность забылась.
Тоска поперхнулась.
Глупость раскинулась в кресле.
Раздвинула ноги,
Подумала плохо.
Играем все вместе.
Играем насколько.
Играем неплохо.

Кирилл-2 тормозил. А мы ждали, когда он все-таки решится. Я опять попытался повлиять на него. Трудно, правда, сказать, на что именно я влиял и влиял ли вообще.

В воскресенье вечером я снова позвал Сенку. Она была возбуждена и как будто обижена. Ничего не просила. Села на угол дивана, поджала под себя ноги, выпятила губу.

— Что-нибудь случилось? — спросил как можно ласковее.

Она подбоченилась и отвернулась.

— Понятно. — Я сел рядом.

— Что тебе понятно?

— Что произошло что-то, что тебе не понравилось.

— Кому же понравится? Никому! — Она резко развернулась ко мне. — Он мне ничего не дал. Ни мандарина, ни клубники, даже сока не дал. Ничего не рассказал, не поговорил. Говори: «Мне нужно тебе луно показать». Представляешь? А я? А меня? — Она

опять выпятила губу. Потом сжала кулаки. — А вот фиг ему. Тоже мне, нашел себе раба. И не стала я ни на какую луну смотреть... И вообще он на тебя не похож, какой-то другой. Как так?

— Ладно, Сеночка любимая, не обижайся. Очень прошу тебя. Я там забыл все и совсем. Я стал совсем глупым без тебя. Я исправлюсь. Обещаю стараться сделать это как можно быстрее.

Она заулыбалась.

— А как он там? — спросил я. — Как там вообще?

— Там нормально. Только тело совсем другое. И ты там не такой, как здесь. Раздутый какой-то. — Она выпятила грудь и надула щеки. — Одет красиво. Квартира у тебя там большая. Много комнат, в одной даже нет ничего. Все такое, ну вот такое. — Сенка показала на окно.

— А, стеклянное. Красиво?

— Да, красиво. Только я думала, что он со мной поговорит, все мне покажет, расскажет, угощать будет, гулять поведет. Ну, в общем, как ты здесь. Ты меня любишь, бережешь. А он не любит. Сразу луну подставил.

— Извини, любимая Сеночка. Это я виноват. Только я. Ну, я себе задам, олуху такому.

— И у тебя там самолетики. Много самолетиков. Красивые такие. Но они не летают. Нет, не летают. — Сенка отрицательно покачала головой. — Я один запустила, он не очень-то полетел. Попал в такую большую чашку, она тоже упала, и они оба разбились. Там что-то такое желтое разлилось и зашипело. А он начал ругаться. Ну я и ушла. Будет знать, как на меня ругаться. Он меня потом еще звал несколько раз, но я сразу уходила. Плохой он.

— Не плохой, а глупый. Он не понял ничего. Про тебя. Я ему объясню. И в следующий раз все будет по-другому. Честное слово. Ты мне веришь?

Она оценивающе посмотрела на меня.

— Верю.

Мы пообщались какое-то время, и она ушла, задумчиво глядя на луну.

Кира-2 открыла глаза, поцеловала меня в губы, погладила по бритой голове и виновато произнесла:

— Не получается ничего. Кирилл-2 в шоке. Я его таким еще не видела. Решение позвать Сенку далось ему с большим трудом. Он всю ночь не спал. Думал, прикидывал, мучился. И представляешь, когда все получилось и у него появилась Сенка, она сразу помчалась по квартире, все круша на своем пути и крича, что она умеет писать. Он настолько растерялся, что решил сразу избавиться от нее до выяснения. И начал ей подсовывать луну. Ну, она, вероятно, обиделась и ушла. Уж не знаю, что у них там еще случилось. По-моему, он что-то не договаривает. Я его как могла успокоила немного. Но ты ведь знаешь, успокоительница я та еще. Ну уж, извините. Говорит, давай еще попробуем. А что пробовать теперь? Она его и знать не хочет. Появляется, сразу глаза закатывает и обратно. На контакт не идет.

— Теперь пойдет. Я поговорил с ней. А ты поговори с ним. Объясни ему, что Сенка — это не средство для вызова еще одной тебя, а сама ты. Только в виде квинтэссенции. И эта квинтэссенция еще не очень хорошо ориентируется в наших мирах. Она другая. У нее другие акценты. И если он тебя любит, он просто обязан любить и лелеять Сенку со всеми ее милыми причудами. Если он этого не будет делать, значит, он дурак и ничего не получит. И вы оба умрете, а за вами и мы.

Несколько грубо, но я действительно был зол на него, то есть на себя. Того себя. Сенку обижать... Что это за безобразия?! Я, конечно, мог попросить саму

Сенку не обращать внимания на такое поведение, но не хотел. Сенку я любил во много раз больше, чем самого себя. Тем более в другом мире.

Прошло несколько дней. Поздно вечером, когда мы возвращались из парка, Кира качнулась, я был начеку и поддержал ее, и первый переход из нашего мира в другой, может быть, параллельный или не совсем, был завершен. Какое-то время Кира не могла прийти в себя. Не могла понять, куда мы идем и сколько сейчас времени. Хотя она провела в новом мире час или два, здесь прошло всего лишь мгновение. Мы добрались до дома, Кира легла на диван. Лежала молча. Я ждал, когда она окончательно придет в себя, вернее придет ко мне, поскольку в себе она была уже давно, но именно в себе.

— Очень сложно утрясти все в голове, — наконец-то сказала она. — Очень странное ощущение. Вот мы идем из парка, я на мгновение теряю сознание, и у меня появляется целый пласт воспоминаний о событиях, которые только что произошли. Но в мгновение они не укладываются... Я была там часа полтора. Может, чуть больше.

— Я в курсе. Мне об этом говорила Сенка. Пока она здесь, там для нее время останавливается, хотя, похоже, время там вообще делает что хочет. Но судя по всему, оно ведет себя аналогично и на ваших с Кирой-2 переходах. Странно, что Кира-2 никогда мне ничего такого не говорила. Хотя ей, наверно, все равно. Я не удивлюсь, если она этого даже не заметила... Сенка называет такую остановку времени временным карманом, который образуется за счет энергии перехода.

— Самое интересное, что Кирилл-2 там действительно не такой, как ты. И дело тут не в том, что он более упитанный... — Она запнулась, то ли восстано-

ливая что-то в памяти, то ли подбирая такие слова, чтобы меня не задеть. — Дело вообще не во внешности. Думаю, если его так же побрить, как тебя, сбросить с него килограммчиков пять-шесть, озаботить по полной программе, впрочем, он уже сам озаботился, то получишься вылитый ты. Но! Куда девать его важность и самовлюбленность? Он смотрит по-другому, говорит по-другому. Просить не умеет — приказывает. Его тон даже не предполагает отказа.

— Это скоро пройдет. Он уже обжегся. И будет обжигаться до тех пор, пока не изменится или не сгорит.

— Большая шикарная квартира, модная одежда, хорошая машина...

— Олимпийский чемпион. То, к чему я всегда стремился. Но не случилось, не получилось. В девяносто шестом был совсем рядом, стоило руку протянуть, но... Травмировался и не смог выступить... Может, если бы я тоже стал олимпийским чемпионом, то важность из меня струилась бы не меньше...

— Нет, Кириуша... Титулов и званий у тебя хватает. А важности нет. Я бы даже сказала, что ты антиважный. По сути. Здесь вы совсем разные, и я не верю, что один человек может сочетать в себе несочетаемое. Может, это вовсе не ты?

— Я не знаю точно. Думаю, это все-таки я. Здесь я тебе больше нравлюсь?

— Я тебя люблю. А его боюсь.

Кира посмотрела на меня нежно-нежно, обняла и крепко прижалась.

— Кстати, когда я ему сказала, даже не сказала, а мягко так намекнула, что он мог бы быть постройнее — спортсмен все-таки, хоть и бывший, — он сразу замахал руками. Говорит: «Вы что, все сговорились, что ли? Похудею я, похудею, и в зал я уже почти записался».

«Что значит почти?» — спрашиваю. «Почти — это то, что карту годовую купил». — «Ну, карты, — говорю, — вполне достаточно — в зал можно уже и не ходить. Смотри, какой красавец!» — «Да, буду, — говорит, — буду заниматься. Не все сразу. Я уже худею. От одних этих событий. Не сплю, не ем...»

Она замолчала. Потом, собравшись с новыми мыслями и воспоминаниями, продолжала, чуть отстранившись.

— Есть там еще что-то... Не могу понять что. Но это что-то безошибочно указывает на то, что ты не дома. Эта отчужденность чувствуется во всем. Даже в воздухе... Тебя Кира-2 не спрашивала о наших часах?

— Спрашивала, в первый раз, по-моему. В чем было дело, уже точно не помню, помню только, что удивлялась, разглядывая часы. Говорила, что странные и непонятные. Я тогда хотел уточнить, но времени не было. А потом забылось.

— У них нет разбивки на 12 часов. У всех часов 24 деления. Такая удлиненная коробка с разметками часов и минут, а внутри ползет стрелка. Как дойдет до конца, идет в обратном направлении. Есть, правда, и круглые, но их значительно меньше, типа эксклюзив. Но и на них 24-часовой циферблат...

Я попытался представить такие часы.

И на самом деле это кажется естественным. Раз в сутках 24 часа, значит, и циферблаты должны быть разбиты на 24. Откуда появилось деление на 12, неясно. Мы привыкли и больше не задумываемся об этом, а в общем-то никакой связи между тремя часами дня и тремя часами ночи нет. Так что это я могу понять и принять.

— А как ты себя чувствуешь в чужом теле?

— Нормально. Тело, правда, какое-то немного дубовое. Оно вроде как бы жестче моего... Видимо,

спортивная жизнь сказала, груди почти нет, ноги, руки накачанные, но в целом никаких неудобств. Главное, в зеркало не смотреть, а то можно с ума сойти. Знаешь, очень странно смотреть в зеркало и не видеть там себя. И кофе у них какой-то безвкусный...

— Это намек?

— Да. Сделаешь?

— Лечу мухой.

Я принес Кире кофе.

— Держи, кофеманка.

— А еще я говорила с Давидом.

— Как?

— По телефону. Тоже ощущения очень странные, как сон, только не сон. Разговаривать с человеком, которого уже нет в живых. У нас. Он сам позвонил. Кире-2 на мобильник. А я не удержалась. Интересно стало, просто жуть. Он лежит, кричит призывно и фотку Давида показывает. Ну я и ответила. — Она виновато посмотрела на меня.

— Ну и как? Поговорили?

— Очень коротко. Я сказала, что очень занята и попросила перезвонить позже.

— Ладно, тогда...

— Кирилл-2 говорит, они хотят съездить куда-нибудь, отдохнуть... Типа медового месяца. Ты не против?

— А почему он меня спрашивает?

— Ну, не знаю... Ты ведь сейчас рулишь. Он давно уже живет по твоим советам. Пока жив. Может, это путешествие не укладывается в твой глобальный замысел? — Она состроила хитрую гримасу.

Я задумался. Минут на пять. Попытался просчитать возможные последствия. В мире Киры-2, в нашем мире, в мире Сенки. Это оказалось не просто.

— Пусть едут.

В следующее посещение нового мира моя Кира, сопровождаемая Кириллом-2, вышла на улицу. Ее рассказ не сильно был похож на магический.

— Представляешь, я не могла найти что надеть.

— Как это?

— А вот так. Не в том смысле, что одежды нет. Ее предостаточно. Намного больше, чем у меня. Но... — Она подбирала слова. — Я не ношу такое... Все в обтяжку. Как будто на два размера меньше, чем надо. А обувь... Вся на каблуках. Кирилл-2 заметил мое замешательство. Смеется и плечами пожимает.

— И что?

— Пришлось выбирать из того, что было...

— Погулять-то удалось?

— Да, в общем. Знаешь, это же ее тело. Оно привыкшее. Мне только сначала было неудобно. А потом я уже не чувствовала никакого дискомфорта. Даже стало интересно. Когда случайно увидишь свое отражение в витрине или в зеркале, смотришь, разглядываешь, и только потом до тебя доходит, что это ты.

— Ну и как? Что в том, другом, мире другого?

— Да вроде ничего, и в то же время все. У них, кажется, немного другие пропорции во всем. У нас все более прямоугольное, а там больше смещено к квадрату. Окна, двери разнообразные арки и проемы в домах ниже, но чуть шире, бутылки более пузатые. И еще у них продукты имеют меньше вкуса, или, возможно, это свойство именно Кириного тела. Я про кофе тебе еще в первый раз говорила. Все ощущения как будто немного через вату.

Апрель доставлял Кире все больше беспокойства, и все чаще ей приходилось разруливать проблемные ситуации и различные недоразумения, возникающие

в школе и за ее пределами. Желтая полоса так и норovala то там, то тут стать красной. Но это еще полбеда. Красные признаки начал проявлять и зеленый цвет. Кирилл с головой ушел в экспериментирование с миром-2, и Кира чувствовала себя какой-то ракетой, курсирующей между мирами. Кира-2 завоевывала все больше и больше пространства на Кириной территории, чему явно способствовал Кирилл, возмнивший себя способным влиять на другой мир и Кирилла-2. Он моделировал события, пытаясь сблизить миры, договаривался с Кирой-2 о синхронных действиях.

Странное возбуждение испытала Кира, когда Кирилл объявил ей о возможности ее перехода в мир-2. Поначалу не было ни радости, ни даже интереса. В глубине ее неудовлетворенности царило равнодушие. Хотя совсем недавно она много отдала бы за перемещение в ту реальность. Она мучительно искала вход, но не находила. Теперь же, когда перед ней распахивали дверь в новый мир и ничего не надо было делать, только смотреть, вмещать и слушать, не надо было прилагать никаких внутренних усилий по поиску и бояться, что этот поиск приведет совсем не туда, она почему-то не испытывала особого удовлетворения. Возможно, именно потому, что ей предстояло воспользоваться результатом чужих поисков, чужой удачи. Почему же чужой? Кирилл — это ее создание. Не было бы ее, не было бы Кирилла, по крайней мере, в том виде, в котором он пребывает. Был бы другой. Значит, удача не чужая. Но удача ли? А это уже полностью в ее руках, обернется ли это удачей или нет.

Рассуждая таким образом, холодное равнодушие, обосновавшееся внутри нее, начало постепенно теплеть и проявлять признаки легкой заинтересованности. Красные огоньки на зеленом несколько раз отчаянно дернулись и погасли. Зеленый снова стал только зе-

ленным, а Кира испытала легкое возбуждение от предвкушения.

Она попадет в стабильную реальность. Не притянет выборочные случайные характеристики этой реальности, не будет переживать и бояться последствий искривления чужого мира и непредсказуемого результата взаимодействия выборочных реальностей, ее просто доставят в нужную точку, как на поезде. Подобная перспектива начинала радовать и манить, а все отрицательные чувства и переживания холодной уверенной и сильной струей были отброшены далеко-далеко, а может, даже и смыты вовсе. Впереди открывался загадочный и многообещающий, пока еще расплывчатый, но чрезвычайно манящий и явно зовущий, горизонт, расплывчатость которого с каждым мгновением приобретала более ясные и отчетливые формы.

— Привет, Кирюша!

Едва открыв глаза в новой реальности, услышала Кира. Кирилл-2 поднес ее руку к своим губам и начал нежно целовать.

— Я рад, что получилось.

— Я тоже. — Кира села на кровати. — Я тоже рада. Только как ты узнал, что получилось?

— А... Это... Может показаться странным. Но Кирилл-2, моя Кира, совершенно не похожа на Сенку. И на тебя. Вы все разные. Когда ты еще была без сознания, лицо уходящей Сенки изменилось. Но это не было лицом моей Киры. Ты другая. Несмотря на то, что тело то же. Странно. Но я к этому уже привык.

— Я слышала, Сенка доставляет тебе массу хлопот.

— Ерунда. По сравнению с тем, насколько это необычно и интересно. У меня началась другая жизнь. Совсем другая. И я рад этому необычайно. До сих пор

не могу прийти в себя. Все время щипаю руки и ноги, проверяя, не сплю ли.

— Все мы спим. — Кира попробовала встать. Ее слегка подташнивало. Голова кружилась. Но немного, совсем чуть-чуть.

Она огляделась и медленно подошла к окну. Пейзаж другой, но очень похожий. Дома, дворы, маленькие люди. Перевела взгляд на Кирилла-2. Тоже другой. Но похож. На моего. Но этот полнее и как будто выше. Холеный и лощеный. Смотрит совсем по-другому. Кира огляделась. Хай-тек. Стекло и металл. Белое и серое. Стильно. По всей комнате — модели самолетов. Некоторые свешиваются с кронштейна, прикрепленного к потолку, на еле заметных веревочках, другие стоят на специальных полочках.

— Неплохо.

— Я слышал, у вас не так.

— Да, у нас попроще. — Кира как будто что-то вспомнила, опустила голову и стала осматривать и ощупывать свое тело.

— А... — Кирилл-2, видимо, понял ее порыв. — Пойдем к зеркалу.

Кира долго и с удовольствием изучала себя. Комок мышц. Очень даже. Непривычно. Кириллу понравилось бы. Неужели у нее могло бы быть такое тело? С ума сойти. Такого тела она не хотела. Да, плоский живот — однозначно, прокачанные руки — пожалуй, может быть, только не такие мощные... Но вот ноги... Как у культуриста. Огромные, твердые, выпуклые. Таких ног Кира не хотела.

— Забавно, — сказала она. — Одно лицо... Мы практически одинаковые. Только...

— Только совершенно разные выражения, мимика и наполнение в глазах. Вы по-разному смотрите на мир и по-разному его осознаете.

— Это точно.

Кирилл-2 встал рядом и обнял Киру за плечо.

— Интересно?

— Ужасно интересно... И немного жутко.

— Пойдем, я буду тебя угощать нашей пищей, а ты мне будешь рассказывать. Все, все, все...

Они ели, пили и говорили, пока не вышел срок и не запыкал будильник на сотовом Кирилла-2.

— Их пища ничем не отличается от нашей по виду и по вкусу, — возбужденно докладывала Кира Кириллу. — Может быть, только по интенсивности вкуса. Там все ощущения менее острые, какие-то сглаженные. Кофе не такой горький и ароматный, вино не так растекается внутри, лимон не такой кислый... Там нет такого напряжения и такого удовольствия.

— Не торопись, ты побывала там только один раз. Преждевременно делать выводы. Может, это из-за твоего слишком эмоционального переживания момента.

— Может быть. Хотя повышенный эмоциональный фон, напротив, должен обострять переживания.

— Ну, у обычных людей, пожалуй. Но у тебя ведь все не так... Как тебе Кирилл-2?

— Ты и не ты. Странное ощущение. Немного даже жутковатое. Но... — Кира подбирала слова. — Он для меня чужой. Я не чувствую в нем близкого человека. Он сильно отличается от тебя. Особенно внутри. Он другой. Он горд собой.

— Неужели?

Кира пожала плечами.

— Впрочем, ты прав, рано делать выводы.

— Выводов не надо. Ты просто рассказывай. Про Киру-2, про все, все, все.

— Кирилл-2 тоже просил меня рассказывать, точно так же как и ты, про все, все, все.

— Ну, хоть здесь мы не отличаемся...

— Нисколько.

Они улеглись на диване, и Кира начала рассказывать обо всем, что запомнилось, что задело и удивило — сумбурно, сбивчиво, совсем не так, как она вещала обычно. Кирилл даже подумал, что это влияние Киры-2, но потом, подумав еще, списал это на счет усталости и необычности пережитых ощущений.

Визиты Киры в мир иной стали регулярными. Она передавала Кириллу-2 информацию, которую Кира-2 не могла вместить и правильно до него донести. Они ужинали в кафе и клубах, слушали музыку, занимались любовью, гуляли. Новый Кирилл не скрывал своего восторга и удовольствия от общения с Кирой, жалуясь на ограниченность и необразованность своей Киры.

— Зачем ты так говоришь? — В свою очередь удивлялась Кира. — Ты ведь любишь ее. И любишь давно. Лет пятнадцать, если я правильно поняла.

— Да, верно. Но это другое. Это страсть. У нее шикарное тело. И она завладела мной без остатка. Но... Во мне живет обида. Обида за то, что она тогда пренебрегла мною, и обида... Или даже не обида, а досада за то, что я так глупо упал в любовь к девушке, которая имела мужчин больше, чем листьев на этом дереве. — Он посмотрел куда-то вдаль, как будто пряча от Киры глаза. — Конечно, я люблю ее. Но ведь ты — это тоже она. Только немного другая. Мягкая, нежная, романтическая, творческая. Я бы хотел, чтобы она была, как ты.

— Может быть, когда-то и будет... А я, как она. Кирилл хочет, чтобы мы максимально сблизились.

— Я тоже этого хочу. Но больше всего меня сейчас волнуют мое непонимание ситуации и неспособность защищаться. Я пытаюсь что-то делать. Но это все не то. На ощупь. Вслепую. По вашим наводкам. Но со своим неведением. Все время звонит Давид. Ки-

ра его постоянно встречается. Она слабая на ухаживания. Подхватывает его игру. Отвечает на нее. А я схожу с ума... И не смотри на меня так... Да, я ревную. Но я давно уже обуздал свою ревность. Загнал ее. Как лошадь. И она выдохлась. Я боюсь за Киру. Боюсь потерять ее. Звоню ей по тридцать раз на день. Если она не сразу берет трубку или вообще не берет, я покрываюсь холодной испариной и начинаю набирать ее номер, пока она не откликнется, мысленно представляя ее уже связанной или привязанной к больничной кушетке в каком-нибудь медицинском подвале... И после таких моих терзаний трубка вдруг оживает и я слышу спокойный голосок: «Да. Привет, Кирюша! Извини. Я видела твои звонки... Но не могла. Была в примерочной. Ты же знаешь, когда я что-нибудь выбираю, примеряю, я не могу отвлекаться. Я уже собиралась тебе звонить. Ты знаешь, какой пиджачок я купила? Улет! Супер! Девчонкам от зависти башку снесет. Ладно, милый, потом созвонимся, я тут еще не закончила. Целую. Пока». И все. Пару дней назад она потеряла сознание прямо на улице. Хорошо, мне позвонили сердобольные старушки с ее сотового. И хорошо, что именно мне. Впрочем, не знаю, кому они еще успели позвонить, но когда я прилетел на место, там уже были какие-то люди и, похоже, собирались забрать ее. Я вовремя явился. Повезло. А если пробки или... Да мало ли что? Привез домой — еле дышит. Чтобы что-то сделать по вашим инструкциям, нужно, по крайней мере, успокоиться и сосредоточиться, опустошить голову, очистить сознание. Куда там! Меня всего трясло. Пока я справился с собой, она чуть не испустила последнее дыхание. Причем я никогда не знаю — становится ей легче благодаря моим стараниям или само собой так происходит, что она самовосстанавливается.

— Старайся не думать об этом. Главное, что ей стало легче. Какая разница, ты или она? Вы вместе. Вы сделали это.

— Да, сделали. На этот раз. А что дальше? Я вижу, как на нее влияют. Она вдруг изменяется в лице и становится ужасно агрессивной.

— Вам хорошо, вы живете вместе, ты можешь все это отслеживать и убирать.

— А что вам мешает?

Кира задумалась. Действительно, что? Да, у нее немножко другие отношения с Олегом. Они сохраняют видимость семьи. Она должна жить с сыном. Но ведь и Кира-2 тоже должна. Ее Апрель еще более беспомощный. Однако она забила на него и навевывается к нему только время от времени. Нет. Она, Кира, так не смогла бы... Да и Кирилл ей не предлагал постоянно жить у него.

— Я даже не думала о такой возможности. Апрель еще маленький, чтобы жить самостоятельно.

— Ничего себе маленький. Через год школу закончит.

— Ну да. Дело, конечно, не только в Апреле. Не хочется ссориться с Олегом. Сейчас вроде все более-менее тихо. Время от времени, когда выпьет, он начинает выяснять отношения... Но все в рамках. А если я уйду к Кириллу, будет скандал.

— Будет. У нас уже был. Но Кире-2 палец в рот не клади. Олег устроил сцену ревности и отступил.

— Ну, вот видишь... Только, думаю, отступил ненадолго.

— Не знаю. Посмотрим. Меня сейчас больше напрягают ребята с гор. И бесит явное к ним Кирино расположение. После общения с Давидом или Рашидом ее как будто подменяют. Она становится важной и ведет себя, как мешок с золотом. Мол, она такая необыкновенная и ценная, а снизошла до меня...

— А ты думаешь, что это ты снизошел до нее? —
Кира улыбнулась.

— Ты права. Иногда думаю.

— Вам смириться нужно. И тебе, такому продвинутому и умному, и ей, такой уникальной, какой она себя вдруг осознала. Не обращать внимания на все, кроме главного. А главное то, что ей без тебя не выжить...

— А мне без нее?

Кира широко улыбнулась.

— А тебя без нее вообще нет.

Чем больше Кира находилась в новом мире, тем менее реальным он казался — каким-то ненастоящим, обманным. Что-то висело в воздухе, присутствовало во всем, что-то, по чему Кира всегда безошибочно определяла, что она не дома. Кроме присутствия этого эфемерного, чуждого элемента, она находила все новые и новые признаки чужого мира. Они не бросались в глаза, но со временем и с нарастающей успокоенностью Киры проявлялись вполне определенно. Вместе с растущей уверенностью она приобретала способность спокойного наблюдения и беспристрастной оценки, что в первое время было просто невозможно. Так, она стала замечать, что здесь совсем другие пропорции. Во всем. В домах на улицах, в машинах на дорогах, да и в самих улицах и дорогах, иногда с трудом уловимые, а порой совершенно явные. Так, светофоры были ниже, а их лампы располагались перпендикулярно столбу, на пешеходных переходах вместо «зебры» были ломаные линии желтого цвета. В различных предметах — технике, мебели, в упаковке — также присутствовал элемент отчуждения. В магазинах, например, не было плоских и длинных коробок, таких, в которые обычно

упаковывают конфеты. Там упаковка всегда имела форму куба, а конфеты или другие продукты располагались внутри в несколько слоев, переложенных плоским картоном с вкладышами. Вкладыши пестрили различными загадками и пазлами и ответами на загадки и пазлы, вероятно, находящимися в других коробках. Такие вкладыши были везде: в яйцах, в замороженных продуктах, в кондитерских изделиях — во всем, что продавалось в коробках, форма которых всегда была близка к правильному кубу. Яйца продавались по восемь штук, два на два в два ряда, по семнадцать, три на три в два ряда, и по двадцать семь, три на три в три ряда. Имелись, разумеется, исключения, но это были эксклюзивные варианты упаковки и стоили они дороже. Причем производителями продукции являлись все те же «Бабаевский», «Микоян», «Коркунов», «Останкинский мясокомбинат», «Домик в деревне» и прочие. Были и новые, другие. Не было некоторых привычных, «Красного Октября», например. Кира с большим интересом ходила по магазинам и изучала ассортимент, внимательно вчитываясь и всматриваясь в надписи на упаковках. Кирилл-2 не мешал. Терпеливо следовал за Кирой и, казалось, тоже получал удовольствие. Чаще всего, правда, отличия были практически неуловимыми, но они чувствовались. Кира долго и с пристрастием рассматривала «Ауди» Киры-2. Вроде, точно такая же машина. Даже царапины в тех же местах. Фантастика. Но! Но что-то не то и не так. Что-то, что сразу говорило: «Я не твоя машина». Со временем Кира поняла, что дело все в тех же пропорциях, где-то чуть пошире, где-то повыше, где-то изгиб другой или угол. Но точное совпадение деталей и различных мелочей вводило в тупик и мешало найти разницу. Тем не менее Киру весьма занимал этот процесс, и она

называла подобное времяпровождение «найди пять отличий». Было забавно.

Но больше всего ее поразили часы. Их устройство. Иногда по форме они были традиционными — круглыми, квадратными, овальными — ничего неожиданно, но циферблат делился на двадцать четыре часа, причем полдень располагался справа, а полночь слева, сверху — шесть утра, снизу — шесть вечера. Логичное движение по кругу: сверху вниз — рабочие часы, снизу вверх — отдых. Но большинство часов были линейными, будь то настенные или настольные. Стрелка с шести утра до шести вечера перемещалась слева направо, а с шести вечера до шести утра справа налево по прямой. Такие часы были выполнены в виде вытянутого параллелепипеда или дуги на подставке или без. Встречались также и наручные, сделанные по такому же принципу, с длинным прямоугольным циферблатом.

Эти отличия в фиксировании времени занимали Киру. Время являлось самым загадочным и определенно существующим только в воображении живых существ фактором, указывая на несовершенство их сознания. Кира не сомневалась, что ключ ко всем загадкам мира лежит в загадке времени, разгадав которую, можно сразу получить ответы на все мыслимые и немыслимые вопросы. Время возникало вследствие искажения и искривления пространства под действием психических импульсов. Все равно, как подглядывать сквозь узкую щель. Предметы, попадающие в поле зрения, не являются предметами сами по себе, а лишь представляют собой маленькие их части, приходящие из ниоткуда и уходящие в никуда, то есть из времени и во время. А настоящее для подглядывающего определяется происходящим только в этой крохотной щелчке. И если убрать занавес и посмотреть на всю сцену широко открытыми глазами, то сразу будут видны реальные пред-

меты, постоянно существующие, а не приходящие и уходящие в небытие. И то, что было невидимым и было скрыто во времени, откроется и оголится, обнажит свою тайную жизнь.

Но как бы Кире ни хотелось ухватиться за какой-нибудь кончик, свешивающийся из нового мира с его странной регистрацией времени, и подтверждающий ее теорию, она так и не смогла придумать что-либо интересное и заслуживающее внимания быть изложенным Кириллу. Про странные часы она ему, конечно, рассказала, но не стала делать из этой странности никаких выводов и предположений.

Время тем не менее вело себя весьма загадочно. Попадая в новый мир и проводя там по несколько часов, Кира не находилась эти несколько часов в бессознательном состоянии или трансе. Часы, проведенные там, были мгновением здесь. Голова выключалась на доли секунды, и в ней появлялась информация. Просто, банально, тупо. Иногда, правда, после такой кратковременной потери себя ее сильно тошнило. Если в этот переходный момент она шла или бежала, то вдруг могла припасть на колени или споткнуться. Вот и все. Но Кирилл все же старался рассчитать часы переходов таким образом, чтобы Кира в это время находилась в состоянии покоя и желательно рядом с ним — как бы чего не вышло.

Его опасения со временем стали подтверждаться, и переходы иногда проходили труднее. Так, несколько раз после посещения нового мира она минут по десять чувствовала головокружение и не могла пошевелиться. Но это ни в малейшей степени не останавливало ни Киру, ни Кирилла. Кира почувствовала новый вкус и не хотела от него отказываться. Кирилл же был решительно настроен двигаться вперед и только вперед по этой весьма скользкой дорожке, которая вела неизвестно ку-

да и в любой момент могла оказаться дорогой в один конец. Кира об этом старалась не думать, что было очень в ее духе. «Чтобы избавиться от проблемы, нужно просто о ней забыть» — вполне могло бы стать ее девизом. Кирилл же размышлял об этом довольно-таки часто. У него уже был печальный опыт потери Киры где-то между мирами, в безвременье, в небытии, и пережить этот кошмар еще раз ему совершенно не хотелось. Это с одной стороны. С другой — ситуация вовсе не выглядела безысходной и такой уж мрачной, поскольку из небытия Кира все же вернулась, жива и невредима, да к тому же и с приобретенным опытом, который нигде больше не получишь. Кроме того, Кирилл уже достаточно продвинулся в практике видения, и своим внутренним зрением — зрением сознания — он иногда отслеживал переходы и учился их контролировать.

Его интерес к подобным изысканиям был настолько велик, что вряд ли он не смог бы найти оправданий продолжению своих исследований, что бы ни случилось. Это касалось как Киры-2, так и Сенки, с которой он проводил тоже много времени. Для него, как для исследователя, мир Сенки представлялся загадочным, трудно описуемым. Мир, в котором больше всего ценилась и была определенным дефицитом мысль. Мир, где все было доступно, где все можно было сотворить и получить, извлечь из лучистой материи самого себя — знать бы что. Это и было загвоздкой, камнем преткновения. Сущности, постоянно находящиеся в состоянии какой-то полудремы, смешанной с самосозерцанием, не могли найти себе занятия и постоянно скучали, будучи бессмертными и вечными, по крайней мере, относительно своей памяти, которая, правда, как выяснилось, была весьма коротка. Те из них, кто обладал творческой энергией и мог выразить свое креативное начало, считались лучшими из лучших и достойными ува-

жения и почитания. Но таких насчитывалось немного. Большинство были рабами. Но рабами не в нашем обычном понимании. Скорее, рабами ничегонеделания и скуки. Они с удовольствием брались за любую предлагавшуюся им работу. Выдумать себе работу сами они не могли. У них не было мысли.

Все, что рассказывала Сенка, Кирилл записывал на диктофон, чтобы потом спокойно осмыслить полученную информацию.

Кира же строила свои собственные планы и не собиралась знакомить с ними Кирилла. А решила она непременно встретиться с Давидом. Ни больше ни меньше. Трудно сказать, какими именно соображениями она руководствовалась, так опрометчиво ставя под угрозу свою безопасность и, разумеется, безопасность Киры-2. В смежном мире и без этого было беспокойно. Рашид продолжал свои исследования с удвоенной силой, надеясь, что в нужный момент он сможет уговорить Киру-2 сотрудничать с ним. Давид, в свою очередь, не упускал ее из вида, поддерживая постоянный контакт. Так что задуманное Кирой мероприятие представлялось более чем рискованным. Но Кира оставалась собой и пока еще не научилась себе отказывать. Ни в чем.

Глава 12

Искажение —
всегда следствие ограничения.
Единственное,
Чем занимается человеческое сознание, —
это искажением реальности.

Кира входила во вкус и уже с большим энтузиазмом и без страха отправлялась в новый мир. Мне приходилось довольствоваться рассказами. Рассказами трех моих девушек: Киры, Сенки и Киры-2. Часто они говорили об одних и тех же событиях, но абсолютно по-разному, делая упор каждая на своем, а у меня вследствие этого складывалось многогранное, хотя иногда и противоречивое, впечатление о происходившем.

Интересные и непростые отношения сложились у Кирилла-2 с Сенкой. Он вел себя неуклюже, можно сказать, странно. Чтобы расположить к себе Сенку, он старался всячески ее задобрить, что, на мой взгляд, делал слишком явно. Он потворствовал ей во всем, покупал украшения, водил по людным местам, выставкам, ресторанам. Сенка прекрасно понимала, откуда растут ноги. Она ведь не столько видит, сколько чувствует. А если умножить ее чувствование вибраций на вздорность Киры-2, то мы получим идеальную террористку, от которой ничего не скрыть и которая, без сомнения, ударит в самое больное место. А то, что, входя в мир, Сенка наследует не только тело, но и частично поведение, у меня уже был повод убедиться. Взрывча-

тое вещество Сенка-Кира-2-толуол и запал, изготовленный неуклюжими действиями Кирилла, были готовы к применению. Осталось использовать его в многолюдном месте. Кирилл, следуя своей линии задабривания, взял Сенку на дегустацию сыров, чего даже я не рискнул бы сделать.

Дегустация — это небольшой спектакль для элитного общества. Дорогие билеты отфильтровывают мужчин в модных костюмах и женщин в вечерних платьях. Молчаливые официанты и ведущий, увлеченно повествующий историю и особенности каждого сорта сыра. Негромкая музыка и манерность за столом. Так должно было быть и, наверное, было всегда, кроме этого раза. Красный от смущения Кирилл, поставленный в тупик вопросами Сенки, ведущий, растерянные официанты. Бенефис Сенки, спектакль одного актера, что, естественно, вызвало возмущение остальных дам, еще больше накаливших обстановку. Мужчины же, наоборот, умилялись красивой, модно одетой девушкой, ведущей себя крайне необычно и при этом совершенно не умеющей смущаться. Что точно там произошло, я не знаю. Знаю только, что был большой скандал. И Сенка, появившись в нашем мире, срочно попросила меня научить ее пользоваться ножом и вилок, сказала, что у нее теперь есть список любимых сыров, который находится у Кирилла. Моя Кира передала мне жалобы Кирилла на невообразимое поведение Сенки, которая выставила его полным идиотом.

И смешно, и грустно. К тому же я вспомнил, что точно в то время, когда Кирилл водил Сенку на дегустацию, я чувствовал себя не в своей тарелке, притом совершенно не находя причин для такого самочувствия. Теперь я осознал, что это состояние Кирилла передавалось мне.

Со мной Сенка всегда вела себя очень кротко и ласково. Мир да любовь. Мы всячески угождали друг другу, говорили нежные слова и старались почаще находиться в тактильном контакте. Я покупал продукты, которые Сенка еще не пробовала, в чем мне с удовольствием помогала Кира. У нас даже родилось что-то вроде конкуренции, кто вспомнит более оригинальный продукт, которым можно угостить Сенку. Она же, со своей стороны, зная мою слабость к информации, которой она обладает, рассказывала всякие интересные и новые вещи о своем мире и о других мирах, в которых побывала. О законах, слухах, домыслах, о тех легендах, которые в их мире составляли свод законов. Так я узнал о Тарнаме. Это что-то вроде всеобщего собрания жителей. Причем Тарнам у них наступает, как у нас ночь или день. Сам по себе. Только в отличие от дня и ночи никто не знает, когда придет очередной Тарнам. Они лишь чувствуют его приближение и готовятся кто как может и хочет.

— Мы общаемся друг с другом, обмениваемся впечатлениями. По-вашему — это как вечеринка. Это не совсем так, даже совсем не так, но это самое близкое слово. Нам более радостно, чем обычно. Также на Тарнаме мы решаем разные дела. Это легко сделать, потому что приходят все, кто живет в нашем мире и кто смог прийти. Тебе, наверное, интересно. Я специально посчитала. Знала, что ты будешь спрашивать. На последнем Тарнаме нас было 49.

Кирилл-2 купил путевки в дорогой небольшой отель в Бодруме. Что, безусловно, было признанием в любви Кире-2 и было расценено ею только как признание, но не как подарок. Она любила большие и шумные отели. Но дело сделано.

О том, что происходит в Турции, первой мне начала рассказывать Кира. Кирилл звал ее часто. Видимо, только так он мог немного расслабиться и отдохнуть.

— У них там ужас что творится. — Говорила Кира. — Во-первых, контакта между Сенкой и Кириллом нет. Как и прежде. И не намечается.

— Все воюют?

— Ну да. Хотя это, наверное, во-вторых. А во-первых, там обнаружилась проблема с Кирой.

— Какая такая проблема?

— Ну, Кира-2 девушка у нас практически легкого поведения. Не в том смысле, в котором используют обычно у нас это словосочетание, а в прямом смысле. Она ведет себя легко. Очень непринужденно. Заигрывает со всеми, с кем хочется. Собственно, ведет себя так, как привыкла себя вести, не обращая внимания на то, что она не одна, а с Кириллом... Кирилл переживает и ревнует... Ну и, в-третьих, Сенка чуть не утонула.

— Это хорошо, что «чуть». — Я воспринимал услышанное стоически-героически. Как шахматный компьютер, которому поставили шах, но еще не мат. — Рассказывай, что случилось.

— Сенка очень любит плавать, как я. Ты сам знаешь. Когда мы были в Египте, ты без труда научил ее. Но там было мое тело... А тело Киры-2 плавать не умеет. Кира там вообще боится воды... Понимаешь?

— Чего ж непонятного. Понимаю и могу себе представить...

— Представь. Обрадованная Сенка первым делом к морю: «Я умею плавать, я умею плавать». Кирилл за ней: «Осторожно, Сеночка, не спеши». Чтобы Сенка и не спешила... Ну, она с разбега... В воду. А там — облом.

— Кто такой у нас облом? — я пытался шутить.

— Облом чуть ее не утопил. Кирилл пришел на помощь...

— Понятно... Что еще у нас плохого?

— Воды наглоталась. Расплакалась... А в остальном нормально. Ничего плохого... Знаешь, я потом сама попробовала поплавать там. В том теле.

— И как?

— Да никак. Топориком на дно. Потом, конечно, приноровилась... Поплыла как-то. Вернее, кое-как. Тяжело... Это не плавание, а мучение. Я проплыла метров десять и так устала, как я у нас за весь день не устаю. Тело не плывет, а барахтается. Я плаваю, как хожу, — автоматически. А там не только полное отсутствие какого-либо автоматизма... Там тело просто отказывается слушаться... Я помню, какие надо движения делать, а тело не хочет. Оно барахтается и все время норовит плыть как-то по-собачьи... Неприятное ощущение.

— Да, интересно. Возможно, это то же самое, как умение писать. Например, я считаю, что умею писать, но беря ручку в другую руку, я не могу написать и строчки. Значит, это не я умею писать, а тело? Правильно?

— Похоже на то.

— Соответственно, раз тело Киры-2 не умеет плавать, то ни ты, ни Сенка в этом теле тоже плавать не сможете.

— Пожалуй, что да...

— А как вы с Кириллом ладите?

— У нас все хорошо. Он типа тебя. Вопросы всякие задавать любит. Вернее, больше он любит получать ответы на свои вопросы. Знаешь, вроде вы совсем разные. Внутри. Ну, я тебе уже говорила об этом. А вопросы задаете одни и те же.

— Ну значит, не такие уж и разные.

— Значит, не такие. Он меня холит и лелеет. Нежен, ласков, услужлив. Говорит, хочет жениться на Кире, детей хочет, тихой семейной жизни... — Кира многозначительно посмотрела на меня, но я не повелся.

Не дождавшись никакой моей реакции, она продолжала.

— А она явно к этому еще не готова. Или вообще никогда не будет готова. Хотя у меня самой был период, когда я жила так же, как она. Друзья, подруги, казино, клубы, тусовки... В одной руке бутылка с коньяком, в другой — сигарета с травой... Жалко его. Он такой домашний. Знаешь, у него всегда такой порядок, чисто-чисто, особенно на кухне, цветочки в вазочке. Он что-то приготовит, сразу посуду помоеет, вытрет и поставит на место. На кухне техника всякая: комбайны, тостеры, фритюрницы... И самое главное, он всем этим пользуется... И все всегда на своих местах. Передничек всегда одевает, когда готовит. Стол по полной программе сервирует, даже если мы собираемся просто перекусить...

— Это на меня не похоже. Приготовление пищи, кулинария меня никогда не занимали. Если мы действительно должны реализовать все возможности, все всевозможные варианты своей жизни в параллельных мирах, то Кирилл-2 не очень близкий, но не столь уж далекий вариант от моего. Так, где-то рядом, в соседнем подъезде.

— Как же мне сейчас интересно живется! — Кира закатила глаза и откинула голову. Из Москвы — раз — и на море. Поплавала, погрелась на солнышке. Хоп — и обратно. Ни на самолете лететь, ни в аэропорту париться. Круто, правда? — Она потянулась. — Жаль, ты не можешь попробовать.

Эти слова Киры заставили меня задуматься. Почему это я не могу? Может быть, могу. Что для этого нуж-

но? Перестроить свои числа, еще иметь тело в другом мире, в которое можно войти, еще что? Я прокручивал эту идею в голове несколько дней. Рассматривал ее с разных сторон. Пришел я к следующим выводам: проникать в мир Кирилла-2 собственными силами не стоит, очень это небезопасно. Поскольку кода перехода моего сознания у меня на руках не было, мне, даже если я и найду тот мир, придется вытеснить сознание Кирилла-2, что крайне опасно из-за отсутствия практики. Также, насколько я понимаю, не могут существовать два одинаковых сознания в одном мире одновременно. Будет так, как в тот раз, когда меня Сенка в свой мир забрала, где от этого чуть все не умерли. А как сделать так, чтобы сознание Кирилла-2 не только покинуло тело, но и ушло из того мира одновременно с приходом моего, пока никакого понимания не было. И еще, как вернуться, если все же получится туда попасть? Как вернуть сознание Кирилла-2 и свое? Не заблудиться бы мне в бесконечности миров с непривычки. Так и будем бродить мы с Кириллом-2, бестелесные, по бесконечности миров, пытаюсь вернуться, а Кира здесь одна останется. Не годится. Нет, пожалуй, не стоит сейчас идти на такие эксперименты. Есть дела более насущные и менее опасные.

Я продолжал копить информацию — три в одном. Кира-2 говорила в основном только о себе и о мужчинах. Сенка — о том, чему научилась новому, что узнала, что ее поразило, иногда жаловалась на Кирилла-2. Самые спокойные и наиболее объективные рассказы доносила до меня моя Кира — спокойные эмоционально, но событий в них было предостаточно.

— Сенка продолжает мучить Кирилла. Он этот отдых надолго запомнит. И вообще, так нельзя. Надо с этим что-то делать. Ты должен, просто обязан на нее повлиять.

— А что случилось-то?

— Ничего не случилось. Все пока живы и, как ни странно, здоровы. Но если так пойдет дальше, то это ненадолго. Сенка ведет себя совершенно вызывающе. Ужасно вредное и жестокое это существо. — Кира посмотрела на мое лицо, которое отнюдь не выражало согласия. — Ну, не знаю, что на нее там так плохо влияет. Может, местный воздух? Может, там в атмосфере что-то, что ей крышу перекашивает, но там она невыносима. Это с тобой она белая и пушистая, а там — вождь краснокожих.

— Так в чем дело-то? Конкретно. Это все слова. Они что, подрались?

— Нет, все проще. Они шли на море...

— Ну, естественно. Куда еще можно идти с этой любительницей плавать...

— Сенка попросила воды. Кирилл мухой за водой. «Муха» прилетела, а Сенки след простыл. Он повертелся вокруг своей оси и — на пляж. Опять повертелся с тем же результатом. Он обратно в бар, тоже нет. Побегал вокруг — никого. Естественно, испугался. Мало ли что может быть. Может, враги украли, может, утонула, может, стабильность потеряла. Он заметался с этим стаканчиком туда-сюда. Потом догадался спросить тех, кто в баре сидит. Представляешь, такой большой дядька на ломаном английском, подбирая слова, разыскивает свою девушку в отеле, где всего пятьдесят апартаментов. Площадь огромная, а людей почти нет. А главное, нет русских. Русские пока в такие отели не ездят... И те буржуа, которые все же оказались в баре, смеются и плечами пожимают, явно не понимают его паники: взрослая уже тетя, что с ней может быть? Он обегал все бассейны, все бары, площадки для игр. И везде спрашивает про свою девушку, а в ответ только смеются.

Его совсем загнуло. Тут какой-то дед, видимо, сжалившись над ним, показал ему глазами под свой столик с огромной накрахмаленной скатертью. Кирилл скатерть приподнял, а там Сенка. Оказалось, что она не все время там сидела, а постоянно перебегала, чтобы за ним следить и смотреть, как он ее ищет. А все остальные чувствовали себя, как в бесплатном цирке. Даже измышлять не хочется, что они там думали. Психи на выезде...

Сенка рассказала свою версию.

— А что, знаешь, как было весело. Все смеялись. Мы шли на пляж, а я ему говорю: «Хочу воды». Он только направился в бар, я все вещи бросила, нырнула под столы и за ним. Он такой важный, долго объяснял официанту, какой коктейль мне сделать, а я тут, прямо рядом с ним, под столом. — Она радостно смеялась. — Ну, пока он меня выискивал, я за ним бегала, прячась под столами, за пальмами, даже под лежаками. Здорово?

— Думаешь?

— Конечно. Раз все смеялись, значит, здорово. И весело! Я знаю, я уже большая. Раз все смеются, значит, весело. Теперь я тоже умею шутить. Как вы. Вот!

— А Кирилл?

— Что Кирилл?

— Ну, ему было смешно?

— Нет, но это потому, что он слишком важный. В игру не втянулся. — Она вздохнула. — И вообще, не любит он меня. Сразу видно, что хочет побыстрее от меня избавиться, только о твоей Кире и думает.

Последней была Кира-2.

— Твоя Сенка нас всех опозорит. Теперь на нас все показывают пальцами и смеются. Прикинь, Кирилл говорит, что она в баре и в лобби под столами в одних

стрингах на четвереньках ползала, от него пряталась...

— А нечего в одних стрингах разгуливать...

— Смеешься? Предполагалось, между прочим, что они только на пляже будут. Я всегда топлес загораю.

— Действительно впечатляюще. Цирк. Но ты не переживай, это мелочи, которыми нам приходится платить за то, чем мы теперь обладаем.

— А я и не переживаю. Это Кирилл переживает. И то он, по-моему, по большей части переживает, что о нем твоя Кира подумает. Мне кажется, он в нее влюблен больше, чем в меня. А может, в меня уже и совсем не влюблен. Он бреется и прихорашивается перед ее приходом...

— Да ладно. Ну, ты даешь. Ты что, будешь сама к себе ревновать? Кира это ты и есть. Ну, типа твоя спина. Он ее, Киру, никогда не увидит, скорее всего, — добавил я. Все же неизвестно, как дело повернется. — Он же общается с тобой, с твоими губами, ушами, глазами, руками и ногами, ну что там есть еще у тебя... Какая другая Кира ему нужна?

— Ой, не знаю, у меня восемь классов, я тупая. Но в отношениях с мужчинами я немного понимаю, уж поверь. Получше, чем твоя Кира. И я вижу, что он только о ней и думает.

Я промолчал. Мне было неприятно, неприятно как-то по-особому. Стыдно за себя в мире-2, неудобно перед девушкой, которая стояла передо мной и жаловалась на меня же. Я отметил про себя, что не испытывал такого странного чувства раньше. Решил поразмыслить об этом на досуге и мягко перевел разговор на другую тему.

В Турции, на отдыхе, и после, уже в Москве, Кирилл-2 продолжал звать Сенку очень часто. Но отношения у них не становились проще. Нисколько.

Он водил ее в места, которые идеально подходили для скандала. Из театра их вывели с охраной. Еще хорошо, что в отделение не забрали. С Сенкой я пытался поговорить, чтобы она вела себя прилично, но после объяснений Сенки пришлось согласиться, что действительно ситуация, если присмотреться, была достаточно нелепой.

— Ну и что, что я громко смеялась. Я не могла остановиться, я очень старалась не смеяться, когда на меня стали все шикать, но ведь действительно очень смешно. Люди играют людей. Ой как смешно. Они сами себя сыграть не могут, а играют других, и притом так серьезно. Они так серьезно играют, и видно, что от этого такие важные, а на самом деле они ничего не понимают. Жестикуют напыщенно и говорят ненатурально. Было так смешно. Сначала пришла какая-то женщина и сказала, чтобы мы вели себя тише, что мы всем смотреть мешаем. Ну, я старалась. Но как только снова началось, мне снова стало смешно. А все сидят такие серьезные. Вот нас и вывели. Это самое забавное, что я когда-либо у вас видела.

— А Кирилл тебя на комедию водил или на серьезный спектакль?

— Не знаю я. Знаю только, что, кроме меня, там никто не смеялся. А Кирилл сказал, что надо было меня в цирк вести. И вообще, сказал, что сам виноват, что не сообразил, что может приключиться. Вот видишь, это ты виноват, то есть он.

В следующий раз он повел ее в Большой зал консерватории на концерт «Де Аранхуэс» Родриго. Сенке очень понравилось. Такое произведение не может не понравиться, но в антракте она без предупреждения вылезла на сцену и пыталась тоже что-то сыграть. Уговоры служащих не помогали. Сенка отвечала, что все равно инструменты сейчас свободны и поэтому можно

играть. А когда музыканты отдохнут, она тут же все вернет. В этот раз обошлось без вывода из зала. Правда, я так и не понял почему.

Начало августа. Близился мой день рождения. Размышляя о нашей ситуации, перечитывая письма Муслима, внимая рассказам Киры об устройстве мира и человека, я все больше времени посвящал работе над собой. Над собственным вниманием, которое, как мне казалось, является ключом, отмычкой, подходящей ко всему. У меня сама собой отпала вера в возможность мгновенного просветления, и вообще я отбросил мысли о возможности просветления. Они отлетели от меня, как репы от отряхивающейся после купания собаки. Я видел впереди очень длинную и сложную работу, для которой необходимы время и силы. В поисках дополнительных ресурсов я начал раз в две недели составлять списки того, чем я занимаюсь в течение дня, и вычеркивать из них дела, которые не являлись такими уж важными, освобождая время для работы над вниманием. Вопрос с получением дополнительных сил я решал несколькими способами. Продолжал борьбу со своими привычками и старался держать постоянное внимание на делах. Это выглядело следующим образом: перед тем как начать любое дело, даже самое маловажное, я закрывал глаза, спокойно обдумывал его и принимал решение, что я буду делать его так-то и так-то, столько-то времени, и все это время буду держать внимание только на деталях этого дела, не отвлекаясь. И для меня неважно, завершится моя деятельность успешно или нет. Мне важно только качественно держать внимание на деле положенное количество времени. Упражнения целый день. Такой подход представлял мне возможность сохранять энергию и тренировать внимание, не давая энергии шансов утекать в разные

стороны. Я отметил, что чем больше времени в течение дня я мог удерживать внимание на одном предмете или одной идее, тем больше у меня энергии и тем меньше я нуждаюсь во сне. У меня даже закрались мысли, что если я смогу контролировать свое внимание весь день, то мне не понадобится время для сна.

Одновременно я работал и над другими вещами. В преддверии наступающего августа, в свете писем Муслима о вечной молодости, я решил отменить свой день рождения. Раз и навсегда. Он мне больше был не нужен. Он даже стал обузой. Я объявил на работе ребятам, что отменяю свой день рождения, запрещаю себя поздравлять, упоминать и расспрашивать. Вялые попытки сопротивления и расспросов с их стороны я подавил молчанием. Всех, кого мог вспомнить, обзвонил и попросил меня больше не поздравлять. Надо заметить, что то ли всем было на меня наплевать, то ли я уже приучил их к своему странному поведению, но акция прошла успешно. Кира упросила меня не отменять праздник полностью, а переименовать в день вечности. Я без сопротивления уступил ее просьбе. Действительно, пускай будет праздник, который напоминает, что я вечен. Очень даже полезно. И еще я знаю, что вечность — такая вещь, имея которую, надо спешить.

— Если у тебя завтра экзамен, ты что будешь делать? — спросила как-то Сенка.

— Готовиться, учиться.

— А если у тебя экзамен через год, ты что будешь делать?

— Ну, не знаю. Ничего, наверное, пока. Лягу спать, может быть.

— Вот у нас почти все и спят. А действительно, чего спешить, ведь вокруг вечность.

— Действительно парадокс. Имея в запасе вечность, можно успеть меньше, чем имея мало времени. Я думаю, если бы у меня была вечность, я бы все равно спешил.

— Ну, так она у тебя есть. Спешу. Только не забудь, вечность убаюкивает и усыпляет.

Еще я заметил за собой очень странную для себя тенденцию. Я терял интерес к деталям жизни. Мне все меньше хотелось рисовать, фотографировать, куда-то идти, ставить цели и добиваться их. Я чувствовал в себе что-то новое, оно находилось на кончиках моих пальцев. Но я не мог понять, что это. Постепенно оставалось только одно желание, и оно вытесняло все остальные, замещало их. Это было желание понять то, что было у меня на кончиках пальцев. Трехмерный мир стал для меня тюрьмой, преградой, которую я хотел если не уничтожить, то обмануть. Я стремился к новой для себя цели — достичь своей многомерности, вспомнить себя, проснуться. И чем больше я понимал, что достичь такой цели практически невозможно, тем больше это желание замещало собой все остальные. Я мучил Сенку расспросами об устройстве миров. Но ее рассказы, расшатывая мое восприятие, тем не менее были очень далеки от разрушения барьера, который окружал меня. И еще я понял, что хотя Сенка и живет в мире более мерном, чем наш — это еще не решение задачи. Теперь я четко осознал, что и мерность бывает разная. И что если мерность их мира, например, больше чем нашего, то это вовсе не означает, что там четыре или пять координат пространства. Там просто иное пространство, точнее, его там вообще нет. А есть что-то другое.

Да и вообще, что такое мир и что такое мы? А где оно, это решение? Неизвестно. Возможно, где-то рядом. А возможно, где-то очень и очень далеко и рас-

стояние здесь не имеет значения. Оно отсутствует как понятие.

В поисках ответа я часто пытался проследить внутренним взглядом, куда уходит Сенка, покидая тело Киры. Пытаясь следовать за ней, я даже научился проникать в их мир. Пускай и не полностью.

Первый раз это случилось в понедельник, первый в августе. В воскресенье, накануне, я пронаблюдал за Сенкой, за ее исчезновением. Отвез вечером Киру к Апрелью, а после полуночи пробовал повторить путь Сенки, но ничего из этого не получилось. Утром, невыспавшийся, поехал в спортклуб. Но в этот раз пошел не в тренажерный зал, как всегда, а в бассейн. Как для меня уже стало обычным, перед тем как нырнуть, я, стоя на бортике бассейна, принял решение, что буду не просто плавать, а постараюсь плавать, отключив внутренний диалог и сконцентрировав внимание на тактильных ощущениях обтекания моего тела водой. Сочетание тренировки тела и ума. В столь раннее время людей в бассейне было мало, так что мне никто не мешал. После нескольких сотен метров такого упражнения я заметил, что мое тело обретает собственную волю. Я зарегистрировал, не вмешиваясь, что плыву, делая несколько гребков, как обычно, потом переворачиваюсь на спину, после — снова на живот еще на несколько гребков, и опять на спину. Я плыл, вращаясь. Скорость вращения постепенно увеличилась. Я уже делал один гребок на животе, один — на спине. Мое зрение раздвоилось. Я видел и бортики, и дно бассейна, и бесконечность вокруг. Это случилось, я проник в мир Сенки. Я был вихрем. А вокруг было многомерное пространство. И Сенка, очень маленькая по сравнению со мной. Яркая, оранжевая. Бассейн, бесконечность — и Сенка. Две картинки наложились друг на друга. При этом ни одна из них не была главнее или устойчивее. Я не смог

долго выдержать новое состояние своего восприятия. Вертясь таким образом, проплыл еще несколько бассейнов и понял, что хватит. Голова болела и казалась мне передутым футбольным мячом. Давление грозило вот-вот вырваться наружу расплавленными мозгами через заложенные уши и выпученные глаза. Я решил возвратиться в обычное состояние восприятия, но оказалось, что сделать это не просто. Стараясь включить внутренний диалог, занимал ум мыслями о работе. Вспоминал, что я сделал на последнем проекте, усиленно считал все необходимые кабели и розетки, но ум самопроизвольно останавливался, и передо мной появлялась черная бесконечность мира Го и светящаяся розовым цветом молния Сенки. Каким-то невообразимым образом я мог обнимать ее, уменьшаясь до ее размеров и при этом оставаясь на несколько порядков больше ее. Размеры потеряли свое значение.

Я усилием воли возвращался мыслями к работе, потом, как только внимание ослабевало, внутренний диалог останавливался, и я снова видел Сенку и черную бесконечность. Помог мне трос с острыми пластмассовыми дисками, зацепившись за который, я сильно ободрал руку.

Когда я отъезжал от клуба, меня застал звонок Киры.

— Доброе утро, Кирюша! Как ты? С тобой все нормально?

— Да, порядок. Потренировался, направляюсь в офис.

— Хорошо, что все нормально. А то мне Сенка спать не дает. Может быть, у них что-то случилось, я чувствую ее близко-близко. Она как будто хочет мне что-то сказать.

Сенка так и рвалась в сознание Киры до самого вечера. Пришлось встретиться с Кирой и позвать Сенку,

чтобы узнать, что случилось. Оказалось, ничего не случилось. Виной стало мое посещение их мира.

— Нет, это я думала, что у вас что-то случилось. И ты мне хочешь что-то сказать. Ты же первый раз к нам в мир пришел. Вот я и забеспокоилась. Мне Го говорит, что это ты просто в гости зашел, он, знаешь, какой умный, но я решила проверить на всякий случай, вдруг что не так.

— Нет, все так, дорогая. Это я экспериментирую. Извини, что тебя напугал.

— Нет, все нормально. Я не очень испугалась, просто как-то неожиданно. А ты даже меня обнимал, знаешь, как было приятно.

— А как я там у вас выглядел? Не было такого, как в прошлый раз, когда ты меня забрала к себе и у вас там чуть все не порушилось?

Мы шли по извилистым дорожкам Ботанического сада, изредка встречая бодрых бабушек и катающихся на велосипедах детей. Они не знали, о чем говорим мы, мы не знали, о чем говорят они. Возможно, о таких же странных вещах.

— Да нет. В тебе ведь не было вещества. Ты был мыслью. Или... Какие все-таки тяжеловесные эти слова... Как ни скажешь, все не так. Они, слова, имеют свой потолок, свой предел, подняться над которым им не дано. Ты был как тень, у нас, правда, нет теней, ну как дым, хотя тоже нет, мы сами, как дым. Ну, ты был еще тоньше, чем мы, намного, еле заметный. И ты то сливался с Го — тогда тебя вообще нельзя было отличить, то выступал за его пределы. И звуков никаких не было, никто даже не заметил. Только я заметила, потому, что очень чувствительная. Ну и Го, конечно, потому что все это происходило как бы внутри него. Он не стал мешать тебе. Он сказал, что так можно к нам приходить. Но вот только неясно, как тебе это удалось. Ты

же не Сенка. Ты не должен уметь себя перестраивать и попадать в другие миры. С этим надо разобраться. Го теперь думает...

В отличие от Кирилла Киру не очень занимал вопрос устройства мира вообще и нашего в частности. Она никогда не интересовалась информацией об НЛО и другими паранормальными явлениями, оборотнями, вампирами и прочей нечистью. Отчасти потому, что сама была несколько паранормальной, а еще и потому, что имела на этот счет свое, основанное на личном опыте мнение. Появления различных неопознанных объектов, зеленых человечков и кровоточащих святых она относила к явлениям одного типа, воспринимаемым по-разному людьми с различным вектором ориентации психической энергии и информационной перегруженностью матрицы воображения и веры. То есть люди с различной открытостью к невидимому одни и те же явления трактуют на основании своего понимания, ожидания и веры неодинаково — видят то, во что верят. А на самом деле они видят, вернее, воспринимают, пространственно-временные пограничные деформации поля мира, другими словами — накладку событий из других миров, миров с отличными числами. Источником рассказов о вампирах она считала древне tibетских лам, продлевающих себе жизнь за счет свежей человеческой крови. Что же касается оборотней, то здесь для Киры вообще было все прозрачно. Изменение внешности и облика шаманами и магами ей казалось делом совершенно естественным. И поэтому, когда она, копаясь в Сети, наткнулась на фотографии и статьи о так называемых летающих стержнях, или «дротиках», она не обратила на них особого внимания. Так просто... Прочла и приняла к сведению. Вспомнила

о прочитанном лишь тогда, когда Кирилл в очередной раз стал пытаться ее по поводу энергетического облика Сенки. Вместо ответа она зачитала ему следующее.

— Первый раз этот феномен был замечен в Роузвелле. Группа уфологов намеревалась заснять на пленку непознанный летающий объект. Вместо этого они получили снимки странных существ, похожих на стержни, передвигающихся со сверхзвуковой скоростью. Позже информация об аналогичных объектах, или существах, и их фотографии и видеозаписи стали поступать из разных частей света. Кроме того, всплыли старые съемки, сделанные военными. Некоторые думают, что это некачественная запись или же дефект камеры или видеоманитофона. Другие полагают, что перед камерой пролетают насекомые или, например, колибри, а вследствие большой скорости движения крыльев получается размазанное изображение, которое принимается за летающий стержень. Биофизик Евгений Корнштейн говорит: «Насекомое пролетает очень близко к объективу, с огромной угловой скоростью, вот и получается прямолинейный размытый след. Отпечатки взмахов крыльев узнаваемы для любого специалиста по насекомым. Они успевают пролететь прямолинейно достаточное расстояние, чтобы оставить на пленке подобный след. Их угловая скорость — единственное, что камера и может зафиксировать».

Кира посмотрела на Кирилла. Он подозрительно молчал. Это могло означать, что он либо спит, либо не понимает, к чему она клонит. Иначе он давно бы что-нибудь вставил. Но Кирилл не спал.

— Все это очень интересно, — сказал он, — только я не возьму в толк, на что ты намекаешь? Уж не хочешь ли ты сказать, что Сенка насекомое?

— Что ты! Никогда не посмела бы. Слушай дальше. Сейчас поймешь.

— Надеюсь.

— Версий существует великое множество. Кто-то, ну как обычно, стремится во всем видеть инопланетное вмешательство и считает стержни происками инопланетных цивилизаций. Журнал «UFO Magazine» публикует статью под заголовком «Летающие стержни — слежка из других миров». В пользу такого подхода говорят снимки летающих стержней — стержней ли? — сделанные на околоземной орбите с шаттла NASA.

Однако подавляющая часть ученых-исследователей склонна думать, что стержни — неизвестная науке форма земной жизни. Тот факт, что никто с ними ни разу не сталкивался до 1994 года, объясняется тем, что их невозможно увидеть невооруженным глазом! А проводить необходимые для наблюдения манипуляции с видеозаписями до 1994 года никому в голову не приходило.

К тому же, похоже, стержни обладают разумом или его зачатками, поскольку они умело огибают любые препятствия... Иногда, правда, проходят через — то есть насквозь — плотные объекты. Есть даже мнение, что это ангелы.

— А твое мнение? Ты ведь не просто так мне обо всем этом рассказываешь?

— А может, и просто так. Чтобы тебя развлечь и повеселить. Ты ведь любишь всякие такие штучки: летающие тарелки, пришельцы...

— Допустим, я уже повеселился и оценил твою заботу и усилия меня развлечь. Что ты все-таки думаешь по этому поводу?

— Ну, это точно не ангелы... Хотя очень похоже. Самого ангела не видно, только движитель. Ну ты знаешь, с ангелами всегда так — одни движители. — Кира хитро улыбнулась и подмигнула Кириллу. Потом вдруг сделалась серьезной. — Я думаю, это странники из других миров. Но не из космоса. Существа,

способные проникать. Жалить пространство и время. По сути, те же сенки. Но не сенки. Эти, — она показала на снимки на экране компьютера, — более плотные и медленные. Сетка в нашем мире так не проявлялась бы. Она слишком высокочастотна и эфемерна. Наш мир ее вообще не видит. А если и увидит, то не в качестве стержней, путешествующих со сверхзвуковой скоростью, а как вспышки молнии, например. А вот в мирах менее плотных, чем наш, но достаточно плотных для Сетки, она может выглядеть и как стержень... — Кира хихикнула.

— Так много сенок?

— Ну, во-первых, не сенок, а существ, аналогичных сеткам по набору определенных способностей. А во-вторых, то, что их видят в большом количестве, не значит, что их много. Может, это одна... У нее просто такое тело...

— Не устаю удивляться твоей способности все запутать.

— Ну у тебя ведь есть кому распутывать... Спроси у Сетки. Кстати, ей было бы интересно.

— Не уверен. Ей интересно все, что касается мандаринов. Другие миры, странные существа... Это ее быт. Он приелся и надоел.

— Интересно, когда ей приедятся мандарины?

— Пока никаких тенденций.

— Я так не думаю. Насколько я могу себе представить, с твоих слов, разумеется, она значительно расширила свои кулинарные пристрастия. И не только кулинарные.

— Да, она развивается... — Кирилл усмехнулся. — Только применительно к ней это слово какое-то не такое. Не то слово... Не развивается, а падает. Углубляется в нашу жизнь. Она играет. И очень увлечена этой игрой.

— Ты как будто о чем-то сожалеешь...

— Я не уверен, что это ей на пользу.

— Польза, вред... Да какая разница? Лишь бы в охотку.

Кирилл притянул Киру к себе и посадил на колени.

— Понимаешь, для нее наш мир — возможность получить опыт эмоциональной реальности внутри своего существа. Там, у себя, она не может познавать себя через эмоцию. У нее нет соответствующего органа. И поэтому здесь она представляет собой некоего охотника за эмоцией. Ей все в охотку, что можно ощутить и прочувствовать.

— Ну да. Помнишь, я тебе говорила, что у них спокойно. Не хорошо, не плохо. Это потому, что они эмоционально пусты. Такую пустоту иногда находишь в себе, если долго и напряженно сосредотачиваешься на каком-то своем эмоциональном состоянии. Там, в глубине себя, встречаешь того, кто эмоционально чист, нейтрален. Ему никак. Он просто есть. И больше его ничего не волнует.

— Вот и Сенка такая. По крайней мере, была такой. А теперь она познает себя через боль и радость.

— Это плохо?

— Не знаю. Но, похоже, там у себя она отращивает орган, которого не должно быть ни у кого в ее мире. Там существа развиваются в рамках каких-то определенных законов. Они лишены свободной воли в аспектах, в которых мы можем ее проявлять.

— Например.

— Ну, Сенки притягиваются к госепу с большим числом. Автоматически. Если сейчас у них, предположим, появится госеп с числом, превышающим число Го, то наша Сенка автоматически перейдет к нему. Если, естественно, не найдется Сенки, у которой число будет больше, чем у нашей.

— А любовь?

— И любовь у них какая-то странная... Совсем не такая, как у нас.

— Тоже автоматическая?

— Не знаю... Но точно не сознательная. Там все решают числа. А потом этот странный Гарнам, на который, как по зову, стекаются все существа. Или их ночь. Там даже ночью ты несвободен. Они все спят. А приходит ночь, когда захочет, не как у нас, через каждые двадцать четыре часа...

— Ну, это, возможно, потому, что у них нет такого строгого времени... Вообще, все это смахивает на какую-то растительную жизнь.

— Или на животную. Но в принципиально других условиях. У них нет выбора. Нет выбора между право и лево, хорошо и плохо. Они никогда не выбирают. Они поступают согласно действующим на них законам.

— Ну, выбирать там, собственно, и не из чего...

— Это с одной стороны. Со стороны, касающейся их самих. Их поведения и жизни. Но есть и другая. Креативная. Они способны создавать все, что пожелают. Все, что только может вообразить их мысль.

— Ну, насколько я понимаю, только госепы. Да и то не все. И воображают они с трудом. Им это не надо. Там вообще дефицит мысли.

— Это вопрос другой. Я в принципе говорю. Они способны создавать, но не способны ни оценить свое создание эмоционально, ни воспользоваться им, ни ощутить его. Это как... Представь — ты гениальный художник и можешь изобразить все что захочешь — цветок, море, птицу и даже человека. Но ты никогда не узнаешь, как пахнет этот цветок, каким ласковым или грозным может быть море, что такое полет и как чувствует человек. Потому что ты, художник, — лишь кисть,

и ничего, кроме кисти. И вот сейчас эта кисть здесь, у нас, обрела способность прочувствовать свои творения...

— Ну, не свои...

— Неважно. Я по сути... Она узнала, что такое вкус, запах, усталость, радость, печаль, сострадание, удовольствие, любовь...

— Ну да, за тобой дело не станет... За любовь я спокойна. — Кира посмотрела Кириллу между ног.

Кирилл перехватил ее взгляд, но тему поддерживать не стал.

— Попадая назад к себе, она теряет эмоциональную память, а информация сохраняется в очень искаженном виде, примерно, как цветная картинка, воспроизведенная в черно-белом варианте, да еще с потерей пропорций и смысловых связей.

— Это твои догадки или она сама тебе говорила?

— Сама. Ну и, естественно, домыслил. Она говорит, что там она практически не помнит того, что было здесь, а то, что помнит, сильно искажено. И, разумеется, не имеет эмоционального подтекста. Голая информация, переведенная с человеческого языка, скажем, на ассемблер.

— Занятно.

— А представляешь, что будет, если она вырастит у себя орган, с помощью которого сможет выйти из рамок своей растительно-животной действительности?

— Не представляю. Думаю, это невозможно. Чтобы отрастить глаз, нужно жить там, где есть свет...

— Она уже знает, что такое свет. Остается найти его там. Или создать...

— И они начнут падать в материю, отращивая глаза...

— И другие органы...

Глава 13

Книгу нельзя прочитать, просто держа ее
в руках,
И в одно мгновение вместить все
ее содержание.
Нужно листать страницы.
Одну за другой.
Нужно время.

Кира сидела перед телевизором и пыталась сосредоточиться на том, что ей показывали. В последнее время с этим процессом возникали определенные трудности. Она долго не могла держать внимание ни на чем. Собеседники обижались, что она их не слушает. Фильмы смотреть было бесполезно, поскольку Кира очень быстро теряла нить интриги, если интрига, конечно, вообще присутствовала. Вот и сейчас она тупо пялилась в экран, пытаясь понять, что там вообще происходит. Рядом развалился Апрель. Он ел банан.

— Мам, а правда, бабушка говорит, что твой дед, мой прадед, Иван был колдуном?

Кира повернула голову на голос и нехорошо посмотрела на сына.

— Понял. И не надо так на меня смотреть. Действительно, дурацкий вопрос. Глупо... Глупо спрашивать у колдуньи, был ли ее дед колдуном...

Кира снова повернула голову и посмотрела ласково.

— Бабушка говорит ерунду. Не слушай ее. Тем более, что она говорит сегодня одно, а завтра другое...

Она и сама не знает, что говорит. И тут же забывает, кстати. Твой дед был математиком, философом, парапсихологом. Он изучал сознание, его работу и возможности, связь с миром...

— Ну, так я и говорю, был колдуном... Колдун с помощью сознания управляет миром. Так ведь?

— Не совсем.

— Ну, пытается управлять... Так?

— Не совсем.

— Тогда как?

— Я не знаю.

— Знаешь... Но молчишь. Как истинная колдунья. Уважаю. — Апрель спрыгнул с дивана и торжественно поклонился. — Снимаю шляпу.

— У тебя нет шляпы...

— Да, ты права. — Он театрально вздохнул и сел обратно на диван. — Но могла бы быть... Может, я тоже хочу быть колдуном. У меня подходящая родословная. Правда?

— Неправда. Смотри кино. Я из-за тебя уже ничего не понимаю.

— У меня очень подходящая родословная... — зашипел Апрель, пропуская Кирино замечание мимо ушей. Он взял ее за плечи и развернул к себе. — Смотри мне прямо в глаза... — Он попытался сделать страшное лицо. — Что ты видишь? Что чувствуешь? Тебе страшно?

— Не страшно. — Кира освободилась от его хватки. — Совсем не страшно.

— Это потому, что ты сама колдунья... Вообще-то должно быть страшно. — Он разочарованно вздохнул и пожал плечами. — Ладно, шучу...

Кира попыталась посмотреть на него как можно строже.

— Вот и бабушка шутит...

— Бабушка не шутит... — Он взял новый банан. — В общем, если ты захочешь передать кому-нибудь свои навыки, я готов. Готов их принять. — Он улыбнулся.

— Ну, лучшей кандидатуры мне не найти. — Кира крепко обняла его и прижала к себе.

— Значит, передашь?

— Ну, если будет что передавать, непременно.

— Кстати, еще бабушка говорит, что дед мог управлять временем. Тоже шутит?

— Заблуждается. Но знаешь, первое, что должен знать колдун, это что такое время.

— А что такое время?

— Это то, чего нет.

— Как это «нет»? Очень даже есть.

— Пока оно есть, ты не колдун...

Дед Георгий сидел за своим огромным столом и что-то писал в большую тетрадь в кожаной обложке.

Кира тихо вошла и села на стул рядом. Вытянула шею.

— Чего подсматриваешь? — Дед захлопнул тетрадь.

Кира вжала шею.

— Дверь в кабинет была открыта. Когда у тебя секреты, ты закрываешь ее плотно-плотно. Даже на замок.

— Рад тебя видеть, Кирочка. Не слышал, как ты звонила в дверь...

— А я и не звонила. Встретила твою кухарку внизу.

— Не кухарку, а хозяйку.

— Ну, хозяйку... Хотя все-таки кухарку...

Дед засмеялся, пытливо взглядываясь в Киру.

— Так забежала или по делу?

— Соскучилась.

— Правда?

Кира кивнула.

— Приятно слышать. Как дела? Как учеба?

— Нормально.

— И с литературой?

— А что у меня с литературой не так?

— Алла Николаевна говорила, что уж больно нигилистически настроена. Критикуешь классиков. Некоторых вообще не признаешь...

— А... Это мое право. Ученик может иметь свое мнение и высказывать его вслух.

— Правда? Ты так считаешь? — Он криво улыбнулся.

— Конечно.

— Понятно. А что за стихи ты там пишешь с сомнительным контекстом?

— Какие еще стихи?

— Ну, тебе виднее, какие... Может, прочтешь что-нибудь из сомнительного?

— Легко. Но знаешь, дедушка Георгий, мои стихи, как мои картины...

— Я в курсе. Изображаешь не то, что видишь, а то, что мыслишь...

— Тебе, кстати, мои мысли не очень по душе.

— Совсем не по душе. Но я должен быть в курсе твоих мыслей. Читай.

Кира пожала плечами.

— Он ушел,

Тихо и гордо,

Как уходит побежденный рыцарь с поля боя,

Уверенный в своей победе.

Он ушел

Тихо,

Но все это заметили, потому что стало

Пусто.

Но никто не показал вида, потому что они тоже были гордые,

И кроме того,

Все были заняты своим делом.

Его и сейчас нет.

Кое-кто и по сей день занят своим делом.

А те, у кого уже нет дела,

Ищут его, зовут его, не показывая вида,

Потому что они все еще гордые.

Но он больше не вернется,

Потому что его уже нет.

Блажен, кто занят своим делом.

Кира замолчала. Молчал и дед Георгий.

— И кто у нас Он? И что это за дело такое? — наконец спросил он.

— Он — это вечность. А дело — это время.

— Интересная трактовка. Очень. — Услышала Кира тихий хрипательный голос, доносившийся откуда-то сзади. Она вздрогнула от неожиданности и обернулась.

У двери на стуле сидел маленький старичок с длинным носом, седыми, торчащими во все стороны волосами, черными глазами и огромным жировиком на шее. Смешно поджав ноги, он прижимал к груди толстый потрепанный портфель и был похож на птицу, проглотившую большой кусок, застрявший у нее в горле. Удивительно, но она не только не заметила этого маленького старичка, когда вошла, хотя оглядела всю комнату, но и совсем не чувствовала его присутствия даже сейчас. Его как будто не было. Но он был. И вызывал жалость своим видом.

— Да, кстати, совсем забыл, — сказал дед Георгий. — Познакомься, Кирочка, это Вольф Григорье-

вич, большой специалист по времени и искуснейший колдун.

— Так уж и колдун... — засмутился маленький человек, похожий на птицу.

— Не скромничайте, Вольф Григорьевич, свои люди. Это ведь Кира, внучка Ивана...

— Очень приятно, — неуверенно произнесла Кира.

— Неужели та самая... — Старичок как-то странно посмотрел на нее, как будто перед ним привидение. Спрыгнул со стула и направился к Кире с протянутой правой рукой, продолжая левой еще сильнее прижимать к себе портфель. — Мне тоже очень приятно.

Рука у старика была худая, длинная, скользкая и холодная. Кира быстро отдернула свою.

— Я хорошо знаю твоего деда.

— Хорошо знал... — поправил его дед Георгий.

Старичок замер, как будто соображая что к чему.

— Ну да, конечно, знал. Мы были друзьями...

— Мой дед тоже был колдуном? — Кира воспользовалась его замешательством.

Он развернулся, вернулся на свой стул, сел, снова как-то неестественно поджал ноги, прижимая к себе портфель.

— Твой дед хорошо понимал время. Он знал его... В лицо, — сказал он, глядя в пол.

— А какое у времени лицо?

— В том-то все и дело, что у времени нет никакого лица... Время — это зеркало, в которое вглядывается сознание... Когда колдун смотрит на время, он видит вечность.

Сегодня мой день вечности. По совету Муслима я упразднил свои дни рождения, но, поскольку празд-

ника все-таки хотелось, особенно Кире, мы отмечали теперь дни вечности.

Утром я не поехал ни на тренировку, ни в офис. Лежал в кровати, размышляя о вечном и бесконечном, а потом в ванной с кофе в руке о вечном, но конечном.

Я перемещал свое внимание по разным пространствам, заглядывал в другие миры. Изменять себя и, таким образом, посещать другие пространства можно бесконечно. И бесконечно долго можно изучать каждый новый мир. Но наверняка есть еще множество миров, которые я не могу посетить. И вечность вокруг. Вечность, для того чтобы выбрать цель и ее достигнуть. Какую цель? Соединить множество себя, сплавить в одну многомерную личность? Возможно. Помню, Сенка как-то сказала, что мы в нашем мире должны не только решить поставленную задачу, но сначала найти, какую именно задачу необходимо решить. Это как этап пути — найти цель.

Первой меня поздравила Кира. Она приехала около полудня. Мы сидели за столом со свечами, пили вино, ели всякие вкусности и говорили о нас и о мирах. Радовались, что мы вместе, думали, как сделать так, чтобы найти друг друга в следующей жизни. Во всех параллельных мирах, и в непараллельных тоже.

Кира прочла мне очередную лекцию о времени. С одной стороны, в тему, поскольку отмечали мы день вечности, а вечность, как ни что другое, имеет непосредственное отношение ко времени. С другой стороны, ее не устраивал, резал ухо термин «следующая жизнь».

Для нас, а именно для данных Киры и Кирилла, «следующий» и «параллельный», по ее словам, означали одно и то же. То есть любой параллельный мир является для нас следующим или предыдущим, по-

сколько времени, оторванного от нашего сознания, то есть объективно существующего, нет и не может быть. А наше сознание в силу своей ограниченности может воспринимать и осознавать мир только во времени, то есть, последовательно, продифференцировав его. Вечность, таким образом, является перпендикуляром ко времени. Поэтому увидеть вечность, можно только поднявшись над временем. Это как если стоять рядом со стеной, достаточно высокой стеной. Смотришь — и видишь только стену. А вот если взлететь или на худой конец подпрыгнуть, да повыше, можно увидеть также и то, что за стеной. Но подпрыгнуть, а тем более взлететь, оно, сознание, к сожалению, не может. И приходится ему рушить эту стену каждый раз, правда, обнаруживая за ней другую, такую же...

Развеселившись окончательно, мы встали из-за стола и начали прыгать, пытаясь заставить подпрыгнуть свое сознание. В общем, было радостно, светло и хорошо. Некий налет опасности и неизвестности впереди придавал этому дню особенную прелесть.

Потом я позвал Сенку. Она действительно стала капризной. Чувствовалось влияние Кирилла-2.

— Вот в гости зовут, а тарелку грязную подсовывают. — Сев за стол, недовольно проворчала она, отодвинув брезгливо Кирину тарелку.

— Извини, Сеночка. Это я не подумал, никак не привыкну к вашим переходам.

Я исправился, а Сенка, видно, вспомнив, что она в гостях у меня, а не у Кирилла-2, сразу стала нежной и ласковой. Мы немного полюбезничали друг с другом, потом помолчали, улыбаясь друг другу.

Но вот Сенка вдруг глубоко задумалась, нахмурилась, потом распрямилась, лицо ее приняло шкодливое выражение. Я напрягся.

— А когда у меня будет день рождения? Мне день вечности не нужен. Я и так вечная. Хочу день рождения. Как у всех. Как у настоящих. И подарки. Хочу много подарков. И торт со свечками.

— Интересная мысль. Действительно, почему бы нет? Можно. Даже нужно. — Я расслабился и даже почему-то обрадовался. — Устроим мы тебе день рождения. Обязательно. С подарками и со свечками.

— А когда у меня будет день рождения? — спросила, сделав акцент на слове «когда».

— Надо записи поднять. Где-то перед Новым годом. Ты появилась у меня первый раз под Новый год. Наверное, я смогу точно сказать к твоему следующему приходу. — Я принял серьезный вид. — Очень хорошая идея, давай устроим праздник.

— А сколько мне уже будет лет? Один год?

— Да, один год.

— О, я буду уже большая. Правда? — Она с радостью, граничащей с восторгом, заглянула мне в глаза.

Потом лицо ее вдруг резко изменило свое выражение и сделалось озабоченным.

— А свечка тоже будет одна? Всего одна?

— Конечно, дорогая. Тебе ведь будет только один год.

Она задумалась.

— А ускорить нельзя?

Я засмеялся. Как удивительно. Те, у кого время ограничено, пытаются всеми силами его растянуть, задержать, даже остановить. А те, у кого в кармане вечность, даже и не помышляют о свойствах времени... Вернее о его неблагоприятных свойствах.

— Нет, нельзя. Сначала будет только одна свечка. Смирись. — Я погладил ее по голове. — Зато потом две, три и так далее.

— Ну, до трех, как я понимаю, ждать три года.

— Правильно понимаешь. Заодно изучишь время. Прочувствуешь его. Три года — это срок...

Я стал пространно рассказывать ей о том, что можно успеть сделать за три года, а чего не успеть, но обнаружил, что она меня уже не слушает.

— Ну а подарков будет много?

— Как захочешь...

— Я захочу много.

Последней прилетела Кира-2.

— Привет, любимый. — Она была по-праздничному возбуждена. По ее глазам было видно, что она готовилась заранее. — Поздравляю с днем вечности. У меня для тебя подарок.

Я посмотрел на ее пустые руки. Она перехватила мой взгляд и довольно улыбнулась. — Поскольку ничего материального я тебе подарить не могу, сам понимаешь, я написала стих... — Она сделала паузу, наблюдая за моей реакцией. — Это было непросто, уж поверь. Я писала его, наверное, неделю, и все не то. А потом представила, что я — твоя Кира. Что я — это она. Понимаешь? Я как будто почувствовала, что нахожусь в ее теле и в ее мыслях. И у меня получилось. Правда, коротко. Но коротко ведь не всегда плохо...

— Ты меня удивляешь. — Я улыбнулся.

— Можно начинать?

— Давай.

— «Свет. Цвет.

Пространства лохмотья.

Времени бред.

Пулей лечу.

Сквозь...

К тебе.

Хочу...»

Я был сражен. Вот уж чего не ожидал, так это таких зрелых стихов. Особенно меня умилило, что читала она с интонацией школьницы, сдающей урок.

Кира-2, насладившись моим замешательством, огляделась. Перед ней стояла идеально чистая тарелка.

— Шикуюем? — кивнула на стол. — Ну, наливай, и давай есть. — Она посмотрела на чистую тарелку. — Можно, я буду прямо из салатницы? Креветочки такие соблазнительно толстенькие...

Кирилл-2 в это же время тоже праздновал свой день вечности.

Глава 14

Они всегда со мной —
Смотрят мне в спину,
Дышат в затылок.
Я чувствую их присутствие.
Они — моя жизнь.
Я живу вопреки тому, что я вижу,
только благодаря им.
Для меня нет ни радости, ни печали,
ни пустоты.
Нет ничего, что бы имело значение.
Мои поступки всегда искренни,
Но все же они не более чем игра.

Они всегда рядом —
Глупость, воля, боль, знание, смерть.
Моя глупость контролируется волей,
Воля — болью,
Боль — знанием,
Знание — смертью.
Смерть никогда не покидает меня,
Просто иногда она опускает глаза.
Но это ничего не меняет...

Кирилл-2 менялся на глазах. Правда, глаза эти видели его обычно не чаще раза в неделю. Может, поэтому Кире казалось, что изменения так велики. Он похудел и телом, и лицом, спали щеки, прояснился взгляд. Он начал проще выражаться и легче выглядеть, сменил пальто и костюмы на джинсы и куртки, озабоченность на жизнерадостность, серьезность на глубину восприятия и стал очень похож на ее родного Кирилла.

Открывая глаза в новом мире и видя лицо Кирилла-2, она не сразу понимала, кто перед ней. Он уже не был чужим. Он был свой. Еще один свой. И он сражался. Так же отчаянно, как ее Кирилл. Сражался за свою Киру-2. Интерес к Кире-2 со стороны местных охотников не утихал. Кроме того, она начала общаться с импозантным Максимом. В отличие от своей близняшки Кира располагала знанием и умением, и ей казалось, что вмешательство ее просто необходимо. Кира-2 ни постоять за себя, ни помочь Кириллу постоять за нее явно не сможет. Погибать Кира не хотела, хоть и в другом мире. Поэтому вынашивала планы вмешательства. Причем тайные. И неизвестно, сколько бы она еще решалась что-либо предпринять, если бы не случай.

Во время одного из посещений нового мира позвонил Давид. Кире-2, естественно. Кира пару раз уже разговаривала с ним по телефону, но коротко. Дежурными словами. На этот раз не смогла удержаться. Разговорилась. Давид настаивал на встрече.

— Я договорилась с ним встретиться прямо сейчас, — сказала она Кириллу-2, одеваясь.

— Это безумие. — Он попытался остановить ее порыв.

— Если ты подвезешь меня, то ускоришь процесс и избавишь меня от необходимости ловить такси.

— Это безумие...

— Впрочем, у меня ведь есть машина. Точно. Жди меня здесь. Где документы на машину?

— Это безумие...

— Прямо, как старая пластинка... Так... Где же документы? — Она остановилась, пытаясь найти в своей голове нужную информацию. — Понятно. — Она напрямик направилась в прихожую и взяла Кирину сумочку. — Все, я побежала. Скоро буду.

— Я подвезу тебя. — Кирилл вскочил как ужаленный. — Я не пущу тебя одну.

Кира улыбнулась.

— Это безумие? — Она обняла его. — Не волнуйся. Я еду к своему лучшему другу. Все будет хорошо. Я обещаю. Смотри. Я беру сотовый. — Она показала телефон. Батарея полная. Я все время на связи.

— Я с тобой. — Кирилл стал одеваться.

— Пока. — Она поцеловала его и выпорхнула из квартиры.

Бегом на улицу. Знакомая машина. Все точь-в-точь. Поехали.

Кира спешила. Времени было не так уж и много. Она перевела дыхание. Одна в новом мире. Совсем одна. Интересно, если что случится, авария, например, сможет ли она выкрутиться или загремит в психушку? Насколько верны ее представления о новом мире? Она ведь глубоко не вникала в эту параллельную жизнь. Может быть, различия намного глубже, чем ей показалось? И различия в устройстве часов только цветочки. Какими могут быть здешние ягодки? Другие светофоры, другие переходы, может, и правила другие? Она притормозила перед левым поворотом, пропуская встречный поток. Да нет, правила, похоже, те же. Хотя... Она повернула... И остановилась.

— Нарушаем? — Навстречу вышел довольный гаишник.

«Приплыли. Главное, ничего не говорить по теме. Пусть сам расскажет, что я нарушила. Интересно, деньги у меня есть? Вот блин, даже не проверила...»

— Куда же вы, девушка, так спешите?

«Скорость, что ли, превысила? Но когда успела? Только повернула...»

— Здравствуйте. — Кира мило улыбнулась. — Вот... Так... — Пожала плечами.

— Вот так, — повторил гаишник. — Документики предъявите.

Кира покопалась в сумочке.

— Пожалуйста.

Он просмотрел их достаточно поверхностно.

— Понятно. Будем штраф выписывать?

— Прямо так сразу и штраф? — На этот раз улыбнулась смущенно.

— Можно и не сразу...

Кира заглянула в сумочку. Гаишник тоже вытянул голову. Она отодвинулась. Деньги были. Но! Может, здесь за дачу взятки сразу тюрьма? Или смертная казнь? Она с сомнением посмотрела на гаишника. Хотя вряд ли. Вон какая морда упитанная... А может, у него зарплата хорошая? Что же делать?

— Погода сегодня неважная, — сказала она.

— Погода? А да, погода... Да нет, нормальная погода. Вы мне, девушка, зубы не заговаривайте. Штраф выписываем?

— Выписывайте, — сказала Кира.

Так надежнее. Ну, заплатит Кирка штраф, не распылется. А взятку вообще непонятно как давать, да и сколько? Деньги-то совсем другие... Узнать бы еще, за что ее остановили. Что она нарушила? А то так каждый гаишник на дороге теперь будет ее. То есть она будет его. Сейчас, может, напишет там в своей бумажке что к чему...

Гаишник разочарованно вздохнул и пошел к своей машине. Кира напряглась, закрыла глаза и направила в гаишника мощный поток мыслеформенных вибраций.

— Погода, говорите, плохая? — Он обернулся.

— Неважная.

— Это точно. Солнца нет уже, наверное, неделю. Как подземные люди живем. Без солнца... Что за жизнь

без солнца? Гормон радости не вырабатывается. А как без гормона радости жить? Как жить без радости? Плохо. — Он посмотрел на небо. — И никакого просвета. Хоть бы лучик один...

Кира подняла голову.

— Да, солнца нет. Но знаете... Оно скоро выйдет.

— Вы так думаете?

— Уверена.

— Хорошо бы. Так о чем это я? Да, радости должно быть больше. — Он посмотрел на Киру. — А вы молодец. Улыбаетесь все время... Вот, возьмите. Ваши документы. Счастливого пути. И повнимательнее, повнимательнее на дорогах.

— Спасибо вам.

Гаишник замахал руками:

— Повнимательнее.

Вот так. И что дальше? Так и осталось загадкой, что же она все-таки нарушила. Ладно, как-нибудь. Уже почти приехала.

Выглянуло солнце. Кира удовлетворенно улыбнулась.

Все очень похоже. Вот дом Давида, а напротив ее собственный. Зайти бы к себе. Интересно, как там? Не сейчас.

Она притормозила у подъезда. Как странно. Нажала кнопку домофона.

— Здравствуй, Кирочка, заходи. — Домофон пискнул, Кира открыла дверь подъезда.

Сердце выпрыгивало, дыхание не могло прорваться. Так не годится. Кира глубоко вздохнула, выравнивая свои мысли и чувства.

— Рад тебя видеть. — Давид пропустил ее в глубинную квартиры, крепко обнял, поцеловал в губы.

Кира едва удержалась, чтобы не показать нахлынувших на нее чувств и ощущений. Как с того света. В отличие от всех остальных близнецов нового мира Давид-2 был как две капли воды похож на себя. До мелочей. До каждой морщинки и слабой интонации.

— Привет, — сказала она.

Зазвонил мобильник.

— Да, хорошо. У меня все хорошо. Я перезвоню.

Звонил Кирилл.

— Волнуется твой новый друг? Ни на секунду не отпускает? — Давид проводил ее в гостиную.

Обжился. Наш не успел. Все стильненько, со вкусом и максимально просто. Основной цвет — черный. Немного белого. Совсем мало красного.

А наш оставил после себя голые стены... Почти голые. Но тоже собирался все сделать черным. Не случилось. Комок подступил к горлу.

Играла музыка. Но Кира не могла понять, где источник. Она доносилась откуда-то издалека. Может, из другой комнаты. Была отчетлива, но почти незаметна.

— Да, есть немного. Но пусть привыкает. Я девушка с вольным сердцем и приходящими желаниями. Любишь меня — люби мой зонтик...

— Джойс?

— Он самый... — Кира осеклась. Но было поздно.

Давид внимательно разглядывал ее. Отдирали кожу от костей.

— Давно ли? — Он сделал паузу, но Кира ей не воспользовалась. — Давно ли ты стала увлекаться Джойсом? — Он хитро прищурился.

— Да я им и не увлекаюсь... Если честно, даже и не знаю, кто это такой. Кирилл так говорит...

— Твой новый друг весьма образован. Джойс не для всех. Он лишь для гурманов...

— Типа тебя?

— Типа его... Расскажи, как вы ладите? Он тебе еще не надоел? Уже пора бы. — Он почему-то посмотрел на часы.

— Даже и не знаю, — сказала Кира, стараясь выглядеть как можно естественнее и беззаботнее. — Он любит меня...

— Я тоже люблю тебя.

— Но странную любовью...

— Раньше она тебе не казалась странной.

— Раньше не казалась...

— Новый друг объяснил?

— Не называй его так. Его Кириллом зовут...

— Хорошо. Кирилл твой очень прозорлив оказался. Вообще, откуда он взялся?

— Я тебе уже много раз рассказывала эту историю.

— Но насколько правдивой была эта история? — Давид мило улыбнулся. — Я мигом. Принесу что-нибудь, чтобы спрыснуть нашу беседу.

— Я за рулем.

— И что? — Он вернулся, толкая перед собой черный сервировочный столик на колесиках. — И что? — повторил он, как-то странно всматриваясь в Киру.

Она вовремя осознала очередную свою ошибку. Как, оказывается, непросто все в этом мире.

— То, что мне еще нужно доехать назад.

— А... Ты сомневаешься? Бокал вина тебе еще никогда не мешал доехать куда бы то ни было. И два бокала не мешали тоже...

— И три... — почему-то сказала Кира, и очень правильно сделала.

— Ну, три — это уже лишнее. Или ты надеешься, что твой друг все уладит?

Понятно. Пьянство за рулем здесь, вероятно, поощряется в размере двух бокалов или типа того. Какой

хороший мир! Уточнить, что случится с ней, если она выпьет три, Кира не стала.

— Наливай, — сказала Кира, проигнорировав последнее замечание.

Давид повиновался.

— Так как живется тебе с твоим но.. — Он осекся. — С Кириллом?

— Хорошо живется. Интересно.

— А с нами неинтересно было?

— Да брось ты. И с вами интересно. Только тот интерес был совсем другой. Я изменилась, вы поменялись. Ничто ведь не стоит на месте. Мне хорошо было с тобой, с Данилом. Очень хорошо. Но это прошло. Теперь у меня другое «хорошо». Новое.

— И кто тебя просветил по поводу этого «нового»?

— Никто меня не просвещал. Что я, доска? Сама вижу, сама чувствую...

— Что-то раньше ты по-другому чувствовала...

— Ну и я тебе о том же. Поменялось все...

— Поменялось, говоришь? Ну ладно, пусть так. — Он взял ножик и стал очищать яблоко. — Только само по себе ничего не меняется. — Он отрезал ломтик яблока и протянул его Кире. — Если что-то меняется, значит, есть кто-то, кто это меняет. По-другому никак. Ты меня, Кириуша, извини, конечно, я люблю тебя очень, но будем смотреть правде в глаза, ты не тот человек, который способен что-то начать менять... — Он опять пытливо посмотрел на Киру. — По крайней мере, была...

Кира выдержала его тяжелый взгляд.

— Так что здесь что-то не то. И я собираюсь это выяснить.

— Ну и выясняй на здоровье. Я не против. Если тебе больше делать нечего. — Кира старалась выглядеть легко. — Я все равно не понимаю, что тебя так удивляет.

Люди сходятся, расходятся. Это всегда так. Было и будет. Что в этом такого?

— Это хорошо, что ты не понимаешь... Если действительно не понимаешь. Потанцуем? — Он встал, взял Киру за запястье и резко притянул к себе.

— Ну, наконец-то. А то я уж подумала, что ты меня позвал только для этого нудного разговора.

— Нет. — Давид как-то угрожающе улыбнулся. — Я позвал тебя, чтобы танцевать.

— Откуда доносится эта музыка?

— Из ниоткуда.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Тогда пойдем, посмотрим.

— Пойдем.

Они вышли из гостиной. Кроме огромной гостиной-столовой-кухни, все в одном, была, собственно, еще только одна комната — большая спальня. И в ней не было никакой аппаратуры. Кира вернулась в гостиную. Прошла в ту ее часть, которую можно было назвать кухней. Заглянула в холодильник, потом открыла духовку. Давид засмеялся.

— Такое впечатление, что поют стены.

— Почему только впечатление? Они и поют.

— Да ладно. Кирилл такими вещами занимается. У них много таких заказов. У тебя здесь все встроенное. Я знаю.

— Не веришь ты, Кирюша, в магию... Но это даже хорошо. — Он щелкнул пальцами — и музыка оборвалась.

— И это тоже можно сделать. Ребята Кирилла устанавливают такие устройства, «умный дом» называется.

Кира старалась говорить и выглядеть, как Кира-2. И, видно, у нее получалось. Давид заметно расслабился. Снова щелкнул пальцами — стены запели.

— Здорово, — сказала Кира. — Как там Данил, Рашид?

— Скучаешь?

— Да нет. Не особенно. Просто интересно. Не чужие люди.

— А вот они очень скучают. Ты Рашида своим отъездом очень озадачила и расстроила. Он на тебя так рассчитывал. Кстати, привет тебе огромный передает и ждет твоего возвращения. Мы все ждем... — Он взял Киру за плечи, притянул к себе, посмотрел ей в глаза. Так нежно, с такой любовью, что у нее закружилась голова. — Возвращайся, а? Хочешь, все будет как прежде. Хочешь, по-другому. Все будет, как ты хочешь.

Он говорил совершенно искренне. По крайней мере, он бесконечно верил в то, что говорил.

Неужели он настолько слеп, что не понимает, что этого не будет, что он полностью во власти Рашида? И как только Рашид найдет то, что ищет, он уже не будет так ласков и дружелюбен... Он применит силу, причем силу очень мощную и безжалостную. Или все-таки Давид так искусно играет. Прямо как Кира. Что ж, да здравствует игра!

Кира посмотрела на часы.

— Мне пора.

— Как, уже?

— Да, Давидик. Я приду к тебе еще. Обязательно.

— А как же твой...

— Любит меня — полюбит мой зонтик.

Кирилл-2 не проронил ни одного слова, выражающего упрек. Он молча встретил Киру, помог ей раздеться.

— Все хорошо. Спасибо тебе, что понял.

— You are welcome.

— Я пойду к нему еще, а вот свою, по возможности, не пускай.

— Не вижу особой разницы. Что помешает им сделать что-нибудь с тобой?

— Поверь мне, разница есть.

— Хорошо, верю. — Он обреченно опустился в кресло.

Кира ждала вопросов, но Кирилл хранил молчание.

— Не сердись. — Она подошла к нему сзади, обняла за шею, поцеловала бритую голову.

— А я и не сержусь. Рад, что вернулась. — Он взял ее за руку, развернул и посадил к себе на колени. — Уверен, ты знаешь, что делаешь.

Как он заблуждался! Ей бы его уверенность. Или он просто хочет ее поддержать, видя то смятение, в котором она вернулась, или скрывает, таким образом, свое замешательство и тревогу. Она ни в чем не была уверена, поступала не на основе продуманного плана, а поддавшись внутреннему порыву. Ее гнало к Давиду-2 смешанное чувство ностальгии, страха и вины. Ностальгии по беззаботным и радостным временам, проведенным в горах с Давидом, когда она наслаждалась снегом и солнцем, купаясь в его безрассудной любви, страха за жизнь Киры-2 и вины за то, что она все-таки не смогла повлиять на обстоятельства, приведшие к смерти Давида. Признать его смерть убийством она не решалась даже в собственных мыслях, наедине сама с собой, когда вокруг не могли ни осудить, ни косо посмотреть, ни восхититься. Для себя она решила, что между ними был поединок, в котором она одержала победу, правда, с помощью Кирилла, в то время, как Давид был один. Совсем один. Он настроил против себя не только учителя Рашида, но и родного брата и сделался абсолютно невменяем и одержим,

представляя собой мишень не только для нее, но и для них, решивших избавиться от него по-любому. Просто она в тот момент находилась ближе и у нее не было выбора. Она все время искала себе оправдания и находила их в том, что не она начала эту войну, и если бы Давид не перешел ту грань, которая отделяла его одержимость от полного сумасшествия, она никогда бы не подняла на него руку.

И здесь ей в голову пришла чудовищная мысль. Она подумала, что вместо того чтобы восстанавливать равновесие и синхроничность между мирами, как она мыслила вначале, вместо того чтобы попытаться убить Давида в смежном мире, а именно к этому она стремилась, спасая жизнь Киры-2, вместо всего этого предпринять все возможное, чтобы его спасти. Эта мысль стала колотиться и жалиться и мешать течению всех остальных.

Но зачем? Зачем спасать сумасшедшего, одержимого идеей своего превосходства и исключительности, находящегося под влиянием сильных стимуляторов и абсурдных идей учителя Рашида и возомнившего себя богом? Только потому, что он ее так сильно любит? И эта его любовь для нее, как наркотик? Тешит и делеет ее самолюбие и ее собственную исключительность? И она боится лишиться этой любви теперь уже в другом мире, потеряв ее в своем? Вернее, собственноручно убив ее в своем? И теперь, осознав и поняв потерю? А как же Кирилл? Он ведь тоже ее любит. Сильно, без остатка. Но... Его любовь совсем иного вкуса. Она не так остра, не так безрассудна, не так горька. Здесь все по-другому. Здесь не его любовь кричит, а ее. Это ее любовь к Кириллу, как наркотик. Тяжела, мучительна, больна. Она чувствует свою внутреннюю связь и схожесть с Давидом. Она такая же сумасшедшая, как он. Он — лишь ее отражение в кривом магическом зеркале. Он был болен ей, а она

больна его любовью. Любовью, которую не чувствует со стороны Кирилла.

— Что с тобой, Кирочка? — Он прижал ее голову к своей груди и начал гладить непослушные жесткие волосы. — Я люблю тебя. Очень, — сказал он, как будто читая ее мысли. — Может быть, я не совсем умею говорить о своей любви, выставлять ее напоказ, любоваться ее красотой, силой и страстью. Но... Ты ведь ее видишь, чувствуешь. Не можешь не чувствовать эту любовь. Ее силу, красоту и страсть. В этой любви нет места осуждению и обидам. Она прозрачна и легка. И ты можешь делать с ней все что хочешь, она всегда с тобой.

Кира отстранилась и посмотрела на него с неподдельным удивлением. Тягучее тепло растеклось по ее телу.

— Я знаю, — помолчав, сказала она, освобождаясь от только что не дававших ей покоя мыслей. Уверенным движением она очистила от них сознание, как будто стряхивая с себя паутину, мешавшую двигаться и сковывающую все ее существо. Она проснулась. Вышла из сна о Давиде.

Сон исчез вместе с иллюзией попытаться спасти Давида. Она уже пыталась. Пыталась в своем мире. Не получилось. И здесь уже поздно. Здесь нужно спасти себя и Кирилла. И если для этого нужно будет убить Давида, она сделает это. Еще раз. И еще. Если понадобится.

— Хотела тебя спросить. — Она вдруг вспомнила про гаишника. — Меня сегодня чуть не оштрафовали.

— Чуть?

— Ну да. Он грозился выписать штраф, но потом почему-то передумал.

— Почему-то?

— Мы немного поболтали о погоде... И он, видимо, решил, что во всем виновата плохая погода. Солнца не было...

— А-а-а... Я забыл, конечно. Когда солнца нет, у нас не штрафуют... — Он засмеялся. — Ну и?

— Так вот, я не поняла, что нарушила. Ехала не быстро. А когда он мне палкой своей махнул, я вообще налево поворачивала. Встречников пропустила, свет зеленый горел...

— Понятно...

— А у вас что, на красный ездят?

— Нет, ездят на зеленый. Только поворачивать ты должна была, когда загорелся желтый, а зеленый начал мигать.

— Это всегда так? Понятно. Типа нашей стрелки.

— Какой стрелки?

— Ну, у нас вместо мигающего зеленого стрелка загорается.

— Как так «вместо»? Какая стрелка?

Кира засмеялась. Удивительно. Знаки и обозначения, понятные, обычные и банальные в одной системе, могут казаться странными и неуместными человеку, принявшему другую. И действительно, как объяснить, что такое эта стрелка человеку, который ее никогда не видел? Она взяла лист и карандаш.

— Смотри. Вот так выглядит наш светофор... А так — ваш.

— Ничего себе... Он ведь как столб...

И тут они начали бурно обсуждать дорожные знаки и правила, отнимая друг у друга карандаш, чтобы наглядно что-то объяснить и показать.

— Кстати, а как насчет пьянства за рулем? Поощряется? — Кира вспомнила разговор с Давидом.

— Что ты? Нет, конечно. Если обнаружат больше трех кубиков, отберут права на год, больше пяти — на три года, а больше семи — бессрочно.

— А что это за кубики?

— Ну, две банки — маленьких — выпить можно.

- А два бокала вина?
- Смотри какие бокалы.
- Вот такие. — Кира нарисовала в воздухе стандартную рюмку.
- Таких можно... Лучше полтора. Для уверенности.
- Хорошо вам.
- А вам?
- У нас, по-моему, на кубики не смотрят. Пил — не пил. Но у нас можно дать гаишнику взятку.
- Ну, это и у нас можно... Тот же бардак.
- Почему это бардак? Наоборот, хорошо. Представляешь, что бы было, если бы они не брали?
- Не представляю.

Кира решила не только еще раз увидеться с Давидом, но и зайти к себе домой, то есть домой к Кире-2. Она даже не стала пытаться как-то обосновать сама для себя такое свое решение. Она просто хотела это сделать. Задумываться же на тему, к чему нежелательному это может привести, и насколько это нежелательное может отразиться на жизни Кире-2, было не в ее стиле. Она всегда была ведома порывами и интуицией и никогда не думала о последствиях, надеялась на лучшее, впрочем, нет, не надеялась, она просто привыкла к лучшему.

Кирилл-2 не возражал ни против ее встречи с Давидом, ни против ее желания посмотреть, как живет Кира-2. Он спокойно сидел в углу и с безысходностью наблюдал, как она одевается.

- Ты рассказала Кириллу, что ездила к нашему Давиду?
- Нет. Пока нет.
- То есть ты собираешься это сделать?
- Конечно. Он все равно узнает...

— Как?

— Кира твоя расскажет. Она ведь в курсе?

— Я не мог ей не сказать. Давид все время звонит. Она должна быть в теме.

— Ну вот.

— Но я просил ее ничего не говорить твоему Кириллу, пока ты сама не...

— Спасибо, конечно. Но это неважно. Это лишь дело времени. Во-первых, Кира твоя себя слабо контролирует. Может ляпнуть, и сама не заметит. Во-вторых, Кирилл сам все увидит и прочувствует. От него не скроешь. Так что вопрос: говорить — не говорить, не стоит. Просто до тех пор, пока он не сообразит что к чему, у меня развязаны руки. Есть какой-то запас по времени.

— И зачем тебе этот запас?

— Не знаю точно. Пусть будет.

— А я думал, у тебя есть план.

— Я и сама так думала. Но плана нет. И, представь, это даже хорошо. Есть свобода. Ничего не сковывает. Не нужно следовать никакой заранее определенной линии поведения и разговора. Знаешь, как внимательно Давид меня изучал в прошлый раз? Если бы я думала о плане, я бы точно себя выдала. — Кира не стала упоминать эпизод с Джойсом, который вполне мог бы иметь не столь оптимистическое продолжение. — А так... Все было естественно. Я просто общалась с ним, как раньше. Я даже забыла, что я — не я.

— И ты опять идешь просто общаться?

— Ну да.

— А со мной пообщаться ты не хочешь?

Кира опустила перед ним на колени и положила свою голову на его сложенные руки.

— Я очень хочу с тобой общаться. Но ты ведь сам все видишь и понимаешь. Я должна это сделать.

— Не обманывай ни себя, ни меня. Ничего ты не должна. Никому! Ты просто хочешь это сделать. — Он резко встал, отстраняя ее, так что она осталась сидеть на полу.

— Да, я хочу. Хочу вам помочь.

— Спасибо. А ты не подумала о том, что вы с Кириллом справились сами? Мы тоже должны сами.

— Ничего вы не должны. Если бы не мы, вы бы вообще не были сейчас вместе.

— Я не уверен... — Он подошел к Кире и помог ей подняться, прижал к себе. — Давай оставим этот разговор. У нас у всех есть скрытые мотивы и желания... Я хочу тебя. И мне в этот момент наплевать на все остальное. А тебе интересно исследовать наш мир и ковырять в нем пальцем, и тебе все равно, что из этого выйдет.

Кира открыла рот, чтобы возразить.

— Молчи. Не нужно ничего говорить. — Он поцеловал ее. — Иди. И постарайся вернуться.

Кира медленно подъехала к своему дому, огляделась. Как же все похоже... Вот тетки у подъезда. Те же самые. И так же увлеченно болтают. Только консьержка Валентина не такая объемная. Но узнать можно. Интересно, какой здесь Олег? Вдруг она с ним столкнется? А Апрель? Может, она сейчас увидит Апреля, другого Апреля?

Кира вышла из машины и направилась к подъезду.

— Здравствуйте! — сказала она.

Ей ответили, почти не оборачиваясь, продолжая свой бессмысленный и все время один и тот же разговор.

В квартире было тихо.

— Есть кто-нибудь?

Тишина ответила, что никого нет. Она облегченно вздохнула и, не раздеваясь, пошла в глубину дома. Ее и не ее дома.

Квартира казалась чужой. Ничего, что намекало бы на связь с ней. Кира-2, судя по всему, жила совсем другой жизнью. От Кириного минимализма и абстракционизма не было и следа. И даже все совсем наоборот: много мебели — дорогая, вычурная, громоздкая; яркие, тяжелые вазы; картины в позолоченных рамах — полуголые пастушки и женоподобные флейтисты, реалистичные пейзажи и натюрморты, а вот и кем-то старательно выписанный, не очень удачный, но зато в какой раме, портрет самой Киры; и кубки, кубки, кубки — повсюду. Спортсменка...

Кира зашла в спальню и присвистнула. Огромная кровать с балдахином, а-ля Людовик XVI, и куча каких-то тумбочек и комодиков с развратными завитушками, предметов непонятного назначения и... много фотографий. Кирины, студийные, неестественные позы и натянутые улыбки, прямо как с обложек глянцевого журналов. Кира прошла вдоль стены. Вот наконец-то две фотографии Апреля, небольшие, бытовые. Кира подошла ближе.

— Совсем маленький. Вылитый мой. А здесь уже не вылитый... — Она перевела взгляд на соседнее фото. — Лет десять. Уже что-то не то. Взгляд какой-то пустой и грустный. И все?

Кира огляделась. Больше фотоснимков не было. Она походила вокруг кровати, потрогала балдахин, подергала за все ручки ящичков и шкафчиков, заглядывая внутрь. Зазвонил сотовый.

Кирил? Нет, не он.

— Привет, Давид. Да, скоро буду. Целую.

В комнате Апреля царил страшный беспорядок. А в тех местах, куда беспорядок не пробрался, лежал толстый слой пыли.

— Понятно. — Она села за письменный стол и почувствовала под собой на стуле комков одежды, привста-

ла, сбросила все на ковер, где уже валялись джинсы и толстовка, и снова села.

«Ну, это все почти, как у нас... Разница минимальная. Только...»

Только здесь не было книг. Совсем. Никаких. И не было для них места. И не было пианино. Не было синтезатора и двух заигранных гитар. Та же, что и во всей квартире, тяжелая мебель и... три велосипеда. Все три разные и, видимо, очень дорогие — прыжковый, для трюков, горный с двумя подвесами и байк в стиле «Ригги» — три тысячи долларов как минимум, может, больше. Они стояли прямо на ковре и были, мягко выражаясь, не очень чистыми. На стенах красовались плакаты с перекошенными телами и физиономиями рокеров и их подружек.

— Милый мальчик.

Кира прошла на кухню. Здесь тоже было все вверх дном. Грязные тарелки, разорванные упаковки, пакеты, засохшие остатки булок. Она положила на стул сумочку и стала убираться, собрала мусор, положила в раковину грязную посуду, поймала себя на мысли, что делает это совершенно автоматически, забыв, что это не ее дом. Улыбнулась. Впрочем, какая разница. В известном смысле все здесь ее.

В прихожей послышалось какое-то шевеление, зашуршал замок, дверь открылась.

— Явилась... Поесть принесла? — Перед ней возник Апрель. Длинные волосы собраны под черной банданой, черная кожаная куртка, мешковатые потрепанные джинсы, ясный взгляд голубых глаз. — Понял. Не принесла. Ладно. Денег дашь? — Он замолчал и как-то странно на нее посмотрел. — Ты что это, заболела?

— Почему? — Кира нашла в себе силы сказать хоть что-то. Главное, начать. Потом пойдет легче.

— Сразу убираться... Даже не разделась. Что, мо-
да теперь такая? — Он засмеялся. — Ладно, ма, отомри.
Ты сегодня какая-то странная... А поесть точно ничего
не принесла? — Он осмотрел кухню, заглянул в холо-
дильник. — Ни-че-го!

— Извини, малыш. Я случайно зашла, просто ми-
мо проезжала... Я не собиралась... А потом, думаю, дай
зайду, посмотрю, как там дела.

Апрель смотрел на нее все с большим недоуме-
нием.

— Ты точно сегодня какая-то прибабахнутая. Слу-
чилось что?

— Нет, что ты. Ничего не случилось. Все хорошо.

— Я бы не сказал... Ты это, завязывай там.

— С чем завязывать?

— Сама знаешь с чем.

Кира округлила глаза.

— Ну, с выпивкой, с травой... Да не делай ты та-
кие глаза. Отец говорит, ты канабис куришь, траву
всякую...

— А еще что он говорит?

— Много чего... — Он снял куртку и бросил ее
в прихожей. — Да ладно, расслабься. Все, что он гово-
рит, я делю как минимум на шестнадцать.

— Хорошо...

— Да что я, совсем тупой? Не понимаю ниче-
го? — Он сделал движение в ее сторону, как будто хо-
тел обнять, но в последний момент затормозил. —
А ты молодец, что убралась. Спасибо. Может, и у меня
уберешься?

— А сам?

— А я не умею.

— Ну, тогда пойдем учиться. — Кира разделась,
разулась и повела Апреля в его комнату.

После уборки идти к Давиду было уже нецелесообразно. Кира посмотрела на часы. Пора возвращаться. Она отдала Апрелю все деньги, которые были в сумочке, поцеловала и быстро ушла, чтобы не расплакаться.

Сев в машину, набрала номер Давида.

— Извини, пожалуйста. Тут у меня все поменялось... Ну, я и говорю, прости. Нет... Ну нет же! Проблемы с Апрелем... Завтра. Точно... Абсолютно. Целую.

Кирилл-2 был мрачен, но спокоен и опять ни о чем не расспрашивал. Кире пришлось начать объясняться самой, без наводящих вопросов.

— Позови, пожалуйста, меня завтра. Ты ведь можешь? Завтра воскресенье... Я ему обещала завтра прийти обязательно.

Кирилл расстроился окончательно.

— Тебе мало? Непременно хочется еще и завтра? Может, ты здесь вообще поселишься? С ним.

Кира пропустила это замечание мимо ушей.

— Ты не понимаешь. Я к нему сегодня не попала. Не была я у него! Мы не виделись. И он рассердился... И, чтобы его успокоить, я договорилась с ним на завтра.

— Как это «не была»? А где же ты была?

— Дома... Помогала Апрелю убираться в квартире. Вернее, он мне помогал. Знаешь, он хороший мальчик. Совсем не такой, как твоя Кира о нем рассказывала. Просто она с ним никогда ничем не занималась, ничему не учила... Он умный, добрый, ласковый... Он так был рад, что мы вместе убирались... Я просто не могла от него раньше уйти...

Кирилл засмеялся. Он смеялся долго и громко. И Кира никак не могла понять, искренне он смеется или натужно, с издевкой и сарказмом. Даже проследил.

— Да уж. Нет слов, — наконец сквозь смех сказал он.

— Я уж вижу...

— Ты даже не представляешь, что я пережил за эти несколько часов, пока тебя не было. О чем только не думал, чего не представлял! Все представлял! В деталях и без. Тебя с ним. И так и эдак... — Он опять надрывно засмеялся. — Ну чего я никак не мог представить, так это то, что ты с Апрелем занимаешься уборкой...

Но Кирилл-2 не зря все это представлял. В деталях и без. Он просто предвосхитил события. Возможно, если бы он этого себе не представлял, ничего такого и не произошло бы. Но оно произошло. На следующий день. Когда он уже ни о чем таком не думал и даже отвлекся от мыслей о Кире, когда она уехала к Давиду. Он воспользовался свободным временем, чтобы немного поработать — подчистить концы. Сейчас, когда они начали жить вместе с Кирой, времени на работу катастрофически не хватало. Он стал раньше приходить с работы домой, идя навстречу ее просьбам, и все вечера проводил не за компьютером, как прежде, а с Кирой.

Так вот на следующий день, когда Кирилл-2 наконец-то добрался до своих недоделанных проектов, Давид добрался до Кире, в прямом смысле.

Встретил он ее упреками, перешедшими в разговоры о его бесконечной и сильной любви, в красивые признания и обещания вечной преданности, перед чем Кира никогда не могла устоять — слова эти действовали на нее, как взгляд удава на кролика, она теряла волю и способность трезво оценивать ситуацию, да и вообще все другие способности. В общем, все закончилось бурным сексом и нежным послесексием.

Она расслабилась, утонула в ласковых словах и приятных воспоминаниях и, вероятно, позволила себе быть

самой собой, вернее, не позволила, поскольку ничего не соображала, а просто была сама собой, что не ускользнуло от острого и пытливого взгляда Давида. Он почувствовал подвох, обман, ошибку, в общем, почувствовал что-то не то. Он понял, что перед ним не Кира, точнее, не совсем Кира. Это чувство окрепло, и он начал ее проверять, усыпив ее бдительность своей бесконечной и такой настоящей нежностью. Она расслабилась, повелась и забыла, что она не она. Она говорила с Давидом о вещах, не доступных и неподвластных Кире-2, ну, как в первый раз о Джойсе, только намного более серьезных, что разоблачало ее окончательно. Давид, естественно, не понял что к чему, он лишь понял, что что-то здесь не так. Что-то закралось ему в сознание, что-то странное и необычное, он сам еще не знал, что именно, поскольку, как и Кира, потерял всякую ориентацию, но какая-то часть его мозга копила и собирала информацию, чтобы потом спокойно все взвесить и проанализировать.

И результаты его анализа не заставили себя долго ждать. Через несколько дней он позвонил Кире-2, и она пропала. Когда потом Кирилл-2 рассказывал растерянной от чувства вины Кире о том, что он пережил, у него тряслись губы и белел кончик носа. Кира-2 отсутствовала три дня, в течение которых телефон ее не отвечал, у себя дома она не появлялась. Он не спал, не ел, не работал. Он почти умер. Связи со смежным миром не было, потому что не было его Киры. Когда, наконец, она позвонила, он даже не обрадовался, у него не было сил. Он полностью потерялся в своем горе.

Она позвонила вечером и попросила забрать ее у «Седьмого Континента», рядом с ее домом. Сказала, что ждет его на входе в магазин. Голос был низким и надрывным, ему даже показалось, что это не ее голос, что кто-то другой звонит с ее телефона, но это ничего

не значило, поскольку терять ему уже было нечего. Он как загипнотизированный вышел из дома, сел в машину и поехал за Кирой.

Она действительно была у входа в «Седьмой Континент» — сидела на корточках, а рядом начинали собираться люди. Сердобольные старушки и участливые мамашки интересовались Кириным самочувствием, предлагали вызвать врача. Кира и в самом деле выглядела ужасно. Тусклое, какого-то земляного цвета лицо, отсутствующий и растерянный взгляд, мешки под глазами. Кирилл быстро прошел сквозь строй сочувствующих, помог Кире подняться и повел ее к машине.

— Все в порядке... Я муж. Все в порядке.

Кира молчала, а он, посмотрев на нее, решил ни о чем не спрашивать. Она иногда вздрагивала и почему-то держалась за горло.

— Крепись, — только и сказал он. — Скоро будем дома.

Два дня ушло на лечение. Помогла Сенка. Этот энергетический шнур работал своеобразным насосом жизненной энергии и, с другой стороны, очистителем негативной информации. Использовать Сенку в подобных тупиковых ситуациях Кириллу-2 посоветовал Кирилл. И сейчас Кирилл-2 вяло удивлялся, насколько хорошо работает этот странный механизм.

Дыхание выровнялось, взгляд прояснился, и Кира-2 обрела способность излагать. Эти три кошмарных дня, которые Кирилл-2 провел, разыскивая свою Киру, она провела в квартире у Давида. Не получив от нее никаких вразумительных объяснений, его устраивающих, Давид сказал, что разберется во всем сам, что он практически уверен, что в последний раз с ним общалась не она. А если это даже была и она, то кем-то или чем-то измененная. И если Кира не желает идти на контакт и честно рассказать все, что ей известно, избавив таким образом и себя, и его от многих неприятных

последствий своей скрытности, то он вынужден пойти на крайние меры. «Крайние меры» заключались в том, что, подключив Киру к какой-то электронной аппаратуре, как это проделывал Рашид, Давид начал задавать ей вопросы и делать инъекции. Вопросы она не помнила, что на них отвечала — тоже, и отвечала ли вообще. В памяти осталось лишь то, что жидкость, которую колол ей Давид, была без цвета и запаха, и уколы сами по себе оказались безболезненными.

Так что больно не было. Было плохо. Гудело в голове, а потом тошнило. Потом он сделал несколько инъекций и себе тоже, немного подождал и подключился к приборам сам, только не напрямую, а через Киру. Он сначала подсоединил себя к Кире с помощью пучка каких-то очень тонких ниточек-проводов в области лба, а потом через свои стопы и правую кисть подсоединился к основным приборам. Он перестал задавать Кире какие-либо вопросы и вообще перестал с ней разговаривать, полностью погрузившись в себя.

Она потеряла сознание.

Очнувшись, обнаружила, что Давид убирает с нее все провода. Она попробовала пошевелиться. К горлу подступил тошнотворный комок, потолок падал, стены убегали прочь. Все двоилось.

— Подожди немного, — сказал Давид. — Сейчас станет легче. — Он выглядел не лучшим образом, хотя казался довольным. — Как только почувствуешь облегчение, попробуй встать. На кухне стоит бутылка с водой. Выпей сколько сможешь. Чем больше, тем лучше. — Он улыбнулся. — Знаешь, я нащупал его. Этот мир. Сам. Понимаешь? Не Рашид, а я. Я это сделал! Осталось совсем чуть-чуть. Зафиксироваться. — Он наклонился над Кирой и поцеловал в губы.

Кира почувствовала горький вкус и какой-то странный неприятный запах. Попробовала подняться. Давид остановил ее, укладывая обратно.

— Не спеши. Еще несколько минут. А потом сразу пей воду и уходи. Выходи на улицу и с сотового вызывай «скорую» или иди к врачу. Скажи, отравилась. Или нанюхалась. Или вообще ничего не говори... — Он на мгновение нахмурился. — Надеюсь, лишнего ты не скажешь. В лучшем случае — психушка, в худшем — порвут на опыты.

— Ну, на опыты меня уже порвали...

— Не думаю. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты осталась жить. Я вел себя с тобой очень нежно. Ты лучшее, что у меня есть. Именно поэтому я сейчас тебя отпускаю. — Он дернулся, как будто что-то вспомнив. — А я буду продолжать. Нельзя терять ни минуты.

Он повернулся к приборам и начал там что-то делать. Что именно, Кира не в состоянии была понять и запомнить. Потом он сделал себе укол, лег и закрыл глаза.

Кира же открыла глаза чуть шире. Потолок падал менее уверенно, стены отступили. Поднявшись на ноги с третьей попытки, она, шатаясь, прошла на кухню и выпила воды. Столько, сколько смогла. Медленно оделась, подошла к Давиду.

Он лежал неподвижно. Как покойник. Земляного цвета лицо, синие руки. Она наклонилась. Дышит. Промелькнула мысль, что нужно сорвать с него все эти провода и привести его в чувство. Но мысль ни за что не зацепилась и была вытеснена мыслью о Кирилле. Она вышла в прихожую, с трудом открыла тяжелую железную дверь и покинула нехорошую квартиру.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Кирилл-2, выслушав ее рассказ. — Может, действительно вызвать врача?

— Не надо врача. Мне лучше. Намного. Сенка хорошо сделала свою работу. — Она улыбнулась. — Я убью эту Киру.

— Интересно, как?

- Я все расскажу Кириллу.
- Ей придется самой ему все рассказать.
- То она, а то я.

И она рассказала. Правда, это было не так легко сделать, поскольку Кира чувствовала себя не намного лучше, чем Кира-2. Эксперименты Давида доставили им не меньше страданий. Все то время, пока Давид-2 стимулировал мозговые и психические центры Киры-2, Кира находилась в бессознательном состоянии. Ее рвало на части, утягивало в другой мир, на переход, и неизвестно еще куда. Тело вибрировало, Кирилл не отходил от нее ни на минуту. Не спал, не ел, не работал. Он почти умер. Он чувствовал, что умирает сразу в двух мирах. Как минимум в двух. Через три дня Кире стало резко лучше. По крайней мере, она пришла в себя и на лице появилось ее привычное выражение. Говорить она еще не могла, но это неважно. Главное, она была жива. Первое, что сделал Кирилл, когда Кира смогла шевелить руками и губами, позвал Сенку, а потом сразу Киру-2. Он чувствовал и видел, что что-то происходит в смежном мире, что-то ужасное, из-за чего Кира умирает. Он ожидал чего-то в этом роде после того, как Кира, подбирая слова, рассказала ему о своих визитах к Давиду и к себе домой. Кира-2 весьма дополнила этот рассказ, снабдив его недостающими деталями.

Киру мучили угрызения совести недолго. Ровно до тех пор, пока она не узнала, что Давид-2 погиб. Он так и не пришел в себя после последних своих экспериментов над собой и над Кирой-2.

— Он искал мир, в котором он мертв... Как же он мог остаться после этого живым? — сказала Кира Кириллу.

Когда его брат близнец, сразу почувствовавший неладное, прилетел в Москву, Давид-2 был уже мертв

восемнадцать часов. Данил-2 сразу позвонил Кире-2, в надежде узнать подробности. Она сказала, что ничего не знает. Они встретились и поддержали друг друга в этом горе, как могли. Данил не находил себе места и был глубоко опечален, заживо убит, ведь Давид был его второй половиной, и теперь он чувствовал себя наполовину мертвым, и живым — тоже наполовину. Он просил Киру полететь с ним на похороны, помочь, но она не поддалась. Сказала, что никак не может оставить сейчас Апреля. И Данил улетел один. Сказал, что, как только все уладит, обязательно вернется с учителем Рашидом, чтобы тот осмотрел аппаратуру и исследовал стимуляторы, которые вводил себе перед смертью Давид, и вообще во всем разобрался. Данил также оставил в квартире Давида охрану и распорядился, чтобы до их приезда ничего не трогали.

— Видишь, что ты натворила?

— Я лишь синхронизировала миры.

— Какой ценой? Теперь Рашид не оставит Киру-2 в покое. Боюсь, если что случится, Кирилл не справится.

— Справится. Мы поможем.

— Ты уже помогла.

— А ты сомневаешься?

— Да, есть немного.

— Ну и зря. Вспомни, как у нас было? Намного хуже. Данил напрямую обвинял меня в убийстве брата... Но мы справились...

— *Давид умер. — Раздалось в трубке и тяжело отозвалось в Кире. — Вчера привезли урну, после завтра похороны. Я не прошу тебя прилететь, потому что не хочу тебя сейчас видеть. Возможно, тебе будут интересны результаты вскрытия... Обширный инсульт...*

Кира молчала.

— Я чувствовал, как он умирал. Мы ведь близнецы. Когда все было кончено, я знал точно... Я сам чуть не умер... Все шло к этому. Я говорил ему, но он не слушал. Он был одержим. Тобой.

Кира молчала.

— Это не означает того, что я тебя оправдываю, а его не понимаю. Но мы посвященные и живем по своим законам... После похорон я пойду в горы и не вернусь, пока не пойму того, что происходит... Я чувствую, что это еще не все. Почему ты молчишь?

— А разве ты меня о чем-нибудь спрашиваешь?

— В общем, нет. Я не такой продвинутый, как ты, и для меня жизнь — это жизнь, а смерть — это смерть, а не наоборот. Я безумно опечален. Такое впечатление, что от меня отрезали кусок.

— Мне очень жаль.

— Нет, тебе не жаль. Но это не имеет значения. Я люблю его, несмотря на то, что его здесь уже нет, и я люблю тебя, хоть ты и падший бог.

— Падших богов не бывает. Если бог упал, то он уже не бог.

— Ты пытаешься этому следовать. Но жить, как живут люди, у тебя не очень-то получается.

— Ничего, я справлюсь.

— Если не будешь переигрывать.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь...

Данил молчал. Кира подождала немного и сказала:

— В любом случае прими мои соболезнования. И мне действительно очень жаль.

Ей было жаль. Очень. На глаза наворачивались слезы, начинал болеть затылок.

— Это было бы хорошо. В первую очередь для тебя. Где то, что от него осталось?

— О чем это ты?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем.

— Нет, я не понимаю.

— Оно в тебе?

— Что?

— Перестань. Давид был посвященным и обладал Силой.

— ???

— Ладно. Но мы еще к этому вернемся. Я позвоню позже. Мне очень тяжело сейчас. Надеюсь, ты меня понимаешь.

— Надеюсь, что да.

— Мы справлялись очень долго и чуть не погибли. Тебе пришлось сдвигать их восприятие и варить кашу из их мозгов.

— Ну, прямо так и кашу... И что мне мешает сделать это еще раз?

— А ты не догадываешься?

— Нет.

— Кира-2 никогда этого не делала. Она даже не знает, что такое бывает. А если узнает, не поверит.

— Я все сделаю сама.

— Не уверен, что это хорошая идея. Я тут проводил некоторые наблюдения относительно того, как функционирует сознание в чужом теле. И могу тебе сказать совершенно определенно, что без навыков тела ты не справишься, хотя сознание твое и знает, что делать. Это все равно как, например, ездить на велосипеде. Или плавать. Ты можешь очень хорошо знать теоретически, какие движения выполнять и какие приемы применять, но если твое тело не имело соответствующего практического опыта, ты не поедешь и не поплывешь.

— Но мне ведь удалось воздействовать на гаишника...

— Ну, если только на гаишника. Но нам не нужно на гаишника... На Давида, насколько я понял, ты не смогла воздействовать никак. Скорее наоборот, он воспользовался ситуацией и пытался влить на тебя. И у него получилось. Может, не все, но он был очень близок.

— Это уже не имеет значения.

— Напротив. Очень даже имеет. Это абсолютно ясно доказывает, что ты не способна повлиять ни на Данила, ни уж тем более на Рашида.

— Пока.

— Думаю, этого «пока» вполне может хватить, чтобы завладеть Кирой-2.

— Ну вот зачем ты нагнетаешь?

— Я не нагнетаю. Я просто не хочу, чтобы ты расслаблялась. Ты и так слишком расслабленная...

— Да, я расслабленная. Я устала все время оглядываться и убегать. Я хочу расслабиться и просто жить. Не оглядываясь, не убегая, не прячась, не боясь.

— Я уже в курсе... Живи. Я все буду делать сам. Что смогу. Но ты ведь и так не хочешь. Ты все равно пытаешься все время вмешаться. А последние события... Я даже не буду это комментировать. Ты сама все прекрасно знаешь и понимаешь.

— Ты просто меня не любишь...

— Ну вот, опять начинается... Очень легко серьезный разговор перевести на любишь — не любишь. А главное, можно сразу все себе объяснить.

Кира молчала. А что она могла сказать? Он был абсолютно прав, как всегда. А она просто сотрясала воздух, чтобы оставить последнее слово за собой. Так делают маленькие дети. И взрослые, которые так и остаются навсегда маленькими детьми. Эта мысль, способная изменить внутренний настрой и направить психический поток в другом направлении, тут же сменилась другой, не способной ни на что хорошее. Как же он все-та-

ки отличался от Давида! Давид бы сейчас тут же бросился доказывать свою любовь. А этот даже не собирается. Но Кирилл уже научился перехватывать подобные мысли. Он выдержал паузу, притянул к себе Киру, поцеловал, прижал к груди.

— Я люблю тебя. Очень. Может быть, я не совсем умею говорить о своей любви, выставлять ее напоказ, любоваться ее красотой, силой и страстью. Но... Ты ведь ее видишь, чувствуешь. Не можешь не чувствовать эту любовь. Ее силу, красоту и страсть. В этой любви нет места осуждению и обидам. Она прозрачна и легка. И ты можешь делать с ней все что хочешь, она всегда с тобой.

Кира улыбнулась. Совсем недавно она слышала что-то похожее. Да нет, не похожее, а в точности слово в слово. Вот это синхронизация!

Глава 15

Синее небо крутится над головой.
Жидкость приходит в меня и уходит.
Виски не жидкость, виски — коньяк.
Я хочу, чтобы оно было всегда, как и ты.
Вы природы одной, но разных свойств.
Вы не увидите, но вас можно пить.
Виски терпкая и вонючая,
Ты мягкая и колючая.
Я вдыхаю воздух
И не выдохну, нет. Побудь со мной.
Ладно уж, выдохну, лети.
Мне не нужно уже ничего.

Кира сказала мне, что встречалась с Давидом-2, а также заходила к себе домой, видела Апреля-2. Она говорила о Давиде, еще о чем-то, рассказывала, как живет Кира-2, какая у нее квартира, какой Апрель... Но я слушал не столько, что она говорила, сколько ее голос. Он будил во мне какие-то переживания, заставляя подниматься из глубины сознания то ли воспоминания, то ли знания о будущем. Я пытался осознать приходящую информацию, но, по крайней мере, до этого времени мне не удавалось перевести ее на понятный для меня язык. И вот дверь немного приоткрылась, и неизвестность показала мне Киру в объятиях Давида-2.

- Ты занималась с Давидом сексом?
- А ты откуда знаешь?.. То есть нет.
- Ладно, уж. Все понятно, не выйдет из тебя разведчика. Сама все расскажешь, даже не заметишь.

— А ты считай, что это не я, а Кира-2. Это же ее тело. Значит, я здесь ни при чем. Ну, почти ни при чем. Я вообще просто хотела на него посмотреть. Мы же были все-таки очень близкими друзьями, мне очень хотелось, извини.

— Ты на Киру-2 не вешай свои грехи, у нее их хватает и без тебя. А если она здесь без твоего ведома поедет развлечься?

— Нет, так нельзя. Ты ее контролируй. Ладно, извини, я просто хотела посмотреть на Давида, дальше все само получилось.

— Не вопрос, дело житейское, забыли. Главное, чтобы он ничего не заметил. Если заметит, у нас могут быть большие проблемы. А у Киры-2 проблемы будут еще больше.

— Да нет, вроде, все было сравнительно спокойно. Правда, он несколько раз спросил, почему я какая-то не такая. Но особо на этом не акцентировал внимания.

— Чувствую, нельзя тебя ни на секунду одну оставлять ни в этом мире, ни в другом. Ты же девочка-авария. Ты же знаешь, какой Давид чувствительный, по крайней мере, был у нас. Единственное, что вызывает оптимизм, что он может не поверить своим чувствам, слишком все фантастически.

Через неделю, в пятницу утром, когда я уже несколько часов работал в офисе, позвонила Кира и вместо обычных утренних вопросов, что ей делать в спортзале, пожаловалась, что ей как-то не по себе, как будто ее что-то рвет изнутри и кто-то пытается ее куда-то тянуть. Если Кира на что-то жалуется, это значит, что ей действительно плохо, потому что на мелкие неурядицы с самочувствием она внимания принципиально не обращает — считает, что само пройдет.

Наверное, мне сразу надо было ехать к ней и забирать ее к себе. Но дел, требующих моего присутствия в офисе, было слишком много, да и мы несколько привыкли к постоянным проблемам, так что я решил немного выждать, посмотреть отсюда, из офиса, во внутреннее пространство — возможно, удастся обнаружить виновника и исправить ситуацию на расстоянии. Но нет, ничего нового и подозрительного вокруг нас в бесконечности не происходило. Позвонил Кире, ее состояние не улучшалось. Решил еще подождать и занимался разными неотложными делами. Через полтора часа позвонил снова. Ситуация была устойчиво-плохой. Дал всем задания, перераспределил насколько возможно свою работу между ребятами и помчался к Кире. Пятничный час пик еще не перешел в дорожный ступор, поэтому удалось добраться практически за час. По пути пытался прочувствовать, что происходит. Не прочувствовал. Сколько я ни искал причину, ничего не находил. Перемещался между внутренними пространствами, но всюду было пустынно. С большим трудом обнаружил лишь несколько наблюдателей. Но их внимание, направленное на нас, ощущалось минимально, и я не стал с ними ничего делать. Доехал до дома Киры. Она сама вышла к машине, что немного обнадеживало. Я забросил ее вещи в багажник, она легла на откиннутое переднее сиденье, и мы по МКАДу помчались ко мне.

Я ухаживал за Кирой вечер пятницы и всю субботу. Она чувствовала себя плохо, очень плохо, но не критически. Бывали у нас времена и похуже. Больше всего она расстраивалась, что наши выходные пропадают из-за ее недомогания. Я, как мог, утешал, хотя, мне кажется, утешитель из меня не ахти. Но ведь что-то действительно происходило. Что? Мы так и не узнали. Ночь на воскресенье прошла без сна. Я все время ис-

правлял энергетический дисбаланс, который почему-то возник в теле Киры. Когда солнце уже поднялось высоко, мы оба заснули, а после пробуждения оказалось, что все по-прежнему плохо. Киру тошнило, солнечное сплетение жило своей жизнью, вернее, казалось, что там кто-то жил... В голове стоял зов. Ее звали непонятным образом, на непонятном языке. Звали и тащили... Перелом наступил в понедельник утром. Естественно, я не поехал в офис. Я вообще забыл о работе. Сначала мы только надеялись на то, что это действительно перелом в этой странной болезни, но по мере движения часовой стрелки к обеду очередного ухудшения не наступило, и надежды превратились в уверенность. Я напоил Киру чаем, и мы вышли на улицу впервые за два дня вдохнуть свежего воздуха и купить что-то вкусное Сенке. До этого я не звал Сенку, не хотел, чтобы она приходила в больное тело. Она ведь совсем не знала, что такое боль, до падения в наш мир. Совсем не умела терпеть ее. Даже маленькие неудобства становились для нее большим негативным событием. Ну а теперь можно было и позвать в гости, угостить клубникой со сливками. И узнать, не их ли отголоски слышны у нас в виде Кириных болезней.

Сенка пришла уставшая. Но почувствовав, что у нас ничего не болит, обрадовалась.

— Хоть у вас немного отдохну. А то ты, тот второй Кирилл, меня зовет и зовет, зовет и зовет — там у него Кира умирает, а он ее так лечит... У вас было плохо, но так плохо никогда не было.

— А что у них случилось? Тебя много раз звали?

— Да, очень много, восемнадцать раз. — Сенка посмотрела на свои руки, скорее всего, хотела показать на пальцах, сколько раз ее звали, но, оценив количество пальцев, не стала показывать. — Ты знаешь, как мне было тяжело? Но я же понимаю, что надо вто-

рую Киру спасти. А кроме меня, никто этого сделать не сможет. Сенка — спасатель.

Я обнял Сенку. Еще не знаю, что случилось в том мире, но судя по количеству вызовов, что-то очень серьезное. Обычно несколько переходов подряд исправляют и заряжают энергетику тела до максимума. Если Сенку звали столько раз, сколько она говорит, значит, ситуация была критическая.

Сенка кушала клубнику, рассматривала подготовленные специально для нее альбомы по живописи с большим удовольствием и интересом. Но все движения ее были медленными, взгляд — тусклым, восхищения — слабыми. Разговаривала совсем мало. Она была тихая-тихая. Видно, что из-за пережитой боли ее психика истощилась. Я же не стал ее много расспрашивать о том, что же произошло в мире Киры-2, не хотел заставлять ее вспоминать пережитое. Ведь Сенка если что-то вспоминала, то практически переживала это еще раз.

После Сенки я позвал Киру-2 и все выяснил. Но появилась она с уже знакомыми словами.

— Ну, наконец. Хоть немного у вас отдохну. У нас там полный абзац, я чуть не умерла, думала, что уже все, не выживу. Если бы не ваша Сенка, точно бы уже не увиделись. Кофе сделай.

— Пойдем на кухню, я буду кофе делать, а ты рассказывать.

— Нет, Кирилл, ты сделай и сюда принеси. Я пока полежу. Просто полежу. Это так хорошо, оказывается, когда ничего не болит и можно просто полежать.

Устроившись с чашкой кофе на диване, Кира-2 не выказывала обычной для себя эмоциональности, было видно, что она тоже очень устала.

— На самом деле все из-за твоей Киры. — В ее тоне совсем не было обиды или обвинения. Только констатация факта. — Кирилл же все время работает,

а мне что делать? Вот я и хожу по друзьям. Мне утром позвонил Давид, пригласил к себе. Ну, мне все равно делать нечего, я и перешла через дорогу и зашла к нему. Давид сначала вел себя вроде нормально, а потом завелся. Спрашивает и спрашивает, кто это к нему в прошлый раз заходил, кто это был... Как заяц-энерджайзер.

— Ты сказала?

— Нет, конечно. Я ему говорю, это была я. Я уже поняла, что у него идея фикс и надо делать ноги. Говорю, пойдем куда-нибудь, посидим, я есть хочу. Но ничего из этого не получилось. Он так рукой махнул, говорит, что, мол, с тобой разговаривать, я сам все узнаю. Обидно, знаешь ли.

— Да, наделали мы ошибок.

— А расхлебывать, конечно, мне. Никуда он меня не отпустил, а повел в спальню. Но не для секса, там у него приборы всякие и провода, как у Рашида. Я хотела убежать, но он все двери запер, а Адама с его людьми, охрану свою, отослал. Представь, он всю пятницу и субботу делал мне и себе уколы и то подключал, то отключал провода.

— Вы что и не спали?

— Нет. Совсем не спали. Ну, к концу мне уже совсем стало плохо, да и ему, наверное, тоже. Даже не наверное, а точно. Это при том, что мне он делал по половинке ампулы, а себе по целой. В субботу вечером я ему говорю, что не могу больше, умру я. Он меня отключил, и выслал на улицу. Сказал, выйдешь, вызови с мобильного «скорую». Я, естественно, позвонила Кириллу. А Давид, я думаю, остался продолжать.

— Да, жуткая история. А Кирилл где все это время был? Он не искал тебя?

— Сказал, что искал. Но Давид отнял у меня телефон. А Кирилл даже приезжал и ходил вокруг дома,

чувствовал, что я там, но он ни квартиру, ни подъезд не знал, поэтому не нашел меня. Он и дом непонятно как нашел. И когда я позвонила, Кирилл приехал и забрал меня. Я была совсем плохая. Он сначала сам что-то пытался делать, уколы, переливания, а потом, видно, понял, что это бесполезно, и вот Сенка помогла. Мне еще очень плохо, но я хотя бы уже не умираю.

Мы помолчали. Кира-2 положила мне голову на грудь и, кажется, уснула. Я не будил ее, пускай отдохнет.

На следующей неделе выяснилось, что Давид в том мире умер. От передозировки. Он отослал Киру, а сам продолжал, пока у него не остановилось сердце. Или его убил Кирилл. Это я так думаю. Киры же считают, что он умер от стимуляторов. Я же немного сомневаюсь. Но о своих сомнениях не рассказываю своим любимым. Я представляю ситуацию и понимаю, что на месте того Кирилла я бы нанес удар отчаяния. Вернее, не удар, я бы поглотил его. Но, может быть, Кирилл этого и не делал, не успел. Не знаю. Я знаю, что мир многомерен и все в нем взаимосвязано. И связь между причиной и следствием не такая простая, как кажется из трехмерного разреза.

Глава 16

Сядь на звезду,
Останови молнию,
Собери океан в каплю,
Познай пустоту,
Ограничь вечность
И поговори сам с собой —
Больше все равно
Никого нет.

— Я жила на последнем этаже небоскреба.

Подо мной на ста тридцати пяти этажах
Постоянно грохотало, взрывалось, ухало и тлело,
Кричали, спорили, выясняли отношения, стреляли.
Я брала подзорную трубу и смотрела вниз, как выносят
трупы.

А потом садилась за стол и писала петицию ихнему
боссу,
Чтобы прекратили шуметь, и вообще, чтобы освободи-
ли помещение.

Я никогда не видела их босса, но он точно был,
потому что после каждой перестрелки приходил от не-
го толстый человек с усами, цветами, деньгами и изви-
нениями.

Цветы были очень красивые, и я их брала, а деньги и из-
винения бросала обратно.

Усатый их аккуратно собирал, складывал в пачки,
скреплял резиночкой

И оставлял у лифта,

А я потом делала из них самолетики и пускала из окна.

Иногда все стихало, и я радовалась.

А еще там работали женщины —
Парикмахерша, маникюрша и педикюрша.
Босс им хорошо платил, и они были довольны.
Они заходили ко мне поболтать и попить чаю.
Парикмахерша даже хотела сделать мне прическу.
«Будешь красивая», — говорила она.
«Я и так красивая», — отвечала я.
«Ну, тогда будешь самая». —
«А я и так самая». —
«Ну, так просто приходи на трупы посмотреть».
«Приду», — говорила я.
А один раз я спасла их девушку,
То ли курьера, то ли радистку.
Не знаю точно.
Она вбежала ко мне вся в крови и с автоматом
Я взяла автомат и перестреляла всех ее преследователей.
А потом подбежала к окну и смотрела в трубу, как выносят трупы.
Девушка эта, видно, была им дорога, поскольку мне принесли больше, чем обычно, цветов и денег.
А потом в их дурацкой перестрелке погибла моя любимая кошка.
Она, правда, была вредная, злопамятная, любопытная и постоянно совала свой нос в их разборки.
Но зато она меня любила, и у меня никого не было, кроме нее.
Я опять села писать петицию их боссу...
Пришел толстый с усами и с огромной клеткой.
Там сидели разные кошки-коты.
И были даже очень красивые и жутко породистые.
Один только тощий, страшный, маленький, с большими ушами и глазами.
«Выбирай любую», — сказал он и запрыгал от радости.

«Не нужны мне ваши кошки, мою верните», — сказала я.

«Твоя умерла, труп уже вынесли...» —

«Мне не нужен труп». —

«Так и я говорю, бери живую...» —

«Не возьму». —

«Ну, как хочешь». — И он развернулся, чтобы уйти.

«Хорошо, — сказала я, — возьму этого страшного».

«Ты, что сумасшедшая?» —

«Сумасшедшая». —

«Ну, тогда бери, только я бы не советовал...

с ним тяжело...»

И ушел.

«Привет! — сказал котенок. — Я говорящий». —

«А что ты говоришь?» —

«Все. Я умный». —

«Я сама умная». —

«Ты сумасшедшая». —

«А ты?» —

«Я говорящий. Только за мной нужно хорошо ухаживать. Еду готовить специальную, выгуливать на крыше и песню на ночь петь колыбельную...» —

«Перебьешься». —

«Не перебьется». — Из лифта вышел усатый, с огромной кастрюлей.

Я заглянула в кастрюлю —

Суп

В эту кастрюлю таких котят можно штук десять засунуть,

если не утрамбовывать.

«Я буду приходить и за ним ухаживать, и еду приносить, и песни петь,

я знаю, как,

я за ним уже лет сто пятьдесят ухаживаю, —

сказал толстый. —

Вообще-то это наш котенок, а в клетку случайно попал».

Котенок встал на задние лапы и начал есть суп, а когда уровень супа в кастрюле упал и ему стало неудобно лакать, он попросил положить в кастрюлю разделочную доску и дальше ел, сидя на ней, как на плоту.

Я почувствовала движение под собой, взяла подозрную трубу и стала смотреть в окно. Что-то выносили, но не трупы.

«Мы съезжаем, из-за тебя всё», — грустно сказал толстый и ушел. Пришли парикмахерша, педикюрша и маникюрша. «Мы съезжаем», — сказали они и заплакали. — «из-за тебя всё...»

Босс в тебя влюблен...

Просила нас освободить помещение, вот мы и освобождаем...

Что теперь с нами будет?»

Они наплакали целую лужу

«Ничего с вами не случится, будете перестреливаться в другом месте, — сказал страшный котенок. —

Кстати, это место недалеко отсюда, в гости будете приходить и чай пить».

«А что со мной будет? — спросила я. —

Что мне делать одной в этом небоскребе?»

Когда все уехали, я стала кататься на лифте.

Теперь хоть можно спокойно покататься,

Никто не стреляет и не шумит.

«Катаешься?» —

спросил котенок.

«Катаюсь», —
ответила я.
«Давай вместе».
Мы катались три дня.
«А теперь что делать? —
сказала я. — Я больше не хочу кататься». —
«Теперь будем пить чай и ждать его». —
«Кого?» —
«Ну, того, кто умнее меня и все знает.
Он будет тебя защищать и о тебе заботиться». —
«Точно будет?» —
«Точно. Только тебе нужно его слушаться». —
«А когда он придет?»
Он показал на дверь.
Вошел какой-то человек в потрепанных джинсах и в кроссовках на босу ногу.
«У вас есть розетка?» — спросил он.
«Что?» — возмутилась я.
«Мне необходимо поработать, а в моем ноутбуке испорчена батарея,
мне нужно подключиться», — сказал он.
«А больше вы ничего не хотите?» — спросила я.
«Хочу. Чашечку чая с булочкой, пожалуйста...»
Я взбучилась.
«Спокойно, —
сказал котенок, — без истерики».

И тут я тебя узнала.
Это был ты.
Твой портфель, твой поломанный ноутбук
И часы «шторм» на руке, что я тебе недавно подарила
И я все вспомнила
Сразу.
Вспомнила, что я тебя люблю, сильнее не бывает.
Что мы сейчас в Тунисе

Купаемся в зеленом море, бегаем по белому песку и пьем красное вино,
А страшный ободранный котенок охотится за едой.
Мы его кормим и дрессируем.
Я подбежала к тебе и стала тебя обнимать и целовать.
«Кирюша, милый, это же я!» —
«Я не знаю вас, мне розетка нужна...» — сказал ты и отодвинул меня в сторону.
«Покажи ему розетку, — сказал котенок. —
В любом случае он теперь наш.
Он тоже вспомнит...
А если даже и не вспомнит,
Он все устроит и все уладит.
Только не мешай ему и Слушайся».
И тут я проснулась...

- Замечательно. Только мы сейчас не в Тунисе.
- А где?
- В Москве...
- А... — сказала Кира и огляделась.

После двадцати минут охоты под пальмами Кирилл держал в руках худого, ободранного, но, судя по воинственному взгляду, не собирающегося сдаваться котенка.

- Это он? — Кирилл протянул свою добычу Кире. Кира взяла котенка.

Держа его перед собой на вытянутых руках, как будто чего-то опасаясь, она оглядела его со всех сторон, потом сказала:

- Он. Он самый. Голодный, небось.
- Я сейчас сбегая за пиццей. Как ты думаешь, он будет есть пиццу?

— Ну, если нет супа, может быть, пойдет и пицца. Давай, неси... Попробуем.

Кира села на лежак, посадила рядом котенка, удерживая его одной рукой, чтобы не убежал. Но он, похоже, уже не собирался бежать. Кира махнула проходящему мимо официанту с подносом.

— Two red wine... — как-то неуверенно сказала она и тут же поправилась: — Three... Three red wine.

— Ну, что говорит котенок? — спросил Кирилл, протягивая Кире тарелку с огромной пиццей.

— Он молчит.

— А должен говорить. Если я правильно все понял...

— Подожди, сейчас поест и, может быть, заговорит.

Кира отломала маленький кусочек пиццы и протянула его котенку. Он посмотрел на Киру, потом на пиццу, потом снова на Киру.

— Между прочим, за пиццей бегал я, — сказал Кирилл.

Котенок посмотрел на Кирилла.

— Three red wine... — Официант осторожно представлял бокалы с вином со своего подноса на белый пластмассовый столик.

Котенок вытянул шею и заводил носом. Он проигнорировал протянутый ему кусок, потянулся к тарелке и стал кусать от целого, придерживая это целое одной лапой.

— Ничего себе! — воскликнула Кира. — Вообще-то это на троих...

— Тогда я выпью его вино, — сказал Кирилл.

Котенок съел всю пиццу и растянулся на Кирином лежаке.

— Ну уж нет, — сказала Кира, перекладывая котенка на белый пластмассовый стул. — Лежак мой. Я большая. А ты маленький. Тебе вполне хватит и стула.

— Вообще-то он мог бы и на траве...

Котенок посмотрел на Кирилла и мяукнул.

— Что? Что он сказал?

Кира закрыла глаза.

Она сидела на полосатом диване.

Диван поизносился, но держал форму.

Лифт уже давно сломался, и они больше не катались по этажам.

Рядом на полосатом диване развалился усатый.

У него на коленях сидел котенок.

«Это все потому, что ты тоже стал кататься на лифте. Лифт этого не смог вынести...» — сказал котенок и укусил усатого за большой палец.

«Больно, — сказал усатый и погладил котенка, — я больше не буду».

«Конечно, не будешь, ведь теперь лифт сломан», — сказал котенок.

«Он починит», — усатый кивнул на Кирилла.

Кирилл сидел на полу у розетки и печатал на своем ноутбуке.

«Ему некогда, — сказал котенок, — ему нужно все вспомнить».

«Сколько же можно вспоминать? — спросил усатый и подошел к окну — лето уже...»

«Лето...» — сказал котенок и улыбнулся.

«...И все давно уже умерли... И мы скоро умрем...»

«Умрем», — согласился котенок.

«А он все вспоминает...» — усатый подошел к Кириллу.

«Пусть вспоминает, — сказал котенок и потянулся, — мы не умрем, пока он не вспомнит».

«Скорее бы уже». — Усатый вернулся на диван.

«А что так?» —

«Да надоело уже. Песни тебе петь, суп варить...» —

«Сделай мне тогда пиццу». —

«Пиццу! Именно пиццу! Как я сам не сообразил?» —

Усатый повеселел и убежал делать пиццу.

Кира открыла глаза.

— Он сказал, что мы не умрем, пока ты все не вспомнишь.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	33
Глава 3	47
Глава 4	60
Глава 5	96
Глава 6	138
Глава 7	174
Глава 8	202
Глава 9	226
Глава 10	258
Глава 11	279
Глава 12	300
Глава 13	324
Глава 14	335
Глава 15	367
Глава 16	374

Литературно-художественное издание

Колесник Елена,
Федорив Андрей

СМЕРТЬ и ЛЕТО

Выпускающий редактор

Ю.Р. Камалова

Художественный редактор

М.Е. Басипова

Технолог

С.С. Басипова

Оператор компьютерной верстки

М.Е. Басипова

Корректор

К.В. Челнокова

Подписано в печать 15.04.2008

Формат 84x108/32

Тираж 2000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»

107259 г. Москва, Бухвостова 1-я ул.,

д. 12/11, стр. 17-18

Отпечатано в ОАО ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14